

ЧЁРНАЯ КУРИЦА. СКАЗКИ

Литрес ≡

Лидия Алексеевна Чарская
Антоний Погорельский
Всеволод Михайлович Гаршин
Владимир Фёдорович Одоевский
Черная курица. Сказки

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22037789

Черная курица : сказки: Э; Москва; 2016
ISBN 978-5-699-92052-5, 978-5-699-92053-2

Аннотация

В книгу включены литературные сказки русских писателей Антония Погорельского, Владимира Одоевского, Всеволода Гаршина, Лидии Чарской, которые входят в обязательную программу по литературе, а также рекомендованные для внеклассного чтения в 4–5-х классах.

Содержание

Антоний Погорельский	5
Владимир Одоевский	69
Всеволод Гаршин	81
Лидия Чарская	97
Вступление	97
Царевна Льдинка	100
Волшебный оби	114
Король с раскрашенной картинки	129
Фея в медвежьей берлоге	149
Чародей Голод	164
Дочь Сказки	173
Три слезинки королевы	186
Дуль-Дуль, король без сердца	199
Чудесная звездочка	219
Галина правда	228
Сказка про Ивана, искавшего счастье	245
Веселое царство	252
Мельник Нарцисс	261
Живая перчатка	272
Сказка о красоте	283
Герцог над зверями	294
Подарок феи	303
Меч королевы	312

Черная курица. Сказки

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Антоний Погорельский

Черная курица, или Подземные жители

Лет сорок тому назад в С.-Петербурге, на Васильевском острове, в Первой линии, жил-был содержатель мужского пансиона, который еще и до сих пор, вероятно, у многих остался в свежей памяти, хотя дом, где пансион тот помещался, давно уже уступил место другому, нисколько не по-

хожему на прежний. В то время Петербург наш уже славился в целой Европе своею красотою, хотя и далеко еще не был таким, каков теперь. Тогда на проспектах Васильевского острова не было веселых тенистых аллей: деревянные подмости, часто из гнилых досок сколоченные, заступали место нынешних прекрасных тротуаров. Исаакиевский мост, узкий в то время и неровный, совсем иной представлял вид, нежели как теперь; да и самая площадь Исаакиевская вовсе не такова была. Тогда монумент Петра Великого от Исаакиевской церкви отделен был канавою; Адмиралтейство не было обсажено деревьями; манеж Конногвардейский не украшал площади прекрасным нынешним фасадом – одним словом, Петербург тогдашний не то был, что теперешний. Города перед людьми имеют, между прочим, то преимущество, что они иногда с годами становятся красивее... Впрочем, не о том теперь идет дело. В другой раз и при другом случае я, может быть, поговорю с вами пространнее о переменах, происшедших в Петербурге в течение моего века, – теперь же обратимся опять к пансиону, который лет сорок тому назад находился на Васильевском острове, в Первой линии.

Дом, которого теперь – как уже я вам сказывал – вы не найдете, был о двух этажах, крытый голландскими черепицами. Крыльцо, по которому в него входили, было деревянное и выдавалось на улицу... Из сеней довольно крутая лестница вела в верхнее жилье, состоявшее из восьми или девяти комнат, в которых с одной стороны жил содержатель панси-

она, а с другой были классы. Дортуары, или спальные комнаты детей, находились в нижнем этаже, по правую сторону сеней, а по левую жили две старушки, голландки, из которой каждой было более ста лет и которые собственными глазами видали Петра Великого и даже с ним говаривали...

В числе тридцати или сорока детей, обучавшихся в том пансионе, находился один мальчик, по имени Алеша, которому тогда было не более девяти или десяти лет. Родители его, жившие далеко-далеко от Петербурга, года за два перед тем привезли его в столицу, отдали в пансион и возвратились домой, заплатив учителю условленную плату за несколько лет вперед. Алеша был мальчик умный, миленький, учился хорошо, и все его любили и ласкали. Однако, несмотря на то, ему часто скучно бывало в пансионе, а иногда даже и грустно. Особенно сначала он никак не мог приучиться к мысли, что он разлучен с родными своими. Но потом мало-помалу он стал привыкать к своему положению, и бывали даже минуты, когда, играя с товарищами, он думал, что в пансионе гораздо веселее, нежели в родительском доме.

Вообще дни учения для него проходили скоро и приятно; но когда наставала суббота и все товарищи его спешили домой к родным, тогда Алеша горько чувствовал свое одиночество. По воскресеньям и праздникам он весь день оставался один, и тогда единственным утешением его было чтение книг, которые учитель позволял ему брать из небольшой

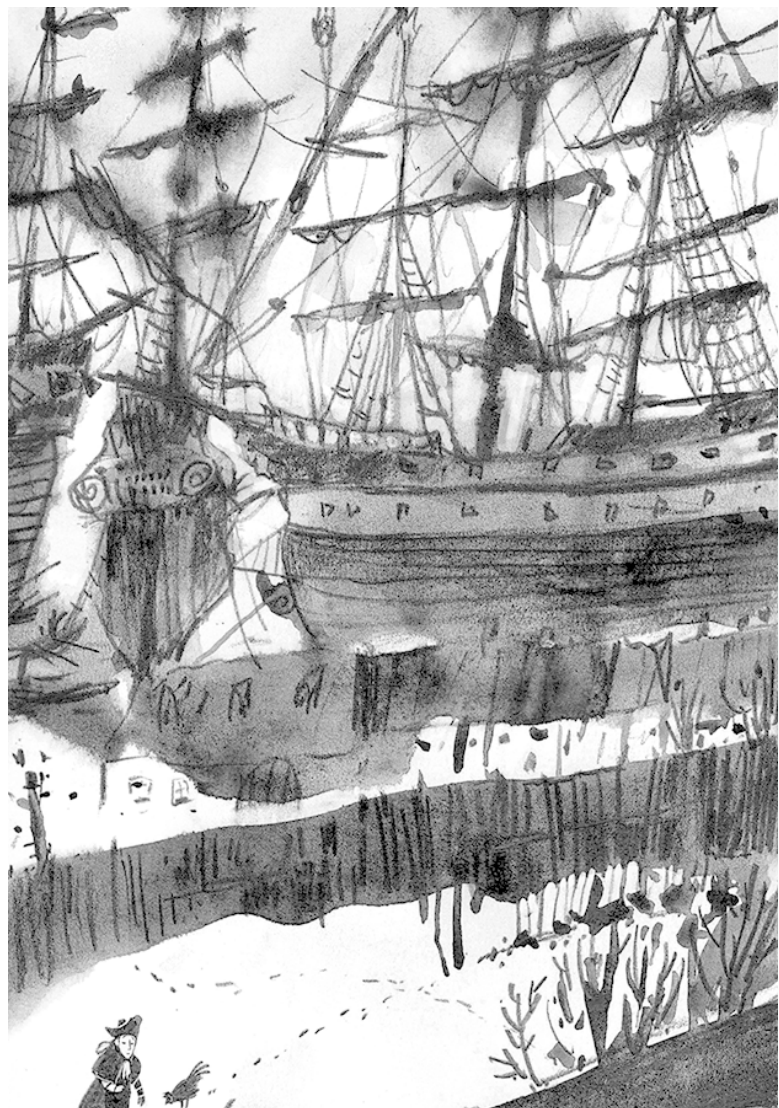
своей библиотеки. Учитель был родом немец, а в то время в немецкой литературе господствовала мода на рыцарские романы и волшебные повести, – и библиотека, которую пользовался наш Алеша, большею частью состояла из книг сего рода.

Итак, Алеша, будучи еще в десятилетнем возрасте, знал уже наизусть деяния славнейших рыцарей, по крайней мере так, как они описаны были в романах. Любимым его занятием в длинные зимние вечера, по воскресеньям и другим

праздничным дням, было мысленно переноситься в старинные, давно прошедшие века... Особливо в вакантное время, когда он бывал разлучен надолго со своими товарищами, когда часто целые дни просиживал в уединении, юное воображение его бродило по рыцарским замкам, по страшным развалинам или по темным, дремучим лесам.

Я забыл сказать вам, что к дому этому принадлежал довольно просторный двор, отделенный от переулка деревянным забором из барочных досок. Ворота и калитка, кои вели в переулок, всегда были заперты, и потому Алеше никогда не удавалось побывать в этом переулке, который сильно возбуждал его любопытство. Всякий раз, когда позволяли ему в часы отдыха играть на дворе, первое движение его было – подбегать к забору. Тут он становился на цыпочки и пристально смотрел в круглые дырочки, которыми усеян был забор. Алеша не знал, что дырочки эти происходили от деревянных гвоздей, которыми прежде сколочены были барки, и ему казалось, что какая-нибудь добрая волшебница нарочно для него провертела эти дырочки. Он всё ожидал, что когда-нибудь эта волшебница явится в переулке и сквозь дырочку подаст ему игрушку, или талисман, или письмоцо от папеньки или маменьки, от которых не получал он давно уже никакого известия. Но, к крайнему его сожалению, не являлся никто даже похожий на волшебницу.

Другое занятие Алеша состояло в том, чтобы кормить курочек, которые жили около забора в нарочно для них выстроенном домике и целый день играли и бегали на дворе. Алеша очень коротко с ними познакомился, всех знал по имени, разнимал их драки, а забияк наказывал тем, что иногда несколько дней сряду не давал им ничего от крошек, которые всегда после обеда и ужина он собирал со скатерти. Между курами он особенно любил одну черную хохлатую, названную Чернушкой. Чернушка была к нему ласковее других; она даже иногда позволяла себя гладить, и потому Алеша лучшие кусочки приносил ей. Она была нрава тихого; редко прохаживалась с другими и, казалось, любила Алешу более, нежели подруг своих.

Однажды (это было во время зимних вакаций – день был прекрасный и необыкновенно теплый, не более трех или четырех градусов мороза) Алеше позволили поиграть на дворе. В тот день учитель и жена его в больших были хлопотах. Они давали обед директору училищ, и еще накануне, с утра до позднего вечера, везде в доме мыли полы, вытирали пыль и вощили красного дерева столы и комоды. Сам учитель ездил закупать провизию для стола: белую архангельскую телятину, огромный окорок и киевское варенье. Алеша тоже по мере сил способствовал приготовлениям: его заставили из белой бумаги вырезать красивую сетку на окорок и украшать бумажною резьбою нарочно купленные шесть восковых све-

чей. В назначенный день рано поутру явился парикмахер и показал свое искусство над буклями, тупеем и длинной ко-сой учителя. Потом принялся за супругу его, на помадил и напудрил у ней локоны и шиньон и взгромоздил на ее голове целую оранжерею разных цветов, между которыми блистали искусным образом помещенные два бриллиантовые перст-ня, когда-то подаренные ее мужу родителями учеников. По окончании головного убора накинула она на себя старый, изношенный салоп и отправилась хлопотать по хозяйству, на-блюдая притом строго, чтоб как-нибудь не испортилась при-ческа; и для того сама она не входила в кухню, а давала при-казания своей кухарке, стоя в дверях. В необходимых же слу-чаях посылала туда мужа своего, у которого прическа не так была высока.

В продолжение всех этих забот Алешу нашего совсем за-были, и он тем воспользовался, чтоб на просторе играть на дворе. По обыкновению своему, он подошел сначала к до-щатому забору и долго смотрел в дырочку; но и в этот день никто почти не проходил по переулку, и он со вздохом об-ратился к любезным своим курочкам. Не успел он присесть на бревно и только что начал манить их к себе, как вдруг увидел подле себя кухарку с большим ножом. Алеше нико-гда не нравилась эта кухарка – сердитая и бранчливая. Но с тех пор, как он заметил, что она-то и была причиною, что от времени до времени уменьшалось число его курочек, он еще менее стал ее любить. Когда же однажды нечаянно увидел он

в кухне одного хорошенького, очень любимого им петушка, повешенного за ноги с перерезанным горлом, то возымел он к ней ужас и отвращение. Увидев ее теперь с ножом, он тотчас догадался, что это значит, и, чувствуя с горестию, что он не в силах помочь своим друзьям, вскочил и побежал далеко прочь.

– Алеша, Алеша, помоги мне поймать курицу! – кричала кухарка.

Но Алеша принялся бежать еще пуще, спрятался у забора за курятником и сам не замечал, как слезки одна за другою выкатывались из его глаз и упали на землю.

Довольно долго стоял он у курятника, и сердце в нем сильно билось, между тем как кухарка бегала по двору – то манила курочек: «Цып, цып, цып!», – то бранила их.

Вдруг сердце у Алеши еще сильнее забилося: ему послышался голос любимой его Чернушки! Она кудахтала самым отчаянным образом, и ему показалось, что она кричит:

Куда х, куда х, куду ху!
Алеша, спаси Чернуху!
Куду ху, куду ху,
Чернуху, Чернуху!

Алеша никак не мог долее оставаться на своем месте. Он, громко всхлипывая, побежал к кухарке и бросился к ней на шею в ту самую минуту, как она поймала уже Чернушку за крыло.

– Любезная, милая Тринушка! – вскричал он, обливаясь слезами, – пожалуйста, не тронь мою Чернуху!

Алеша неожиданно бросился на шею к кухарке, и она упустила из рук Чернушку, которая, воспользовавшись этим, от страха взлетела на кровлю сарая и продолжала кудачтать.

Но Алеше теперь слышалось, будто она дразнит кухарку и кричит:

Куда х, куда х, куду ху!
Не поймала ты Чернуху!
Куду ху, куду ху,
Чернуху, Чернуху!

Между тем кухарка вне себя была от досады и хотела бежать к учителю, но Алеша не допустил ее. Он прицепился к полам ее платья и так умильно стал просить, что она остановилась.

– Душенька, Тринушка! – говорил он, – ты такая хорошенькая, чистенькая, добренькая... Пожалуйста, оставь мою Чернушку! Вот посмотри, что я тебе подарю, если ты будешь добра.

Алеша вынул из кармана империал, составлявший всё его имение, который берег он пуще глаза своего, потому что это был подарок доброй его бабушки... Кухарка взглянула на золотую монету, окинула взором окошки дома, чтоб удостовериться, что никто их не видит, и протянула руку за империалом. Алеше очень, очень жаль было империала, но он вспом-

нил о Чернушке и с твердостью отдал драгоценный подарок.

Таким образом Чернушка спасена была от жестокой и неминуемой смерти.

Лишь только кухарка удалилась в дом, Чернушка слетела с кровли и подбежала к Алеше. Она как будто знала, что он ее избавитель: кружилась около него, хлопала крыльями и кудахтала веселым голосом. Всё утро она ходила за ним по двору, как собачка, и казалось, будто хочет что-то сказать ему, да не может. По крайней мере он никак не мог разобрать ее кудахтанья.

Часа за два перед обедом начали собираться гости. Алешу позвали наверх, надели на него рубашку с круглым воротником и батистовыми манжетами с мелкими складками, белые шароварцы и широкий шелковый голубой кушак. Длинные русые волосы, висевшие у него почти до пояса, хорошенько расчесали, разделили на две равные части и переложили наперед по обе стороны груди.

Так наряжали тогда детей. Потом научили, каким образом он должен шаркнуть ногой, когда войдет в комнату директор, – и что должен отвечать, если будут сделаны ему какие-нибудь вопросы.

В другое время Алеша был бы очень рад приезду директора, которого давно хотелось ему видеть, потому что, судя по почтению, с каким отзывались о нем учитель и учительша, он воображал, что это должен быть какой-нибудь знаменитый рыцарь в блестящих латах и в шлеме с большими пе-

рьями. Но на этот раз любопытство это уступило место мысли, исключительно тогда его занимавшей: о черной курице. Ему всё представлялось, как кухарка за нею бегала с ножом и как Чернушка кудахтала разными голосами. Притом ему очень досадно было, что не мог он разобрать, что она ему сказать хотела, и его так и тянуло к курятнику... Но делать было нечего: надлежало дожидаться, пока кончится обед!

Наконец приехал директор. Приезд его возвестила учительша, давно уже сидевшая у окна, пристально смотря в ту сторону, откуда его ждали.

Все пришло в движение: учитель стремглав бросился из дверей, чтоб встретить его внизу, у крыльца; гости встали с мест своих, и даже Алеша на минуту забыл о своей курочке и подошел к окну, чтоб посмотреть, как рыцарь будет слезать с ретивого коня. Но ему не удалось увидеть его, ибо он успел уже войти в дом. У крыльца же вместо ретивого коня стояли обыкновенные извозчичьи сани. Алеша очень этому удивился! «Если бы я был рыцарь, – подумал он, – то никогда бы не ездил на извозчике, а всегда верхом!»

Между тем отворили настежь все двери, и учительша начала приседать в ожидании столь почтенного гостя, который вскоре потом показался. Сперва нельзя было видеть его за толстою учительшею, стоявшею в самых дверях; но, когда она, окончив длинное приветствие свое, присела ниже обыкновенного, Алеша, к крайнему удивлению, из-за нее увидел... не шлем пернатый, но просто маленькую лысую головку, набело распудренную, единственным украшением которой, как после заметил Алеша, был маленький пучок! Когда вошел он в гостиную, Алеша еще более удивился, увидев, что, несмотря на простой серый фрак, бывший на директоре вместо блестящих лат, все обращались с ним необыкновенно почтительно.

Сколь, однако ж, ни казалось все это странным Алеше, сколь в другое время он бы ни был обрадован необыкновенным убранством стола, но в этот день он не обращал боль-

шого на то внимания. У него в головке всё бродило утреннее происшествие с Чернушкой. Подали десерт: разного рода варенья, яблоки, бергамоты, финики, винные ягоды и грецкие орехи; но и тут он ни на одно мгновение не переставал помышлять о своей курочке. И только что встали из-за стола, как он с трепещущим от страха и надежды сердцем подошел к учителю и спросил, можно ли идти поиграть на дворе.

– Подите, – отвечал учитель, – только не долго там будьте: уж скоро делается темно.

Алеша поспешно надел свою красную бекешу на беличьем меху и зеленую бархатную шапочку с собольим околышком и побежал к забору. Когда он туда прибыл, курочки начали уже собираться на ночлег и, сонные, не очень обрадовались принесенным крошкам. Одна Чернушка, казалось, не чувствовала охоты ко сну: она весело к нему подбежала, захлопала крыльями и опять начала кудахтать. Алеша долго с ней играл; наконец, когда сделалось темно и настала пора

идти домой, он сам затворил курятник, удостоверившись наперед, что любезная его курочка уселась на шесте. Когда он выходил из курятника, ему показалось, что глаза у Чернушки светятся в темноте, как звездочки, и что она тихонько ему говорит:

– Алеша, Алеша! Остайся со мною!

Алеша возвратился в дом и весь вечер просидел один в классных комнатах, между тем как на другой половине часу до одиннадцатого пробыли гости. Прежде, нежели они разъехались, Алеша пошел в нижний этаж, в спальню, разделся, лег в постель и потушил огонь. Долго не мог он заснуть. Наконец сон его преодолел, и он только что успел во сне разговориться с Чернушкой, как, к сожалению, пробужден был шумом разъезжающихся гостей.

Немного погодя учитель, провожавший директора со свечою, вошел к нему в комнату, посмотрел, все ли в порядке, и вышел вон, замкнув дверь ключом.

Ночь была месячная, и сквозь ставни, неплотно затворявшиеся, упал в комнату бледный луч луны. Алеша лежал с открытыми глазами и долго слушал, как в верхнем жилье, над его головою, ходили по комнатам и приводили в порядок стулья и столы.

Наконец все утихло... Он взглянул на стоявшую подле него кровать, немного освещенную месячным сиянием, и заметил, что белая простыня, висящая почти до полу, легко шевелилась. Он пристальнее стал всматриваться... ему по-

слышалось, как будто что-то под кроватью царапается, – и немного погодя показалось, что кто-то тихим голосом зовет его:

– Алеша, Алеша!

Алеша испугался... Он один был в комнате, и ему тот час пришло на мысль, что под кроватью должен быть вор. Но потом, рассудив, что вор не называл бы его по имени, он несколько ободрился, хотя сердце в нем дрожало.

Он немного приподнялся в постели и еще яснее увидел, что простыня шевелится... еще внятнее услышал, что кто-то говорит:

– Алеша, Алеша!

Вдруг белая простыня приподнялась, и из-под нее вышла... черная курица!

– Ах! это ты, Чернушка! – невольно вскричал Алеша. – Как ты зашла сюда?

Чернушка захлопала крыльями, взлетела к нему на кровать и сказала человеческим голосом:

– Это я, Алеша! Ты не боишься меня, не правда ли?

– Зачем я тебя буду бояться? – отвечал он. – Я тебя люблю; только для меня странно, что ты так хорошо говоришь: я совсем не знал, что ты говорить умеешь!

– Если ты меня не боишься, – продолжала курица, – так поди за мною. Одевайся скорее!

– Какая ты, Чернушка, смешная! – сказал Алеша. – Как мне можно одеться в темноте? Я платья своего теперь не сы-

щу, я и тебя насилу вижу!

– Постараюсь этому помочь, – сказала курочка. Тут она закудахтала странным голосом, и вдруг откуда ни взялись маленькие свечки в серебряных шандалах, не больше как с Алешин маленький пальчик. Шандалы эти очутились на полу, на стульях, на окнах, даже на рукомоёмнике, и в комнате сделалось так светло, так светло, как будто днем. Алеша начал одеваться, а курочка подавала ему платье, и таким образом он вскоре совсем был одет.

Когда Алеша был готов, Чернушка опять закудахтала, и все свечки исчезли.

– Иди за мною! – сказала она ему.

И он смело последовал за нею. Из глаз ее выходили как будто лучи, которые освещали всё вокруг них, хотя не так ярко, как маленькие свечки. Они прошли через переднюю.

– Дверь заперта ключом, – сказал Алеша.

Но курочка ему не отвечала: она хлопнула крыльями, и дверь сама собою отворилась. Потом, пройдя через сени, обратились они к комнатам, где жили столетние старушки голландки. Алеша никогда у них не бывал, но слышал, что комнаты у них убраны по-старинному, что у одной из них большой серый попугай, а у другой – серая кошка, очень умная, которая умеет прыгать через обруч и подавать лапку. Ему давно хотелось всё это видеть, потому он очень обрадовался, когда курочка опять хлопнула крыльями и дверь в покои старушек отворилась.

Алеша в первой комнате увидел всякого рода старинную мебель: резные стулья, кресла, столы и комоды. Большая лежанка была из голландских изразцов, на которых нарисованы были синей муравой люди и звери. Алеша хотел было остановиться, чтоб рассмотреть мебель, а особливо фигуры на лежанке, но Чернушка ему не позволила.

Они вошли во вторую комнату, и тут-то Алеша обрадовался! В прекрасной золотой клетке сидел большой серый попугай с красным хвостом. Алеша тотчас хотел подбежать к нему. Чернушка опять его не допустила.

– Не трогай здесь ничего, – сказала она. – Берегись разбудить старушек!

Тут только Алеша заметил, что подле попугая стояла кровать с белыми кисейными занавесками, сквозь которые он мог различить старушку, лежащую с закрытыми глазами: она показалась ему как будто восковая. В другом углу стояла такая же точно кровать, где спала другая старушка, а подле нее сидела серая кошка и умывалась передними лапами. Проходя мимо нее, Алеша не мог утерпеть, чтоб не попросить у ней лапки... Вдруг она громко замяукала, попугай нахохлился и начал громко кричать: «Дуррак! дуррак!» В то самое время видно было сквозь кисейные занавески, что старушки приподнялись в постели. Чернушка поспешно удалилась, Алеша побежал за нею, дверь вслед за ними сильно захлопнулась... и еще долго слышно было, как попугай кричал: «Дуррак! дуррак!»

– Как тебе не стыдно! – сказала Чернушка, когда они удалились от комнат старушек. – Ты, верно, разбудил рыцарей...

– Каких рыцарей? – спросил Алеша.

– Ты увидишь, – отвечала курочка. – Не бойся, однако ж, ничего, иди за мною смело.

Они спустились вниз по лестнице, как будто в погреб, и долго-долго шли по разным переходам и коридорам, которых прежде Алеша никогда не видывал. Иногда коридоры эти так были низки и узки, что Алеша принужден был нагибаться. Вдруг вошли они в залу, освещенную тремя боль-

шими хрустальными люстрами. Зала была без окошек, и по обеим сторонам висели на стенах рыцари в блестящих латах, с большими перьями на шлемах, с копьями и щитами в железных руках.

Чернушка шла вперед на цыпочках и Алеше велела следовать за собой тихонько-тихонько.

В конце залы была большая дверь из светлой желтой меди. Лишь только они подошли к ней, как соскочили со стен два рыцаря, ударили копьями об щиты и бросились на черную курицу. Чернушка подняла хохол, распустила крылья... вдруг сделалась большая-большая, выше рыцарей, и начала с ними сражаться! Рыцари сильно на нее наступали, а она защищалась крыльями и носом. Алеше сделалось страшно, сердце в нем сильно затрепетало, и он упал в обморок.

Когда пришел он опять в себя, солнце сквозь ставни освещало комнату, и он лежал в своей постели. Не видно было ни Чернушки, ни рыцарей, Алеша долго не мог опомниться. Он не понимал, что с ним было ночью: во сне ли всё то видел или в самом деле это происходило? Он оделся и пошел наверх, но у него не выходило из головы виденное им в прошлую ночь. С нетерпением ожидал он минуты, когда можно

ему будет идти играть на двор, но весь тот день, как нарочно, шел сильный снег, и нельзя было и подумать, чтоб выйти из дому.

За обедом учительша между прочими разговорами объявила мужу, что черная курица непонятно куда спряталась.

– Впрочем, – прибавила она, – беда невелика, если бы она и пропала: она давно назначена была на кухню. Вообрази себе, душенька, что с тех пор, как она у нас в доме, она не снесла ни одного яичка.

Алеша чуть-чуть не заплакал, хотя и пришло ему на мысль, что лучше, чтоб ее нигде не находили, нежели чтоб попала она на кухню.

После обеда Алеша остался опять один в классных комнатах. Он беспрестанно думал о том, что происходило в прошедшую ночь, и не мог никак утешиться в потере любезной Чернушки. Иногда ему казалось, что он непременно должен ее увидеть в следующую ночь, несмотря на то что она пропала из курятника. Но потом ему казалось, что это дело несбыточное, и он опять погружался в печаль.

Настало время ложиться спать, и Алеша с нетерпением разделся и лег в постель. Не успел он взглянуть на соседнюю кровать, опять освещенную тихим лунным сиянием, как зашевелилась белая простыня – точно так, как накануне... Опять послышался ему голос, его зовущий: «Алеша, Алеша!» – и немного погодя вышла из-под кровати Чернушка и взлетела к нему на постель.

– Ах! Здравствуй, Чернушка! – вскричал он вне себя от радости. – Я боялся, что никогда тебя не увижу. Здорова ли ты?

– Здорова, – отвечала курочка, – но чуть было не занемогла по твоей милости.

– Как это, Чернушка? – спросил Алеша, испугавшись.

– Ты добрый мальчик, – продолжала курочка, – но притом ты ветрен и никогда не слушаешься с первого слова, а это нехорошо! Вчера я говорила тебе, чтоб ты ничего не трогал в комнатах старушек, – несмотря на то, ты не мог утерпеть, чтоб не попросить у кошки лапку. Кошка разбудила попугая, попугай – старушек, старушки – рыцарей – и я насилу с ними сладила!

– Виноват, любезная Чернушка, вперед не буду! Пожалуйста, поведи меня сегодня опять туда. Ты увидишь, что я буду послушен.

– Хорошо, – сказала курочка, – увидим!

Курочка закудаhtала, как накануне, и те же маленькие

свечки явились в тех же серебряных шандалах. Алеша опять оделся и пошел за курицею. Опять вошли они в покои старушек, но в этот раз он уж ни до чего не дотрагивался.

Когда они проходили через первую комнату, то ему показалось, что люди и звери, нарисованные на лежанке, делают разные смешные гримасы и манят его к себе, но он нарочно от них отвернулся. Во второй комнате старушки-голландки, так же как накануне, лежали в постелях, будто восковые. Попугай смотрел на Алешу и хлопал глазами, серая кошка опять умывалась лапками. На убранном столе перед зеркалом Алеша увидел две фарфоровые китайские куклы, которых вчера он не заметил. Они кивали ему головою; но он помнил приказание Чернушки и прошел, не останавливаясь, однако не мог утерпеть, чтоб мимоходом им не поклониться. Куколки тотчас соскочили со стола и побежали за ним, всё кивая головою. Чуть-чуть он не остановился – такими они показались ему забавными, но Чернушка оглянулась на него с сердитым видом, и он опомнился. Куколки проводили их до дверей и, видя, что Алеша на них не смотрит, возвратились на свои места.

Опять спустились они с лестницы, ходили по переходам и коридорам и пришли в ту же залу, освещенную тремя хрустальными люстрами. Те же рыцари висели на стенах, и опять, когда приблизились они к двери из желтой меди, два рыцаря сошли со стены и заступили им дорогу. Казалось, однако, что они не так сердиты были, как накануне; они едва тащили ноги, как осенние мухи, и видно было, что они через силу держали свои копья.

Чернушка сделалась большая и нахохлилась. Но только что ударила их крыльями, как они рассыпались на части, и Алеша увидел, что то были пустые латы! Медная дверь сама собою отворилась, и они пошли далее.

Немного погодя вошли они в другую залу, просторную, но невысокую, так что Алеша мог достать рукою до потолка. Зала эта освещена была такими же маленькими свечками, какие он видел в своей комнате, но шандалы были не серебряные, а золотые.

Тут Чернушка оставила Алешу.

– Побудь здесь немного, – сказала она ему, – я скоро приду назад. Сегодня был ты умён, хотя неосторожно поступил, поклонясь фарфоровым куклам. Если б ты им не поклонился, то рыцари остались бы на стене. Впрочем, ты сегодня не разбудил старушек, и оттого рыцари не имели никакой силы. – После сего Чернушка вышла из залы.

Оставшись один, Алеша со вниманием стал рассматривать залу, которая очень богато была убрана. Ему показалось, что стены сделаны из мрамора, какой он видел в минеральном кабинете, имеющемся в пансионе. Панели и двери были из чистого золота. В конце залы, под зеленым балдахином, на возвышенном месте, стояли кресла из золота. Алеша очень любовался этим убранством, но странным показалось ему, что всё было в самом маленьком виде, как будто для небольших кукол.

Между тем как он с любопытством всё рассматривал, от-

ворилась боковая дверь, прежде им не замеченная, и вошло множество маленьких людей, ростом не более как с пол-аршина, в нарядных разноцветных платьях. Вид их был важен: иные по одеянию казались военными, другие – гражданскими чиновниками. На всех были круглые с перьями шляпы наподобие испанских. Они не замечали Алеши, прохаживались чинно по комнатам и громко между собою говорили, но он не мог понять, что они говорили.

Долго смотрел он на них молча и только что хотел подойти к одному из них с вопросом, как отворилась большая дверь в конце зала... Все замолкли, стали к стенам в два ряда и сняли шляпы.

В одно мгновение комната сделалась еще светлее, все маленькие свечки еще ярче загорели, и Алеша увидел двадцать маленьких рыцарей в золотых латах, с пунцовыми на шлемах перьями, которые попарно входили тихим маршем. Потом в глубоком молчании стали они по обеим сторонам кресел. Немного погодя вошел в залу человек с величественной осанкой, на голове с венцом, блестящим драгоценными камнями. На нем была светло-зеленая мантия, подбитая мышьям мехом, с длинным шлейфом, который несли двадцать маленьких пажей в пунцовых платьях.

Алеша тотчас догадался, что это должен быть король. Он низко ему поклонился. Король отвечал на поклон его весьма ласково и сел в золотые кресла. Потом что-то приказал одному из стоявших подле него рыцарей, который, подойдя к

Алеше, объявил ему, чтоб он приблизился к креслам. Алеша повиновался.

– Мне давно было известно, – сказал король, – что ты добрый мальчик; но третьего дня ты оказал великую услугу моему народу и за то заслуживаешь награду. Мой главный министр донес мне, что ты спас его от неизбежной и жестокой смерти.

– Когда? – спросил Алеша с удивлением.

– Третьего дня на дворе, – отвечал король. – Вот тот, который обязан тебе жизнью.

Алеша взглянул на того, на которого указывал король, и тут только заметил, что между придворными стоял маленький человек, одетый весь в черное. На голове у него была особенного рода шапка малинового цвета, наверху с зубчиками, надетая немного набок, а на шее белый платок, очень накрахмаленный, отчего казался немного синеватым. Он умильно улыбался, глядя на Алешу, которому лицо его показалось знакомым, хотя не мог он вспомнить, где его видел.

Сколь для Алеши ни было лестно, что приписывали ему такой благородный поступок, но он любил правду и потому, сделав низкий поклон, сказал:

– Господин король! Я не могу принять на свой счет того, чего никогда не делал. Третьего дня я имел счастье избавить от смерти не министра вашего, а черную нашу курицу, которую не любила кухарка за то, что не снесла она ни одного яйца...

– Что ты говоришь! – прервал его с гневом король. – Мой министр – не курица, а заслуженный чиновник!

Тут подошел министр ближе, и Алеша увидел, что в самом деле это была его любезная Чернушка. Он очень обрадовался и попросил у короля извинения, хотя никак не мог понять, что это значит.

– Скажи мне, чего ты желаешь? – продолжал король. – Если я в силах, то непременно исполню твое требование.

– Говори смело, Алеша! – шепнул ему на ухо министр.

Алеша задумался и не знал, чего пожелать. Если б дали ему более времени, то он, может быть, и придумал бы что-нибудь хорошенькое; но так как ему казалось неучтивым заставить дожидаться короля, то он поспешил ответом.

– Я бы желал, – сказал он, – чтобы, не учившись, я всегда знал урок свой, какой мне ни задали.

– Не думал я, что ты такой ленивец, – отвечал король, покачав головою. – Но делать нечего, я должен исполнить свое

обещание.

Он махнул рукою, и паж поднес золотое блюдо, на котором лежало одно конопляное семечко.

– Возьми это семечко, – сказал король. – Пока оно будет у тебя, ты всегда знать будешь урок свой, какой бы тебе ни задали, с тем, однако, условием, чтоб ты ни под каким предлогом никому не сказывал ни одного слова о том, что ты здесь видел или впредь увидишь. Малейшая нескромность лишит тебя навсегда наших милостей, а нам наделает множество хлопот и неприятностей.

Алеша взял конопляное зерно, завернул в бумажку и положил в карман, обещаясь быть молчаливым и скромным. Король после того встал с кресел и тем же порядком вышел из залы, приказав прежде министру угостить Алешу как можно лучше.

Лишь только король удалился, как окружили Алешу все придворные и начали его всячески ласкать, изъявляя признательность свою за то, что он избавил министра. Они все предлагали ему свои услуги: одни спрашивали, не хочет ли он погулять в саду или посмотреть королевский зверинец; другие приглашали его на охоту. Алеша не знал, на что решиться. Наконец, министр объявил, что сам будет показывать подземные редкости дорогому гостю.

Сначала повел он его в сад. Дорожки усеяны были крупными разноцветными камешками, отражавшими свет от бесчисленных маленьких ламп, которыми увешаны были деревья. Этот блеск чрезвычайно понравился Алеше.

– Камни эти, – сказал министр, – у вас называются драгоценными. Это всё брильянты, яхонты, изумруды и аметисты.

– Ах, когда бы у нас этими камнями усыпаны были дорожки! – вскричал Алеша.

– Тогда и у вас бы они так же были малоценны, как здесь, – отвечал министр.

Деревья также показались Алеше отменно красивыми, хотя притом очень странными. Они были разного цвета: красные, зеленые, коричневые, белые, голубые и лиловые. Когда посмотрел он на них со вниманием, то увидел, что это не что иное, как разного рода мох, только выше и толще обыкновенного. Министр рассказал ему, что мох этот выписан королем за большие деньги из дальних стран и из самой глубины земного шара.

Из сада пошли они в зверинец. Там показали Алеше диких зверей, которые привязаны были на золотых цепях. Всмотреваясь внимательнее, он, к удивлению своему, увидел, что дикие эти звери были не что иное, как большие крысы, кроты, хорьки и подобные им звери, живущие в земле и под полами. Ему это очень показалось смешно, но он из учтивости не сказал ни слова.

Возвратившись в комнаты после прогулки, Алеша в большой зале нашел накрытый стол, на котором расставлены были разного рода конфеты, пироги, паштеты и фрукты. Блюда все были из чистого золота, а бутылки и стаканы выточены из цельных бриллиантов, яхонтов и изумрудов.

– Кушай что угодно, – сказал министр, – с собою же брать ничего не допускается.

Алеша в тот день очень хорошо поужинал, и потому ему вовсе не хотелось кушать.

– Вы обещались взять меня с собою на охоту, – сказал он.

– Очень хорошо, – отвечал министр. – Я думаю, что лошади уже оседланы.

Тут он свистнул, и вошли конюхи, ведущие в поводах палочки, у которых набалдашники были резной работы и представляли лошадиные головы. Министр с большою ловкостью вскочил на свою лошадь. Алеше подвели палку гораздо более других.

– Берегись, – сказал министр, – чтоб лошадь тебя не сбросила: она не из самых смиренных.

Алеша внутренне смеялся этому, но когда он взял палку между ног, то увидел, что совет министра был небесполезен. Палка начала под ним увертываться, как настоящая лошадь, и он насилу мог усидеть.

Между тем затрубили в рога, и охотники пустились скакать во всю прыть по разным переходам и коридорам. Долго они так скакали, и Алеша от них не отставал, хотя с трудом мог сдерживать бешеную палку свою...

Вдруг из одного бокового коридора выскочило несколько крыс, таких больших, каких Алеша никогда не видывал. Они хотели пробежать мимо, но когда министр приказал их окружить, то они остановились и начали защищаться храбро. Несмотря, однако, на то, они были побеждены мужеством и искусством охотников. Восемь крыс легли на месте, три об-

ратились в бегство, а одну, довольно тяжело раненную, министр велел вылечить и отвести в зверинец.

По окончании охоты Алеша так устал, что глазки его невольно закрывались... при всем том ему хотелось обо многом поговорить с Чернушкой, и он попросил позволения возвратиться в залу, из которой они выехали на охоту. Министр на то согласился.

Большую рысью поехали они назад и по прибытии в залу отдали лошадей конюхам, раскланялись с придворными и охотниками и сели друг подле друга на принесенные им стулья.

– Скажи, пожалуйста, – начал Алеша, – зачем вы убили бедных крыс, которые вас не беспокоят и живут так далеко от вашего жилища?

– Если б мы их не истребляли, – сказал министр, – то они вскоре бы нас выгнали из комнат наших и истребили бы все наши съестные припасы. К тому же мышьи и крысьи меха у нас в высокой цене по причине их легкости и мягкости. Одним знатным особам дозволено их у нас употреблять.

– Да расскажи мне, пожалуйста, кто вы таковы? – продолжал Алеша.

– Неужели ты никогда не слыхал, что под землю живет народ наш? – отвечал министр. – Правда, не многим удается нас видеть, однако бывали примеры, особливо в старину, что мы выходили на свет и показывались людям. Теперь это редко случается, потому что люди сделались очень нескромны. А у нас существует закон, что если тот, кому мы показались, не сохранит этого в тайне, то мы принуждены бываем немедленно оставить местопребывание наше и идти далеко-далеко, в другие страны. Ты легко себе можешь представить, что королю нашему невесело было бы оставить все здешние заведения и с целым народом переселиться в неизвестные земли. И потому убедительно тебя прошу быть как можно скромнее. В противном случае ты нас всех сделаешь несчастными, а особливо меня. Из благодарности я упросил короля призвать тебя сюда; но он никогда мне не простит,

если по твоей нескромности мы принуждены будем оставить
этот край...

– Я даю тебе честное слово, что никогда не буду ни с кем об вас говорить, – прервал его Алеша. – Я теперь вспомнил, что читал в одной книжке о гномах, которые живут под землей. Пишут, что в некотором городе очень разбогател один сапожник в самое короткое время, так что никто не понимал, откуда взялось его богатство. Наконец, как-то узнали, что он шил сапоги и башмаки на гномов, плативших ему за то очень дорого.

– Быть может, что это правда, – отвечал министр.

– Но, – сказал ему Алеша, – объясни мне, любезная Чернушка, отчего ты, будучи министром, являешься в свет в виде курицы и какую связь имеете вы со старушками-голландками?

Чернушка, желая удовлетворить его любопытство, начала было рассказывать ему подробно о многом, но при самом начале ее рассказа глаза Алешины закрылись, и он крепко заснул. Проснувшись на другое утро, он лежал в своей постели.

Долго не мог он опомниться и не знал, что ему думать. Чернушка и министр, король и рыцари, голландки и крысы – все это смешалось в его голове, и он насилу мысленно привел в порядок все, виденное им в прошлую ночь. Вспомнив, что король ему подарил конопляное зерно, он поспешно бросился к своему платью и действительно нашел в кармане бумажку, в которой завернуто было конопляное семеч-

ко. «Увидим, – подумал он, – сдержит ли слово свое король! Завтра начнутся классы, а я еще не успел выучить всех своих уроков».

Исторический урок особенно его беспокоил: ему задано было выучить наизусть несколько страниц из всемирной истории, а он не знал еще ни одного слова!

Настал понедельник, съехались пансионеры, и начались уроки. От десяти часов до двенадцати преподавал историю сам содержатель пансиона.

У Алеши сильно билось сердце... Пока дошла до него очередь, он несколько раз ощупывал лежащую в кармане бумажку с конопляным семечком... Наконец его вызвали. С трепетом подошел он к учителю, открыл рот, сам еще не зная, что сказать, и безошибочно, не останавливаясь, проговорил заданное. Учитель очень его хвалил; однако Алеша не принимал его хвалу с тем удовольствием, которое прежде чувствовал он в подобных случаях. Внутренний голос ему говорил, что он не заслуживает этой похвалы, потому что урок этот не стоил ему никакого труда.

В продолжение нескольких недель учителя не могли нахвалиться Алешею. Все уроки без исключения знал он совершенно, все переводы с одного языка на другой были без ошибок, так что не могли надивиться чрезвычайным его успехам. Алеша внутренне стыдился этих похвал: ему известно было, что ставили его в пример товарищам, тогда как он вовсе того не заслуживал.

В течение этого времени Чернушка к нему не являлась, несмотря на то что Алеша, особливо в первые недели после получения конопляного зернышка, не пропускал почти ни одного дня без того, чтобы ее не звать, когда ложился спать. Сначала он очень о том горевал, но потом успокоился мыслию, что она, вероятно, занята важными делами по своему званию. Впоследствии же похвалы, которыми все его осыпали, так его заняли, что он довольно редко о ней вспоминал.

Между тем слух о необыкновенных его способностях разнесся вскоре по целому Петербургу. Сам директор училищ приезжал несколько раз в пансион и любовался Алешею. Учитель носил его на руках, ибо чрез него пансион вошел в славу. Со всех концов города съезжались родители и приставали к нему, чтоб он детей их принял к себе, в надежде, что и они такие же будут ученые, как Алеша.

Вскоре пансион так наполнился, что не было уже места для новых пансионеров, и учитель с учительшею начали помышлять о том, чтоб нанять дом гораздо просторнее того, в котором они жили.

Алеша, как сказал я уже выше, сначала стыдился похвал, чувствуя, что вовсе их не заслуживает, но мало-помалу он стал к ним привыкать, и наконец самолюбие его дошло до того, что он принимал, не краснея, похвалы, которыми его осыпали. Он много стал о себе думать, важничал перед другими мальчиками и вообразил себе, что он гораздо лучше и умнее всех их. Нрав Алешин от этого совсем испортился: из

доброе, милое и скромное мальчишка он сделался гордым и непослушным. Совесть часто его в том упрекала, и внутренний голос ему говорил: «Алеша, не гордись! Не приписывай самому себе того, что не тебе принадлежит; благодари судьбу за то, что она тебе доставила выгоды против других детей, но не думай, что ты лучше их. Если ты не исправишься, то никто тебя любить не будет, и тогда ты, при всей своей учености, будешь самое несчастное дитя!»

Иногда он и принимал намерение исправиться; но, к несчастью, самолюбие так в нем было сильно, что заглушало голос совести, и он день ото дня становился хуже и день ото дня товарищи менее его любили.

Притом Алеша сделался страшным шалуном. Не имея нужды твердить уроки, которые ему задавали, он в то время, когда другие дети готовились к классам, занимался шалостями, и эта праздность еще больше портила его нрав.

Наконец он так надоел всем дурным своим нравом, что учитель серьезно начал думать о средствах к исправлению такого дурного мальчика и для того задавал ему уроки вдвое и втрое большие, нежели другим; но и это нисколько не помогало. Алеша вовсе не учился, а все-таки знал урок с начала до конца, без малейшей ошибки.

Однажды учитель, не зная, что с ним делать, задал ему выучить наизусть страниц двадцать к другому утру и надеялся, что он, по крайней мере, в этот день будет смирнее.

Куда! Наш Алеша и не думал об уроке! В этот день он нарочно шалил более обыкновенного, и учитель тщетно грозил ему наказанием, если на другое утро не будет он знать урока. Алеша внутренне смеялся этим угрозам, будучи уверен, что конопляное семечко поможет ему непременно.

На следующий день, в назначенный час, учитель взял в руки книжку, из которой задан был урок Алеше, подозвал его к себе и велел проговорить заданное. Все дети с любопыт-

ством обратили на Алешу внимание, и сам учитель не знал, что подумать, когда Алеша, несмотря на то что вовсе накануне не твердил урока, смело встал со скамейки и подошел к нему. Алеша нимало не сомневался в том, что и в этот раз ему удастся показать свою необыкновенную способность; он раскрыл рот... и не мог выговорить ни слова!

– Что ж вы молчите? – сказал ему учитель. – Говорите урок.

Алеша покраснел, потом побледнел, опять покраснел, начал мять свои руки, слезы у него от страха навернулись на глазах... все тщетно! Он не мог выговорить ни одного слова, потому что, надеясь на конопляное зерно, он даже и не заглядывал в книгу.

– Что это значит, Алеша? – закричал учитель. – Почему вы не хотите говорить?

Алеша сам не знал, чему приписать такую странность, всунул руку в карман, чтоб ощупать семечко... Но как описать его отчаяние, когда он его не нашел! Слезы градом полились из глаз его... он горько плакал и все-таки не мог сказать ни слова.

Между тем учитель терял терпение. Привыкнув к тому, что Алеша всегда отвечал безошибочно и не запинаясь, ему казалось невозможным, чтоб он не знал по крайней мере начала урока, и потому приписывал молчание его упрямству.

– Подите в спальню, – сказал он, – и оставайтесь там, пока совершенно будете знать урок.

Алешу отвели в нижний этаж, дали ему книгу и заперли дверь ключом.

Лишь только он остался один, как начал везде искать конопляное зернышко. Он долго шарил у себя в карманах, ползал по полу, смотрел под кроватью, перебирал одеяло, подушки, простыню – всё напрасно! Нигде не было и следов любезного зернышка! Он старался вспомнить, где он мог его потерять, и наконец уверился, что выронил его как-нибудь накануне, играя на дворе.

Но каким образом найти его? Он заперт был в комнате, а если б и позволили выйти на двор, так и это, вероятно, ни к чему бы не послужило, ибо он знал, что курочки лакомы на коноплю, и зернышко его, верно, которая-нибудь из них успела склевать! Отчаявшись отыскать его, он вздумал призвать к себе на помощь Чернушку.

– Милая Чернушка! – говорил он, – любезный министр! пожалуйста, явись мне и дай другое зернышко! Я, право, вперед буду осторожнее...

Но никто не отвечал на его просьбы, и он наконец сел на стул и опять принялся горько плакать.

Между тем настала пора обедать; дверь отворилась, и вошел учитель.

– Знаете ли вы теперь урок? – спросил он у Алеши.

Алеша, громко всхлипывая, принужден был сказать, что не знает.

– Ну так оставайтесь здесь, пока выучите! – сказал учи-

тель, велел подать ему стакан воды и кусок ржаного хлеба и оставил его опять одного.

Алеша стал твердить наизусть, но ничего не входило ему в голову. Он давно отвык от занятий, да и как вытвердить двадцать печатных страниц! Сколько он ни трудился, сколько ни напрягал свою память, но, когда настал вечер, он не знал более двух или трех страниц, да и то плохо.

Когда пришло время другим детям ложиться спать, все товарищи его разом нагрянули в комнату, и с ними пришел опять учитель.

– Алеша! Знаете ли вы урок? – спросил он. И бедный Алеша сквозь слезы отвечал:

– Знаю только две страницы.

– Так, видно, и завтра придется вам просидеть здесь на хлебе и на воде, – сказал учитель, пожелал другим детям покойного сна и удалился.

Алеша остался с товарищами. Тогда, когда он был добрым и скромным, все его любили, и если, бывало, подвергался он наказанию, то все о нем жалели, и это ему служило утешением. Но теперь никто не обращал на него внимания: все с презрением на него смотрели и не говорили с ним ни слова.

Он решил сам начать разговор с одним мальчиком, с которым в прежнее время был очень дружен, но тот от него отворотился, не отвечая. Алеша обратился к другому, но и тот говорить с ним не хотел и даже оттолкнул его от себя, когда он опять с ним заговорил. Тут несчастный Алеша почув-

ствовал, что он заслуживает такое с ним обхождение товарищей. Обливаясь слезами, лег он в свою постель, но никак не мог заснуть. Долго лежал он таким образом и с горестью вспоминал о минувших счастливых днях. Все дети уже наслаждались сладким сном, один только он заснуть не мог. «И Чернушка меня оставила», – подумал Алеша, и слезы вновь полились у него из глаз.

Вдруг... простыня у соседней кровати зашевелилась, подобно как в первый тот день, когда к нему явилась черная курица.

Сердце в нем стало биться сильнее... он желал, чтоб Чернушка вышла опять из-под кровати, но не смел надеяться, что желание его исполнится.

– Чернушка, Чернушка! – сказал он наконец вполголоса.

Простыня приподнялась, и к нему на постель взлетела черная курица.

– Ах, Чернушка! – сказал Алеша вне себя от радости. – Я не смел надеяться, что с тобою увижусь! Ты меня не забыла?

– Нет, – отвечала она, – я не могу забыть оказанной тобою услуги, хотя тот Алеша, который спас меня от смерти, вовсе не похож на того, которого теперь перед собою вижу. Ты тогда был добрый мальчик, скромный и учтивый, и все тебя любили, а теперь... я не узнаю тебя!

Алеша горько заплакал, а Чернушка продолжала давать ему наставления. Долго она с ним разговаривала и со слезами упрашивала его исправиться. Наконец, когда уже начи-

нал показываться дневной свет, курочка ему сказала:

– Теперь я должна тебя оставить, Алеша! Вот конопляное зерно, которое выронил ты на дворе. Напрасно ты думал, что потерял его навсегда. Король наш слишком великодушен, чтобы лишить тебя этого дара за твою неосторожность. Помни, однако, что ты дал честное слово сохранять в тайне всё, что тебе о нас известно... Алеша, к теперешним худым свойствам твоим не прибавь еще худшего – неблагодарности!

Алеша с восхищением взял любезное свое семечко из лапок курицы и обещался употребить все силы свои, чтоб исправиться.

– Ты увидишь, милая Чернушка, – сказал он, – что я сегодня же совсем другой буду.

– Не полагай, – отвечала Чернушка, – что так легко исправиться от пороков, когда они уже взяли над нами верх. Пороки обыкновенно входят в дверь, а выходят в щелочку, и потому если хочешь исправиться, то должен беспрестанно и строго смотреть за собою. Но прощай, пора нам расстаться!

Алеша, оставшись один, начал рассматривать свое зернышко и не мог им налюбоваться. Теперь-то он совершенно спокоен был насчет урока, и вчерашнее горе не оставило в нем никаких следов. Он с радостью думал о том, как будут все удивляться, когда он безошибочно проговорит двадцать страниц, и мысль, что он опять возьмет верх над товарищами, которые не хотели с ним говорить, ласкала его самолюбие. Об исправлении самого себя он хотя и не забыл, но думал, что это не может быть так трудно, как говорила Чернушка. «Будто не от меня зависит исправиться! – мыслил он. – Стоит только захотеть, и все опять меня любить будут». Увы, бедный Алеша не знал, что для исправления самого себя необходимо начать тем, чтоб откинуть самолюбие и излишнюю самонадеянность.

Когда поутру собрались дети в классы, Алешу позвали наверх. Он вошел с веселым и торжествующим видом.

– Знаете ли вы урок ваш? – спросил учитель, взглянув на него строго.

– Знаю, – отвечал Алеша смело.

Он начал говорить и проговорил все двадцать страниц без малейшей ошибки и остановки. Учитель был вне себя от удивления, а Алеша гордо посматривал на своих товарищей.

От глаз учителя не скрылся гордый вид Алешин.

– Вы знаете урок свой, – сказал он ему, – это правда, но зачем вы вчера не хотели его сказать?

– Вчера я не знал его, – отвечал Алеша.

– Быть не может! – прервал его учитель. – Вчера ввечеру вы мне сказали, что знаете только две страницы, да и то плохо, а теперь без ошибки проговорили все двадцать! Когда же вы его выучили?

Алеша замолчал. Наконец дрожащим голосом сказал он:

– Я выучил его сегодня поутру!

Но тут вдруг все дети, огорченные его надменностью, закричали в один голос:

– Он неправду говорит, он и книги в руки не брал сегодня поутру!

Алеша вздрогнул, потупил глаза в землю и не сказал ни слова.

– Отвечайте же! – продолжал учитель. – Когда выучили

вы урок?

Но Алеша не прерывал молчания: он так поражен был этим неожиданным вопросом и недоброжелательством, которое оказывали ему все его товарищи, что не мог опомниться.

Между тем учитель, полагая, что он накануне не хотел отвечать урока из упрямства, счел за нужное строго наказать его.

– Чем более вы от природы имеете способностей и дарований, – сказал он Алеше, – тем скромнее и послушнее вы должны быть. Не для того дан вам ум, чтоб вы во зло его употребляли. Вы заслуживаете наказания за вчерашнее упрямство, а сегодня вы еще увеличили вину вашу тем, что солгали. Господа! – продолжал учитель, обратясь к пансионерам. – Запрещаю вам говорить с Алешей до тех пор, пока он совершенно исправится. А так как, вероятно, для него это небольшое наказание, то велите подать розги.

Принесли розги... Алеша был в отчаянии! В первый еще раз с тех пор, как существовал пансион, наказывали розгами, и кого же – Алешу, который так много о себе думал, который считал себя лучше и умнее всех! Какой стыд!..

Он, рыдая, бросился к учителю и обещался совершенно исправиться.

– Надобно было думать об этом прежде, – был ему ответ. Слезы и раскаяние Алеши тронули товарищей, и они начали просить за него. А Алеша, чувствуя, что не заслужил

их сострадания, еще горше стал плакать.

Наконец учитель сжалился.

– Хорошо! – сказал он, – я прощу вас ради просьбы товарищей ваших, но с тем чтобы вы пред всеми признались в вашей вине и объявили, когда вы выучили заданный урок.

Алеша совершенно потерял голову... он забыл обещание, данное подземному королю и его министру, и начал рассказывать о черной курице, о рыцарях, о маленьких людях...

Учитель не дал ему договорить.

– Как! – вскричал он с гневом. – Вместо того чтобы раскаяться в дурном поведении вашем, вы меня еще вздумали дурачить, рассказывая сказку о черной курице?.. Этого слишком уж много. Нет, дети, вы видите сами, что его нельзя не наказать!

И бедного Алешу высекли.

С поникшею головою, с растерзанным сердцем Алеша пошел в нижний этаж, в спальные комнаты. Он был как убитый... Стыд и раскаяние наполняли его душу. Когда чрез несколько часов он немного успокоился и положил руку в карман... конопляного зернышка в нем не было. Алеша горько заплакал, чувствуя, что потерял его невозвратно.

Вечеру, когда другие дети пришли спать, он тоже лег в постель, но заснуть никак не мог. Как раскаивался он в дурном поведении своем! Он решительно принял намерение исправиться, хотя чувствовал, что конопляное зернышко возвратить невозможно.

Около полуночи пошевелилась опять простыня у соседней кровати... Алеша, который накануне этому радовался, теперь закрыл глаза: он боялся увидеть Чернушку! Совесть его мучила. Он вспомнил, что еще вчера он так уверительно говорил Чернушке, что непременно исправится, – и вместо того... Что он ей теперь скажет?

Несколько времени лежал он с закрытыми глазами. Ему слышался шорох от поднимающейся простыни... Кто-то подошел к его кровати, и голос, знакомый голос, назвал его по имени:

– Алеша, Алеша!

Но он стыдился открыть глаза, а между тем слезы из них катились и текли по его щекам...

Вдруг кто-то дернул за одеяло. Алеша невольно взглянул: перед ним стояла Чернушка – не в виде курицы, а в черном платье, в малиновой шапочке с зубчиками и в белом накрахмаленном шейном платке, точно, как он видел ее в подземной зале.

– Алеша! – сказал министр, – я вижу, что ты не спишь... Прощай! Я пришел с тобой проститься, более мы не увидимся!

Алеша громко зарыдал.

– Прощай! – воскликнул он. – Прощай! И, если можешь, прости меня! Я знаю, что виноват перед тобою, но я жестоко за то наказан!

– Алеша! – сказал сквозь слезы министр. – Я тебя про-

щаю; не могу забыть, что ты спас жизнь мою, и всё тебя люблю, хотя ты сделал меня несчастным, может быть, навеки!.. Прощай! Мне позволено видаться с тобой на самое короткое время. Еще в течение нынешней ночи король с целым народом своим должен переселиться далеко-далеко от здешних мест! Все в отчаянии, все проливают слезы. Мы несколько столетий жили здесь так счастливо, так покойно!..

Алеша бросился целовать маленькие ручки министра. Схватив его за руку, он увидел на ней что-то блестящее, и в то же самое время какой-то необыкновенный звук поразил его слух.

– Что это такое? – спросил он с изумлением.

Министр поднял обе руки кверху, и Алеша увидел, что они были скованы золотой цепью. Он ужаснулся.

– Твоя нескромность причиною, что я осужден носить эти цепи, – сказал министр с глубоким вздохом, – но не плачь, Алеша! Твои слезы помочь мне не могут. Одним только ты можешь меня утешить в моем несчастье: старайся исправиться и будь опять таким же добрым мальчиком, как был прежде. Прощай в последний раз!

Министр пожал Алеше руку и скрылся под соседнюю кровать.

– Чернушка, Чернушка! – кричал ему вслед Алеша, но Чернушка не отвечала.

Во всю ночь не мог он сомкнуть глаз ни на минуту. За час перед рассветом послышалось ему, что под полом что-то шумит. Он встал с постели, приложил к полу ухо и долго слышал стук маленьких колес и шум, как будто множество маленьких людей проходило. Между шумом этим слышен был также плач женщин и детей и голос министра-Чернушки, который кричал ему:

– Прощай, Алеша! Прощай навеки!..

На другой день поутру дети, проснувшись, увидели Алешу, лежащего на полу без памяти. Его подняли, положили в постель и послали за доктором, который объявил, что у него сильная горячка.

Недель через шесть Алеша выздоровел, и все происходившее с ним перед болезнью казалось ему тяжелым сном. Ни учитель, ни товарищи не напоминали ему ни слова ни о черной курице, ни о наказании, которому он подвергся. Алеша же сам стыдился об этом говорить и старался быть послушным, добрым, скромным и прилежным. Все его снова полюбили и стали ласкать, и он сделался примером для своих товарищей, хотя уже и не мог выучить наизусть двадцать печатных страниц вдруг, которых, впрочем, ему и не задавали.

Владимир Одоевский

Городок в табакерке

Папенька поставил на стол табакерку. «Поди-ка сюда, Миша, посмотри-ка», – сказал он. Миша был послушный мальчик; тотчас оставил игрушки и подошел к папеньке. Да уж и было чего посмотреть! Какая прекрасная табакерка! пестренькая, из черепахи. А что на крышке-то! Ворота, башенки, домик, другой, третий, четвертый, – и счесть нельзя, и все мал мала меньше, и все золотые; а деревья-то также золотые, а листики на них серебряные; а за деревьями встает солнышко, и от него розовые лучи расходятся по всему небу.

– Что это за городок? – спросил Миша.

– Это городок Динь-Динь, – отвечал папенька и тронул пружинку...

И что же? Вдруг, невидимо где, заиграла музыка. Откуда слышна эта музыка, Миша не мог понять: он ходил и к дверям – не из другой ли комнаты? и к часам – не в часах ли? и к бюро, и к горке; прислушивался то в том, то в другом месте; смотрел и под стол... Наконец, Миша уверился, что музыка точно играла в табакерке. Он подошел к ней, смотрит, а из-за деревьев солнышко выходит, крадется тихонько по небу, а небо и городок всё светлее и светлее; окошки горят ярким огнем, и от башенок будто сияние. Вот солнышко перешло

через небо на другую сторону, всё ниже да ниже, и наконец за пригорком совсем скрылось; и городок потемнел, ставни закрылись, и башенки померкли, только ненадолго. Вот затеплилась звездочка, вот другая, вот и месяц рогатый выглянул из-за деревьев, и в городке стало опять светлее, окошки засеребрились, и от башенок протянулись синеватые лучи.

– Папенька! папенька! нельзя ли войти в этот городок? Как бы мне хотелось!

– Мудрено, мой друг: этот городок тебе не по росту.

– Ничего, папенька, я такой маленький; только пустите меня туда; мне так бы хотелось узнать, что там делается...

– Право, мой друг, там и без тебя тесно.

– Да кто же там живет?

– Кто там живет? Там живут колокольчики.

С этими словами папенька поднял крышку на табакерке, и что же увидел Миша? И колокольчики, и молоточки, и валик, и колеса... Миша удивился. «Зачем эти колокольчики? зачем молоточки? зачем валик с крючками?» – спрашивал Миша у папеньки.

А папенька отвечал: «Не скажу тебе, Миша; сам посмотри попристальнее да подумай: авось-либо отгадаешь. Только вот эту пружинку не трогай, а иначе всё изломается».

Папенька вышел, а Миша остался над табакеркой. Вот он сидел-сидел над нею, смотрел-смотрел, думал-думал: отчего звенят колокольчики?

Между тем музыка играет да играет; вот всё тише да ти-

ше, как будто что-то цепляется за каждую нотку, как будто что-то отталкивает один звук от другого. Вот Миша смотрит: внизу табакерки отворяется дверца, и из дверцы выбегает мальчик с золотой головкой и в стальной юбочке, оставившись на пороге и манит к себе Мишу.

«Да отчего же, – подумал Миша, – папенька сказал, что в этом городке и без меня тесно? Нет, видно, в нем живут хорошие люди, видите, зовут меня в гости».

– Извольте, с величайшею радостью!

С этими словами Миша побежал к дверце и с удивлением заметил, что дверца ему пришлась точь-в-точь по росту. Как хорошо воспитанный мальчик, он почел долгом прежде всего обратиться к своему провожатому.

– Позвольте узнать, – сказал Миша, – с кем я имею честь говорить?

– Динь-динь-динь, – отвечал незнакомец, – я мальчик-колокольчик, житель этого городка. Мы слышали, что вам очень хочется побывать у нас в гостях, и потому решились просить вас сделать нам честь к нам пожаловать. Динь-динь-динь, динь-динь-динь.

Миша учтиво поклонился; мальчик-колокольчик взял его за руку, и они пошли. Тут Миша заметил, что над ними был свод, сделанный из пестрой тисненой бумажки с золотыми краями. Перед ними был другой свод, только поменьше; потом третий, еще меньше; четвертый, еще меньше, и так все другие своды – чем дальше, тем меньше, так что в послед-

ний, казалось, едва могла пройти головка его провожатого.

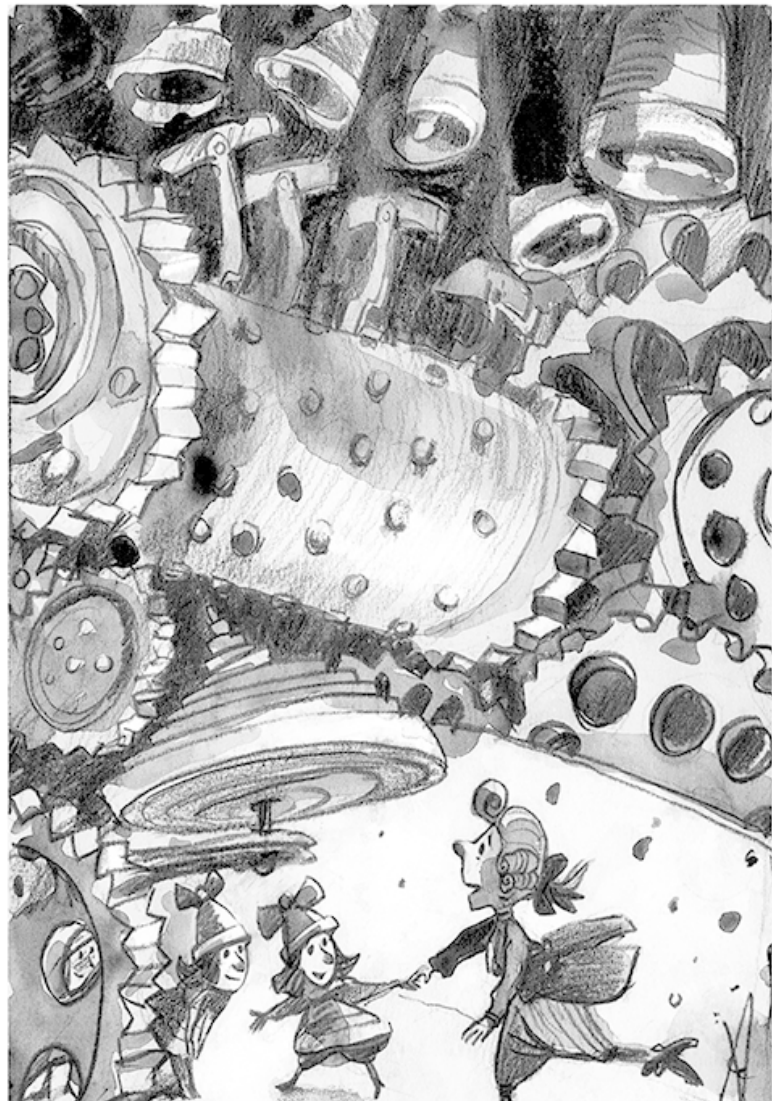
– Я вам очень благодарен за ваше приглашение, – сказал ему Миша, – но не знаю, можно ли будет мне им воспользоваться. Правда, здесь я свободно прохожу, но там, дальше, посмотрите, какие у вас низенькие своды, – там я, позвольте сказать откровенно, там я и ползком не пройду. Я удивляюсь, как и вы под ними проходите.

– Динь-динь-динь! – отвечал мальчик. – Пройдем, не беспокойтесь, ступайте только за мной.

Миша послушался. В самом деле, с каждым их шагом, казалось, своды подымались, и наши мальчики всюду свободно проходили; когда же они дошли до последнего свода, тогда мальчик-колокольчик попросил Мишу оглянуться назад. Миша оглянулся, и что же он увидел? Теперь тот первый свод, под который он подошел, входя в дверцы, показался ему маленьким, как будто, пока они шли, свод опустился. Миша был очень удивлен.

– Отчего это? – спросил он своего проводника.

– Динь-динь-динь! – отвечал проводник смеясь. – Издали всегда так кажется. Видно, вы ни на что вдаль со вниманием не смотрели; вдали всё кажется маленьким, а подойдешь – большое.

– Да, это правда, – отвечал Миша, – я до сих пор не думал об этом, и оттого вот что со мною случилось: третьего дня я хотел нарисовать, как маменька возле меня играет на фортепьяно, а папенька на другом конце комнаты читает книжку. Только этого мне никак не удавалось сделать: тружусь, тружусь, рисую как можно вернее, а всё на бумаге у меня выходит, что папенька возле маменьки сидит и кресло его возле фортепьяно стоит, а между тем я очень хорошо вижу, что фортепьяно стоит возле меня, у окошка, а папенька сидит на другом конце, у камина. Маменька мне говорила, что папеньку надобно нарисовать маленьким, но я думал, что маменька шутит, потому что папенька гораздо больше ее ростом; но теперь вижу, что она правду говорила: папеньку надобно было нарисовать маленьким, потому что он сидел вдалеке. Очень вам благодарен за объяснение, очень благодарен.

Мальчик-колокольчик смеялся изо всех сил: «Динь-динь-динь, как смешно! Не уметь нарисовать папеньку с маменькой! Динь-динь-динь, динь-динь-динь!»

Мише показалось досадно, что мальчик-колокольчик над ним так немилосердно насмехается, и он очень вежливо сказал ему:

– Позвольте мне спросить у вас: зачем вы к каждому слову всё говорите «динь-динь-динь»?

– Уж у нас поговорка такая, – отвечал мальчик-колокольчик.

– Поговорка? – заметил Миша. – А вот папенька говорит, что очень нехорошо привыкать к поговоркам.

Мальчик-колокольчик закусил губы и не сказал более ни слова.

Вот перед ними еще дверцы; они отворились, и Миша очутился на улице. Что за улица! Что за городок! Мостовая вымощена перламутром; небо пестренькое, черепаховое; по небу ходит золотое солнышко; поманишь его, оно с неба сойдет, вокруг руки обойдет и опять поднимается. А домики-то стальные, полированные, крытые разноцветными раковинками, и под каждой крышкою сидит мальчик-колокольчик с золотой головкою, в серебряной юбочке, и много их, много и все мал мала меньше.

– Нет, теперь уж меня не обманут, – сказал Миша. – Это так только мне кажется издали, а колокольчики-то все одинаковые.

– Ан вот и неправда, – отвечал провожатый, – колокольчики не одинаковые. Если бы все были одинаковые, то и звенели бы мы все в один голос, один как другой; а ты слышишь, какие мы песни выводим. Это оттого, что кто из нас побольше, у того и голос потолще. Неужели ты и этого не знаешь? Вот видишь ли, Миша, это тебе урок: вперед не смейся над теми, у которых поговорка дурная; иной и с поговоркою, а больше другого знает, и можно от него кое-чему научиться.

Миша, в свою очередь, закусил язычок.

Между тем их окружили мальчики-колокольчики, тереби-

ли Мишу за платье, звенели, прыгали, бегали.

– Весело вы живете, – сказал им Миша, – век бы с вами остался. Целый день вы ничего не делаете, у вас ни уроков, ни учителей, да еще и музыка целый день.

– Динь-динь-динь! – закричали колокольчики. – Уж нашел у нас веселье! Нет, Миша, плохое нам житье. Правда, уроков у нас нет, да что же в том толку? Мы бы уроков не побоялись. Вся наша беда именно в том, что у нас, бедных, никакого нет дела; нет у нас ни книжек, ни картинок; нет ни папеньки, ни маменьки; нечем заняться; целый день играй да играй, а ведь это, Миша, очень, очень скучно. Поверишь ли? Хорошо наше черепаховое небо, хорошо и золотое солнышко и золотые деревья; но мы, бедные, мы насмотрелись на них вдоволь, и всё это очень нам надоело; из городка мы – ни пяди, а ты можешь себе вообразить, каково целый век, ничего не деля, просидеть в табакерке, и даже в табакерке с музыкаю.

– Да, – отвечал Миша, – вы говорите правду. Это и со мной случается: когда после ученья примешься за игрушки, то так весело; а когда в праздник целый день всё играешь да играешь, то к вечеру и делается скучно; и за ту и за другую игрушку примешься – всё не мило. Я долго не понимал, отчего это, а теперь понимаю.

– Да, сверх того, на нас есть другая беда, Миша: у нас есть дядьки.

– Какие же дядьки? – спросил Миша.

– Дядьки-молоточки, – отвечали колокольчики, – уж какие злые! то и дело что ходят по городу да нас постукивают. Которые побольше, тем еще редко «тук-тук» бывает, а уж маленьким куда больнее достается.

В самом деле, Миша увидел, что по улице ходили какие-то господа на тоненьких ножках, с предлинными носами и шептали между собою: «тук-тук-тук! тук-тук-тук! поднимай! задевай! тук-тук-тук!» И в самом деле, дядьки-молоточки беспрестанно то по тому, то по другому колокольчику тук да тук, индо бедному Мише жалко стало. Он подошел к этим господам, очень вежливо поклонился и с добродушием спросил, зачем они без всякого сожаления колотят бедных мальчиков. А молоточки ему в ответ:

– Прочь ступай, не мешай! Там в палате и в халате надзиратель лежит и стучать нам велит. Всё ворочается, прицепляется. Тук-тук-тук! Тук-тук-тук!

– Какой это у вас надзиратель? – спросил Миша у колокольчиков.

– А это господин Валик, – зазвенели они, – предобрый человек, день и ночь с дивана не сходит; на него мы не можем пожаловаться.

Миша – к надзирателю. Смотрит: он в самом деле лежит на диване, в халате и с боку на бок переворачивается, только всё лицом кверху. А по халату-то у него шпильки, крючочки видимо-невидимо; только что попадетсЯ ему молоток, он его крючком сперва зацепит, потом спустит, а молоточек-то и

стукнет по колокольчику.

Только что Миша к нему подошел, как надзиратель закричал:

– Шуры-муры! кто здесь ходит? кто здесь бродит? Шуры-муры! кто прочь не идет? кто мне спать не дает? Шуры-муры! шуры-муры!

– Это я, – храбро отвечал Миша, – я – Миша...

– А что тебе надобно? – спросил надзиратель.

– Да мне жаль бедных мальчиков-колокольчиков, они все такие умные, такие добрые, такие музыканты, а по вашему приказанию дядьки их беспрестанно постукивают...

– А мне какое дело, шуры-муры! Не я здесь набольший. Пусть себе дядьки стучают мальчиков! Мне что за дело! Я надзиратель добрый, всё на диване лежу и ни за кем не гляжу. Шуры-муры, шуры-муры...

– Ну, многому же я научился в этом городке! – сказал про себя Миша. – Вот еще иногда мне бывает досадно, зачем надзиратель с меня глаз не спускает. «Экой злой! – думаю я. – Ведь он не папенька и не маменька; что ему за дело, что я шалю? Знал бы сидел в своей комнате. Нет, теперь вижу, что бывает с бедными мальчиками, когда за ними никто не смотрит».

Между тем Миша пошел далее – и остановился. Смотрит, золотой шатер с жемчужною бахромою; наверху золотой флюгер вертится, будто ветряная мельница, а под шатром лежит царевна Пружинка и, как змейка, то свернется,

то развернется и беспрестанно надзирателя под бок толкает. Миша этому очень удивился и сказал ей:

– Сударыня царевна! Зачем вы надзирателя под бок толкаете?

– Зиц-зиц-зиц, – отвечала царевна. – Глупый ты мальчик, неразумный мальчик. На всё смотришь, ничего не видишь! Кабы я валик не толкала, валик бы не вертелся; кабы валик не вертелся, то он за молоточки бы не цеплялся, молоточки бы не стучали; кабы молоточки не стучали, колокольчики бы не звенели; кабы колокольчики не звенели, и музыки бы не было! Зиц-зиц-зиц.

Мише захотелось узнать, правду ли говорит царевна. Он наклонился и прижал ее пальчиком – и что же?

В одно мгновение пружинка с силою развилась, валик сильно завертелся, молоточки быстро застучали, колокольчики заиграли дребедень, и вдруг пружинка лопнула. Всё умолкло, валик остановился, молоточки попадали, колокольчики свернулись на сторону, солнышко повисло, домики изломались... Тогда Миша вспомнил, что папенька не приказывал ему трогать пружинку, испугался и... проснулся.

– Что во сне видел, Миша? – спросил папенька.

Миша долго не мог опамятоваться. Смотрит: та же папенькина комната, та же перед ним табакерка; возле него сидят папенька и маменька и смеются.

– Где же мальчик-колокольчик? Где дядька-молоточек? Где царевна Пружинка? – спрашивал Миша. – Так это был

сон?

– Да, Миша, тебя музыка убаюкала, и ты здесь порядочно вздремнул. Расскажи же нам по крайней мере, что тебе приснилось!

– Да видите, папенька, – сказал Миша, протирая глазки, – мне всё хотелось узнать, отчего музыка в табакерке играет; вот я принялся на нее прилежно смотреть и разбирать, что в ней движется и отчего движется; думал, думал и стал уже добираться, как вдруг, смотрю, дверка в табакерку растворилась... – Тут Миша рассказал весь свой сон по порядку.

– Ну, теперь вижу, – сказал папенька, – что ты в самом деле почти понял, отчего музыка в табакерке играет; но ты это еще лучше поймешь, когда будешь учиться механике.

Всеволод Гаршин

Сказка о жабе и розе

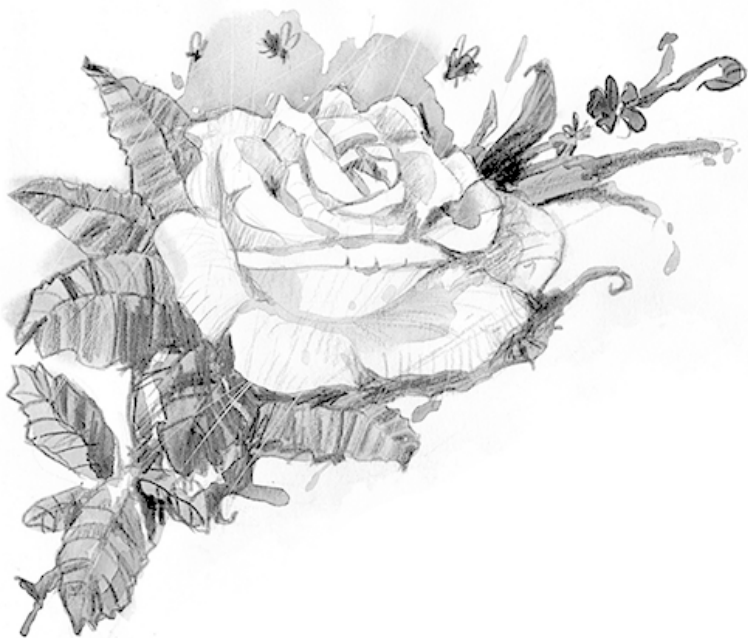
Жили на свете роза и жаба.

Розовый куст, на котором расцвела роза, рос в небольшом полукруглом цветнике перед деревенским домом. Цветник был очень запущен; сорные травы густо разрослись по старым, вросшим в землю клумбам и по дорожкам, которых уже давно никто не чистил и не посыпал песком. Деревянная решетка с колышками, обделанными в виде четырехгранных пик, когда-то выкрашенная зеленой масляной краской, теперь совсем облезла, разохлась и развалилась; пики растащили для игры в солдаты деревенские мальчишки и, чтобы отбиваться от сердитого барбоса с компаниею прочих собак, подходившие к дому мужики.

А цветник от этого разрушения стал несколько не хуже. Остатки решетки заплели хмель, повилика с крупными белыми цветами и мышиный горошек, висевший целыми бледно-зелеными кучками, с разбросанными кое-где бледно-лиловыми кисточками цветов. Колючие чертополохи на жирной и влажной почве цветника (вокруг него был большой тенистый сад) достигали таких больших размеров, что казались чуть не деревьями. Желтые коровьяки подымали свои усаженные цветами стрелки еще выше их. Крапива занимала

целый угол цветника; она, конечно, жглась, но можно было и издали любоваться ее темною зеленью, особенно когда эта зелень служила фоном для нежного и роскошного бледного цветка розы.

Она распустилась в хорошее майское утро; когда она раскрывала свои лепестки, улетающая утренняя роса оставила на них несколько чистых, прозрачных слезинок. Роза точно плакала. Но вокруг нее все было так хорошо, так чисто и ясно в это прекрасное утро, когда она в первый раз увидела голубое небо и почувствовала свежий утренний ветерок и лучи сиявшего солнца, проникавшего в ее тонкие лепестки розовым светом; в цветнике было так мирно и спокойно, что если бы она могла в самом деле плакать, то не от горя, а от счастья жить. Она не могла говорить; она могла только, склонив свою головку, разливать вокруг себя тонкий и свежий запах, и этот запах был ее словами, слезами и молитвой.

А внизу, между корнями куста, на сырой земле, как будто прилипнув к ней плоским брюхом, сидела довольно жирная старая жаба, которая проохотилась целую ночь за червяками и мошками и под утро уселась отдыхать от трудов, выбрав местечко потенистее и посырее. Она сидела, закрыв перепонками свои жабыи глаза, и едва заметно дышала, раздувая грязно-серые бородавчатые и липкие бока и отставив одну безобразную лапу в сторону: ей было лень подвинуть ее к брюху. Она не радовалась ни утру, ни солнцу, ни хорошей

погоде; она уже наелась и собралась отдыхать.

Но когда ветерок на минуту стихал и запах розы не уносился в сторону, жаба чувствовала его, и это причиняло ей смутное беспокойство; однако она долго ленилась посмотреть, откуда несется этот запах.

В цветник, где росла роза и где сидела жаба, уже давно никто не ходил. Еще в прошлом году осенью, в тот самый день,

когда жаба, отыскав себе хорошую щель под одним из камней фундамента дома, собиралась залезть туда на зимнюю спячку, в цветник в последний раз зашел маленький мальчик, который целое лето сидел в нем каждый ясный день под окном дома. Взрослая девушка, его сестра, сидела у окна; она читала книгу или шила что-нибудь и изредка поглядывала на брата. Он был маленький мальчик лет семи, с большими глазами и большой головой на худеньком теле. Он очень любил свой цветник (это был его цветник, потому что, кроме него, почти никто не ходил в это заброшенное местечко) и, придя в него, садился на солнышке, на старую деревянную скамейку, стоявшую на сухой песчаной дорожке, уцелевшей около самого дома, потому что по ней ходили закрывать ставни, и начинал читать принесенную с собой книжку.

– Вася, хочешь, я тебе брошу мячик? – спрашивает из окна сестра. – Может быть, ты с ним побегаешь?

– Нет, Маша, я лучше так, с книжкой.

И он сидел долго и читал. А когда ему надоедало читать о Робинзонах, и диких странах, и морских разбойниках, он оставлял раскрытую книжку и забирался в чашу цветника. Тут ему был знаком каждый куст и чуть ли не каждый стебель. Он садился на корточки перед толстым, окруженным мохнатыми беловатыми листьями стеблем коровьяка, который был втрое выше его, и подолгу смотрел, как муравьиный народ бегаёт вверх к своим коровам – травяным тлям, как муравей деликатно трогает тонкие трубочки, торчащие

у тлей на спине, и подбирает чистые капельки сладкой жидкости, показывавшиеся на кончиках трубочек. Он смотрел, как навозный жук хлопотливо и усердно тащит куда-то свой шар, как паук, раскинув хитрую радужную сеть, сторожит мух, как ящерица, раскрыв тупую мордочку, сидит на солнце, блестя зелеными щитиками своей спины; а один раз, под вечер, он увидел живого ежа! Тут и он не мог удержаться от радости и чуть было не закричал и не захлопал руками, но, боясь спугнуть колючего зверька, притаил дыхание и, широко раскрыв счастливые глаза, в восторге смотрел, как тот, фыркая, обнюхивал своим свиным рыльцем корни розового куста, ища между ними червей, и смешно перебирал толстенькими лапами, похожими на медвежьи.

– Вася, милый, иди домой, сыро становится, – громко сказала сестра.

И ежик, испугавшись человеческого голоса, живо надвинул себе на лоб и на задние лапы колючую шубу и превратился в шар. Мальчик тихонько коснулся его колючек; зврек еще больше съежился и глухо и торопливо запыхтел, как маленькая паровая машина.

Потом он немного познакомился с этим ежиком. Он был такой слабый, тихий и кроткий мальчик, что даже разная звериная мелкота как будто понимала это и скоро привыкала к нему. Какая была радость, когда еж попробовал молока из принесенного хозяином цветника блюдечка!

В эту весну мальчик не мог выйти в свой любимый уголок. По-прежнему около него сидела сестра, но уже не у окна, а у его постели; она читала книгу, но не для себя, а вслух ему, потому что ему было трудно поднять свою исхудалую голову с белых подушек и трудно держать в тощих руках даже самый маленький томик, да и глаза его скоро утомлялись от чтения. Должно быть, он уже больше никогда не выйдет в свой любимый уголок.

– Маша! – вдруг шепчет он сестре.

– Что, милый?

– Что, в садике теперь хорошо? Розы расцвели?

Сестра наклоняется, целует его в бледную щеку и при этом незаметно стирает слезинку.

– Хорошо, голубчик, очень хорошо. И розы расцвели. Вот в понедельник мы пойдем туда вместе. Доктор позволит тебе выйти.

Мальчик не отвечает и глубоко вздыхает. Сестра начинает снова читать.

– Уже будет. Я устал. Я лучше посплю.

Сестра поправила ему подушки и белое одеяльце, он с трудом повернулся к стенке и замолчал. Солнце светило сквозь окно, выходявшее на цветник, и кидало яркие лучи на постель и на лежавшее на ней маленькое тельце, освещая подушки и одеяло и золотя коротко остриженные волосы и худенькую шею ребенка.

Роза ничего этого не знала; она росла и красовалась; на другой день она должна была распуститься полным цветом, а на третий начать вянуть и осыпаться. Вот и вся розовая жизнь! Но и в эту короткую жизнь ей довелось испытать немало страха и горя.

Ее заметила жаба.

Когда она в первый раз увидела цветок своими злыми и безобразными глазами, что-то странное зашевелилось в жабьем сердце. Она не могла оторваться от нежных розовых лепестков и все смотрела и смотрела. Ей очень понравилась роза, она чувствовала желание быть поближе к такому душистому и прекрасному созданию. И чтобы выразить свои нежные чувства, она не придумала ничего лучше таких слов:

– Постой, – прохрипела она, – я тебя слопаю!

Роза содрогнулась. Зачем она была прикреплена к своему стебельку? Вольные птички, щебетавшие вокруг нее, перепрыгивали и перелетали с ветки на ветку; иногда они уносились куда-то далеко, куда – не знала роза. Бабочки тоже были свободны. Как она завидовала им! Будь она такою, как они, она вспорхнула бы и улетела от злых глаз, преследовавших ее своим пристальным взглядом. Роза не знала, что жабы подстерегают иногда и бабочек.

– Я тебя слопаю! – повторила жаба, стараясь говорить как можно нежнее, что выходило еще ужаснее, и переползла поближе к розе.

– Я тебя слопаю! – повторила она, все глядя на цветок.

И бедное создание с ужасом увидело, как скверные липкие лапы цепляются за ветви куста, на котором она росла. Однако жабе лезть было трудно: ее плоское тело могло свободно ползать и прыгать только по ровному месту. После каждого усилия она глядела вверх, где качался цветок, и роза замирала.

– Господи! – молилась она. – Хоть бы умереть другою смертью!

А жаба все карабкалась выше. Но там, где кончались старые стволы и начинались молодые ветви, ей пришлось немного пострадать. Темно-зеленая гладкая кора розового куста была вся усажена острыми и крепкими шипами. Жаба переколола себе о них лапы и брюхо и, окровавленная, свалилась на землю. Она с ненавистью посмотрела на цветок...

– Я сказала, что я тебя слопаю! – повторила она.

Наступил вечер; нужно было подумать об ужине, и раненая жаба поплелась подстергать неосторожных насекомых. Злость не помешала ей набить себе живот, как всегда; ее царапины были не очень опасны, и она решила, отдохнув, снова добираться до привлекавшего ее и ненавистного ей цветка.

Она отдыхала довольно долго. Наступило утро, прошел полдень, роза почти забыла о своем враге. Она совсем уже распустилась и была самым красивым созданием в цветнике. Некому было прийти полюбоваться ею: маленький хозяин неподвижно лежал на своей постельке, сестра не отходила от него и не показывалась у окна. Только птицы и бабочки сновали около розы, да пчелы, жужжа, садились иногда в ее раскрытый венчик и вылетали оттуда, совсем косматые от желтой цветочной пыли. Прилетел соловей, забрался в розовый куст и запел свою песню. Как она была не похожа на

хрипение жабы! Роза слушала эту песню и была счастлива: ей казалось, что соловей поет для нее, а может быть, это была и правда. Она не видела, как ее враг незаметно взбирался на ветки. На этот раз жаба уже не жалела ни лапок, ни брюха: кровь покрывала ее, но она храбро лезла все вверх – и вдруг, среди звонкого и нежного рокота соловья, роза услышала знакомое хрипение:

– Я сказала, что слопаю, и слопаю!

Жабы глаза пристально смотрели на нее с соседней ветки. Злому животному оставалось только одно движение, чтобы схватить цветок. Роза поняла, что погибает...

Маленький хозяин уже давно неподвижно лежал на постели. Сестра, сидевшая у изголовья в кресле, думала, что он спит. На коленях у нее лежала развернутая книга, но она не читала ее. Понемногу ее усталая голова склонилась: бедная девушка не спала несколько ночей, не отходя от больного брата, и теперь слегка задремала.

– Маша, – вдруг прошептал он.

Сестра встрепенулась. Ей приснилось, что она сидит у окна, что маленький брат играет, как в прошлом году, в цветнике и зовет ее. Открыв глаза и увидев его в постели, худого и слабого, она тяжело вздохнула.

– Что, милый?

– Маша, ты мне сказала, что розы расцвели! Можно мне... одну?

– Можно, голубчик, можно! – Она подошла к окну и посмотрела на куст. Там росла одна, но очень пышная роза.

– Как раз для тебя распустилась роза, и какая славная! Поставить тебе ее сюда на столик в стакане? Да?

– Да, на столик. Мне хочется.

Девушка взяла ножницы и вышла в сад. Она давно уже не выходила из комнаты; солнце ослепило ее, и от свежего воздуха у нее слегка закружилась голова. Она подошла к кусту в то самое мгновение, когда жаба хотела схватить цветок.

– Ах, какая гадость! – вскрикнула она.

И, схватив ветку, она сильно трянула ее: жаба свалилась на землю и шлепнулась брюхом. В ярости она было прыгнула на девушку, но не могла подскочить выше края платья и тотчас далеко отлетела, отброшенная носком башмака. Она не посмела попробовать еще раз и только издали видела, как девушка осторожно срезала цветок и понесла его в комнату.

Когда мальчик увидел сестру с цветком в руке, то в первый раз после долгого времени слабо улыбнулся и с трудом сделал движение худенькой рукой.

– Дай ее мне, – прошептал он. – Я понюхаю.

Сестра вложила стебелек ему в руку и помогла подвинуть ее к лицу. Он вдыхал в себя нежный запах и, счастливо улыбаясь, прошептал:

– Ах, как хорошо...

Потом его личико сделалось серьезным и неподвижным, и он замолчал... навсегда.

Роза, хотя и была срезана прежде, чем начала осыпаться, чувствовала, что ее срезали не даром. Ее поставили в отдельном бокале у маленького гробика. Тут были целые букеты и других цветов, но на них, по правде сказать, никто не обращал внимания, а розу молодая девушка, когда ставила ее на стол, поднесла к губам и поцеловала. Маленькая слезинка упала с ее щеки на цветок, и это было самым лучшим происшествием в жизни розы. Когда она начала вянуть, ее положили в толстую старую книгу и высушили, а потом, уже через много лет, подарили мне. Потому-то я и знаю всю эту историю.

1884 г.

Лидия Чарская

Сказки Голубой феи

Вступление

Солнце... весна... зелень кругом... Хорошо. Ах, хорошо!

О чем шепчет речка? Не знаю!

О чем ворчит лес? Не знаю.

О чем перешептываются мотыльки и кузнечики? Тоже не знаю.

А только хорошо! Так хорошо, точно снова мне три года, и старая няня плетет мне венок из полевой ромашки.

Хочется подружиться и с солнцем, и с речкой, и с ворчун-ном-лесом, который шумит и шумит про что-то. А зачем шумит и про что шумит – никто не поймет и понять не может.

Чу! Что это? Не то птичка шарахнулась из кустов и меня крылом задела, не то мотылек вспорхнул на плечо, смотрит... смеется...

Нет! Не птичка, не мотылек это, а веселая крошечная голубая девочка. У нее серебристые крылышки за спиной и кудри, легкие, как пух. Я знаю ее – это фея голубого воздуха и весеннего неба, фея золотого солнца и майского праздника.

– Здравствуй, голубая фея! Зачем ты прилетела ко мне?
Она смеется.

Она всегда смеется, голубая, радостная, беспечная.

– Я прилетела, – говорит она, – передать тебе то, про что шумит лес и рокошет речка, про что поют соловей и весна, рассказать о том, как живут, радуются и страдают маленькие королевы, как веселятся крошечные феи. И про суровых и кротких королей, про добрых волшебников, про бедных и несчастных людей и еще про многое-многое другое расскажу тебе сказки. А ты, большая, передашь эти сказки маленьким людям...

– Знаю я сказки. Много старых сказок, которые няня еще в детстве рассказывала мне у камина, – говорю я фее.

А фея смеется. Журчит, поет ее серебристый голосок.

– Странная ты, – смеется фея, – ты знаешь сказки людские, а я тебе расскажу те, что выдумали старый лес и шаловливая речка и золотое солнце прислало к нам сюда с весенними лучами. И те, которые принес орел на своих крыльях, медведь прорычал в берлоге, и те, что прозвенели серебряными голосами такие же маленькие феи, как я. Слушай!

Слушай!

Залепетала, зазвенела фея – и я узнала от нее все, все...

Знаю теперь о том, что нашептывает лес.

О чем лепечет речка...

Про что шумит ветер...

Что посылает солнце в золотых лучах...

Как страдают люди, как веселятся феи, как живут короли и королевны...

Знаю сказки, переданные мне голубой феей. Их было много-много, но всех не запомнить. Что запомнила, расскажу, что позабыла, повторит в другой раз голубая фея.

Не взывайте...

Царевна Лядинка

На высокой-высокой горе, под самым небом, среди вечных снегов стоит хрустальный дворец царя Холода. Он весь выстроен из чистейшего льда, и все в нем, начиная с широких диванов, кресел, резных столов, зеркал и кончая подвесками у люстр, – все ледяное.

Батюшка царь грозен и угрюм. Седые брови нависли у него на глаза, а глаза у него такие, что кто в них ни взглянет, того колючим холодом так и проймет. Борода у царя совершенно белая, и в ней словно блески от камней драгоценных запутались, и самоцветными искрами вся она так и переливается.

Но краше бороды царской, краше его высокого дворца, краше всех сокровищ три дочери царя, три красавицы-царевны: Вьюга, Стужа и Лядинка.

У царевны Вьюги черные очи и такой звонкий голос, что его внизу в долинах далеко слышно... Царевна Вьюга всегда чрезвычайно весела и танцует и поет целый день.

Средняя царевна, Стужа, не уступит в красоте старшей сестре, только гордая она и кичливая, ни с кем добрым словом не обмолвится, никому головой не кивнет, и ходит, стройная да румяная, по своему терему, вполне довольная своей красотой, никому не открывает своего сердца.

Зато младшая сестра, царевна Лядинка, совсем иная: раз-

говорчива, словоохотлива и уж так хороша, что при виде ее у самого грозного царя Холода очи загораются нежностью, седые брови расправляются и по лицу добрая, ласковая улыбка скользит. Любуется царь дочкой, любит ее и так балует, что старшие царевны обижаются и сердятся за это на царя.

– Лыдинка – батюшкина любимица, – с завистью говорят они.

И красавица же уродилась младшая царевна, такая красавица, что другой такой во всем Ледяном царстве не сыскать.

Локоны у царевны – чистое серебро... Глаза – как сапфиры синие и как алмазы самоцветные. Уста – алые, как цветок розы в долине, а сама вся нежная да хрупкая, как драгоценное изваяние из лучшего хрусталя.

Как взглянет на кого своими синими лучистыми глазами Лыдинка, так за один взгляд этот каждый жизнь свою готов отдать.

Царевны весело живут в своем высоком тереме. Днем они пляшут, играют да дивные сказки старшей царевны Вьюги слушают, а ночью на охоту за барсами и оленями выезжают.

И тогда по всем горам да ущельям такой гул и шум поднимается, что люди в страхе от этого шума спешат с гор и из леса к себе домой.

Царевнам только и можно ночью из дома выходить. Днем они из терема показаться не смеют, так как у царя Холода и у его дочерей-красавиц есть опасный, страшный враг.

Этот враг – король Солнце, который живет в высоком те-

реме, выше самого дворца царя Холода, и то и дело посылает свою рать на Ледяное царство, то и дело шлет свои Лучи узнать, изведать, как легче и лучше победить ему непобедимого врага, царя Холода. А вражда у них давнишняя, старая. С тех пор, как выстроен хрустальный дворец на утесе, с тех пор, как стали пчелы за медом в долинах летать, с тех пор, как цветы запестрели в лесу и в поле, с тех пор и поднялась между царем Холодом и королем Солнцем эта вражда не на жизнь, а на смерть.

Строго следит царь Холод, чтобы лукавый король не проник как-нибудь в его царское жилище, не сжег своим роковым огнем и дочерей его, и самый дворец из хрустального льда.

День и ночь стоит стража на карауле вокруг царского дворца, и строго приказано ей следить, чтобы ни один из Лучей-воинов короля Солнца не проник сюда. А царевнам накрепко запрещено выходить днем из дворца, чтобы как-нибудь ненароком не встретиться с королем.

Вот почему день-деньской, пока страшный король гуляет по своим и чужим владениям, царевны-красавицы сидят в терему и нижут ожерелья жемчужные, да ткут алмазную пряжу, да слагают дивные сказки и песни. А придет ночь, золотые звезды усыпят небо, ясный месяц выплывет из-за облаков, тогда выходят они из хрустального терема и скачут в горы гонять барсов да оленей.

Но не все же царевнам за барсами и оленями гоняться, да

звезды считать, да алмазные нити выводить, да дивные песни и сказки складывать.

Пришла пора замуж царевен выдавать...

Позвал царь Холод всех трех дочерей к себе и говорит:

– Дети мои! Не все вам в родном тереме сидеть под крылышком отцовским. Выдам-ка я вас замуж за трех прекрасных принцев нашей стороны, трех одиноких братьев. Тебе, царевна Стужа, дам в мужья краснощекого принца Мороза; у него несметные богатства из подвесок и украшений драгоценных. Несчетными сокровищами наделит он тебя. Будешь ты самую богатую принцессой в мире. Тебе, царевна Вьюга, дам принца Ветра в мужья. Он не так богат, как его брат Мороз, но зато так могуч и так силен, что в могуществе и силе нет ему равного в мире... Он будет тебе добрым защитником-мужем. Будь покойна, дочка... А тебе, моя любимица, – с ласковой улыбкой обратился старый царь к младшей дочери Лыдинке, – дам я такого мужа, который подходит тебе больше всего. Правда, он не могуществен, как принц Ветер, и не богат, как принц Мороз, но зато отличается несказанной, безграничной добротой и кротостью. Принц Снег – твой жених нареченный. Все его любят, все почитают. И недаром: всех-то он приласкает, всех прикроет своей белой пеленой. Цветы, травы и былинки чувствуют себя зимой под его пеленою точно под теплым пуховым одеялом. Он добр и ласков, кроток и нежен. А доброе, ласковое сердце дороже всех могуществ и богатств в целом мире.

Низко-низко поклонились старшие царевны отцу, а младшая надула губки, нахмурила брови и процедила сквозь зубы недовольным голосом:

– Нехорошо ты придумал, батюшка-царь. Самого незавидного жениха мне, своей любимой дочери, выискал. Что толку, что добр принц Снег и ласков, когда он не может ни подарить мне драгоценных уборов, как Мороз сестрице Стуже, ни побиться насмерть, как принц Ветер, с врагами и всех своею силой одолеть. К тому же его старшие братья над ним такую силу взяли! Ветер его по своему желанию кружит, вертит, а принц Мороз одним мановением руки может к месту приковать, и без его разрешения бедный принц Снег не в состоянии двинуться.

– Так это и хорошо! – произнес царь, нахмутив свои седые брови. – Принц Снег – младший из братьев, а покорность старшим – это одно из лучших достоинств молодого принца.

Но царевна все свое твердит:

– Не люб мне принц Снег, батюшка, не хочу идти за него замуж!

Рассердился, разгневался царь Холод. Дунул направо, дунул налево. Заскрипели льды-ледники, заволодела земля. Все пушные звери со страху попрятались в норы, а старый горный орел вскинул крылья, да тут же и замер в воздухе.

А царь Холод как загремит своим грозным голосом на младшую дочку:

– Что ты понимаешь, Лыдинка? Лучше мужа тебе самой не

сыскать. И не смей упрямитесь! Иди в свой терем и приготовься к вечеру как следует встретить жениха. На сегодняшней бал во дворец приглашены мною все три принца.

Горько заплакала царица, но не посмела послушаться царя-батюшку и, поникнув головою, поплелась в свой терем.

Села царица в уголок, серебряные слезинки из синих глаз роняет, и тут же эти слезинки в прекрасные бриллиантовые капельки на щеках ее превращаются. Собрала бриллиантовые слезинки в пригоршню царица, смотрит на них и думает: «Вот сокровища, которые я должна собирать теперь, потому что у моего жениха ничего нет и я собственными слезами должна создавать себе богатство».

Глупенькая царица! Она не знала, что не богатство составляет истинное счастье каждого существа.

И вдруг видит царица, что чудными огнями заиграли у нее на ладони бриллиантовые слезинки... Она испуганно подняла голову и увидела, что в окно ее терема глядит красавец-мальчик, такой светлый и радостный, какого она не видела никогда.

– Кто ты? – вскричала царица, вскакивая со своего места и подбегая к окошку.

– Я слуга одного молодого короля, который хорош, как день, могуч, как горный орел, и богат, как три царя Холода, вместе взятые...

– Богаче, чем мой отец и принц Мороз даже? – вскричала изумленная царица.

– Куда перед ним твой принц Мороз! – насмешливо произнес мальчик. – Принц Мороз просто нищий перед нашим повелителем.

– А как зовут твоего короля? – поинтересовалась красавица.

– Его зовут король Солнце! – произнес гордо мальчик.

Едва только успел он выговорить эти слова, как царевна с криком отодвинулась от окошка и, в ужасе закрыв лицо руками, произнесла:

– Уйди! Уйди! Я знаю, кто ты! Ты мальчик Луч, один из тех, кого посылает король Солнце войною на наше царство. Как ты осмелился и сумел проникнуть сюда, когда вокруг нашего дворца стоит стража?

Мальчик Луч только усмехнулся в ответ своими сверкающими глазами.

– Все ваши теперь заняты приготовлением к балу. Ваши стражи, Зефиры, разлетелись в разные стороны с приглашениями для гостей. Я воспользовался этим и, как самый маленький из слуг моего короля, проник к твоему терему. Что скажешь ты на это, царевна Лыдинка?

– Скажу одно! – гневно топнув ножкою, вскричала царевна. – Скажу одно: твой король – заклятый враг наш, и я сейчас крикну стражу, которая прибежит схватить тебя.

– Не торопись, царевна! – произнес мальчик Луч в ответ спокойным голосом. – Ну схватишь ты меня, а потом что? Будешь кружиться, как глупая козочка, на балу с твоим же-

нихом Снегом, и то, если ему позволят кружиться старшие принцы: Мороз и Ветер. А потом отдадут тебя замуж за бедного принца, их младшего брата, и проживешь ты свой долгий век, не видя ни роскоши, ни могущества, ни богатства, ты, самая красивая из царевен. А в это время твои сестры прославятся через своих мужей. Их ждет богатство и могущество.

– Ах, правду ты говоришь, мальчик Луч, – произнесла Льдинка, – истинную правду.

И она печально поникла своей прекрасной головкой. Мальчик Луч долго молча смотрел на нее. По лицу его промелькнула лукавая улыбка.

– Не тужи, красавица Льдинка! – произнес он самым ласковым голосом. – Я недаром проник в твой терем. Я прилетел сюда с целью посватать тебя за такого знатного жениха, такого богатого, что твои сестры лопнут от зависти, узнав про это. Хочешь быть женою самого короля Солнца, моего господина?

Царевна Льдинка даже замерла от ужаса, услыша это. Она долго не могла произнести ни слова, а когда заговорила снова, то голос ее дрожал от волнения и страха.

– Нет, нет... Король Солнце наш враг. Недаром мой отец, царь Холод, всячески скрывает всех нас от него. Солнце только и ищет случая погубить нас... – заключила она с трепетом.

– И ты веришь этому, маленькая царевна? – звонко рас-

смеялся Луч. – Все это вздор: король Солнце – лучший из царей вселенной. Он заботлив и ласков, как нежная мать... Если царь Холод не хотел, чтобы вы познакомились с ним, так это оттого только, чтобы ты и сестры твои не увидели, что сам он, могущественный ваш повелитель и отец, куда слабее великого короля Солнца.

– Так вот оно что! – задумчиво произнесла царица. – А я думала... Отчего же он воюет с батюшкой? – внезапно высказала она мелькнувшую мысль.

– Отчего? А вот сейчас узнаешь! – звонко рассмеялся солнечный Луч. – Король Солнце любит тебя и хочет взять тебя за себя замуж, а батюшка твой против этого. Ему невыгодно, чтобы его зять был знатнее его.

– Понимаю теперь, – проговорила тихо принцесса, – все понимаю... А если я и впрямь выйду за Солнце, он нашьет мне таких же уборов и нарядов, какие Мороз сделает сестрице Стуже?

– Во сто раз краше и богаче нарядит тебя мой король, царица! – уверенно произнес мальчик Луч.

– Ну, тогда я готова быть женою твоего короля, – весело проговорила Лыдинка. – Воображаю, как позавидуют мне сестры и сам батюшка-царь, когда увидят меня самой богатой и знатной королевой в мире!

И царица Лыдинка гордо выпрямилась и кинула на мальчика Луча такой взгляд, точно она была уже его царицей, а он ее подданным.

– Вот и отлично, ваше высочество, моя будущая королева, – с низким поклоном произнес Луч. – Я так и думал, что вы самая умная царевна в мире и скоро поймете тех, кто искренне желает вам добра, – с тонкою улыбкою добавил он. – А теперь не угодно ли вам пожаловать за мною?

– Куда? – испуганно произнесла царевна.

– В царство короля Солнца, моего повелителя! – с новым поклоном произнес Луч.

Царевне Льдинке очень понравилось такое почтительное обращение. Она любила лесть.

Мальчик Луч ударил в ладоши, и вмиг легкая колесница цвета утренней зари, сплетенная из лепестков роз, появилась перед нею. Две исполинские мохнатые пчелки везли ее.

– Садитесь скорее, царевна, – торопил ее мальчик Луч, в одну минуту занимая место на козлах, – а то наши кони, дети солнечных дней, замерзнут в вашем холодном царстве.

Льдинка не заставила себя приглашать вторично. Знатность, могущество и богатство, которые улыбались ей в самом недалеком будущем, заставили ее весело и легко впрыгнуть в розовый экипаж, и они понеслись.

Изумленная стража ледяного дворца царя Холода со страхом увидела пронесшуюся мимо нее царевну, но пока успела поднять тревогу, Льдинка с Лучом были уже далеко. Им навстречу попала бабушка Пурга, с головы до ног закутанная в свое белое покрывало.

Она грозила клюкой, стараясь преградить путь царевне, и

кричала:

– Берегись, царевна, не слушай льстивых речей! Будь покорна отцу. Вернись! Вернись!

Но Луч только со смехом заглянул в лицо старухи, и та с громким проклятием со всех ног понеслась в горы.

Между тем белые ледники и сугробы исчезли. Теплом и ароматом пахло на царевну. Перед ней показался роскошный сад. Там прогуливались феи, воздушные и нежные, как сон. Их длинные волосы отливали золотом, алые уста улыбались; их легкие платья, сотканые из лепестков роз и лилий, были самых нежных оттенков. Легкие и воздушные, они носились, танцуя в воздухе, чуть шурша своими легкими крыльями, казавшимися серебряными в блеске майского дня.

В один миг, увидя царевну, появившуюся среди них, они залепетали звонкими, как свирель, тоненькими голосками:

1-я фея: – Какая хорошенькая девочка!

2-я фея: – Совсем не хорошенькая! Закуталась в такую жару и выглядит кусочком снега!

3-я фея: – У нее глаза, как синее озеро!

4-я фея: – Наши разноцветные глазки выглядят куда лучше!

5-я фея: – Она никуда не годится. Она ничто в сравнении с нами по красоте!

6-я фея: – Она тяжелая и неуклюжая и не может кружиться в воздухе, как мы...

7-я фея: – Просто ледяная сосулька, которой нет места в

нашем чудесном царстве.

8-я фея: – Уродливая сосулька, больше ничего.

И затем все феи вместе закричали:

– Сосулька! Сосулька! Сосулька!

Бедной царевне Льдинке хотелось заплакать от горя и обиды. Но ее синие глаза не знали слез. Ее сердце только заглохло еще больше. Оно до краев наполнилось теперь гордым презрением к маленьким феям за их недоброе отношение к ней.

И она гордо и громко произнесла:

– Ага, вы смеетесь теперь надо мною, я кажусь вам гадкой и смешной, но когда я буду вашей повелительницей, женою короля Солнца, вы будете низко кланяться мне и все во мне найдете прекрасным.

И как будто уже предвкушая свою победу над насмешницами-феями, царевна Льдинка гордо прошла перед ними, обдавая их холодом с головы до ног.

– Ах, противная сосулька, что она говорит? – вскричали нежные феи и угрожающе подступили к царевне Льдинке, размахивая перед самым ее лицом своими крылышками.

Вдруг смутный гул пронесся по светлому царству. Тысячи разноцветных мотыльков заметались в разные стороны. Стая жаворонков поднялась в голубом воздухе и запела хором.

Ах, что это была за песнь!

Такой песни царевна Льдинка в жизни не слышала в своих нагорных ледниках. Сестра Выюга пела хуже, во сто раз хуже

звонких жаворонков.

Мальчики Лучи появились в огромном количестве и стали двумя рядами на пышной цветочной поляне.

– Король Солнце идет! Король Солнце идет! – зашептали веселые феи и стали охорашиваться в ожидании своего молодого повелителя.

И вдруг все разом чудесно засияло в светлом царстве. Царевна Льдинка даже зажмурилась невольно. Столько блеска и света было кругом, что глазам становилось больно.

Неожиданно появился на золотой колеснице златокудрый юноша такой красоты, какой еще не видывала Льдинка. И весь он сиял; сияли даже его волосы, глаза и одежда. На пышных кудрях лежала золотая корона, от которой и происходило сияние, больно резавшее глаза. Целая свита мальчиков Лучей толпилась вокруг.

Все феи при виде короля упали на колени. Одна царевна Льдинка гордо выступила вперед. Окинув надменным взором толпу фей, она смело посмотрела на красавца-короля и сказала:

– Глупые, маленькие, ничтожные дочери воздуха посмели смеяться надо мной, могучей царевной, их будущей повелительницей. Накажи их, король Солнце, накажи тотчас!

Король нежно поднял глаза на царевну.

– Вот сейчас увидите! Вот сейчас увидите! – произнесла торжествующая Льдинка, обращаясь к феям. – Я невеста короля Солнца, и вы должны поклониться мне, как вашей по-

велительнице-королеве.

Она хотела еще прибавить что-то и вдруг остановилась.

Целый сноп лучей вырвался из золотых очей короля Солнца. Раскаленными иглами впились они в лицо Льдинки. Из груди ее вырвался громкий крик, ноги подкосились, глаза закрылись, и она упала навзничь, бледная, как смерть.

И под жгучим взглядом короля Солнца Льдинка быстро таяла, таяла...

На горах, в ледниках, старый царь Холод рыдал в отчаянии, узнав про гибель дочери. Стужа и Вьюга вторили ему, оплакивая красавицу-сестричку.

А Льдинка растаяла, исчезла совсем, умерла, сожженная Солнцем, его золотыми глазами.

От нее не осталось уже следа, когда король Солнце приказал насмешницам-феям:

– Сплетайте хороводы и пойте песни... Я отправляюсь воевать с царем Холодом и вскоре надеюсь торжествовать победу над моим врагом.

И феи с веселыми песнями полетели в разные стороны, а люди счастливыми улыбками встретили благую весть о приближении Солнца, их любимого, светлого короля...

Волшебный оби

У знатного богатого самурая¹ была дочь. Звали ее Хана. У мусме² Ханы были красивые черные глаза, блестящие волосы и тонкий нежный голосок.

У мусме Ханы была добрая душа, и про нее сложилась в Японии дивная сказка.

Я слышала эту сказку от старого седого орла, который прилетал на скалу близ священной горы Фудзияма, расположенной неподалеку от большого японского города.

Старый седой орел часто прилетал на голую скалу у берега моря и рассказывал сказки.

И вот в последний раз он рассказал о девушке Хане, дочери самурая.

Я запомнила сказку старого седого орла и от слова до слова передам ее вам.

Мусме Хане было пятнадцать лет. Только пятнадцать. Когда ей исполнится шестнадцать, отец ее, знатный самурай, придет в ее зару, в большую теплую зару, – так называется по-японски комната, – и по принятому в Японии обычаю принесет ей оби.

Знаете ли, что значит «оби»?

¹ Так назывались древние японские рыцари.

² Мусме – по-японски девушка (в японском языке это слово употребляется и в обращениях, как французское мадемуазель или немецкое фрейлейн).

Это пояс. Широкий, шелковый пояс, сотканный из пестрой или розовой ткани, нежный и красивый, как восточное утро или как полоса розовой зари над сонной страной. По обоим концам пояса спускаются золотые кисти. Японские девушки придают огромное значение оби. Чем знатнее по своему происхождению мусме, тем пышнее и наряднее ее оби. Красивый, пышный, с вышитыми на нем цветами, птицами и веерами, он не может принадлежать простолюдинке: те носят самые скромные пояса. Зато дочери богатых самураев, вельмож и сановников одна перед другой похваляются своими дорогими шелковыми оби.

И чем знатнее, чем важнее японская девушка, тем роскошнее и богаче ее оби. Он говорит о знатности, о почетной должности ее предков и о близости их к трону самого микадо, японского императора.

Мусме Хана давно мечтала о таком оби... Он должен был быть нежно-розовым, как отблеск солнца в час восхода на голубой поверхности моря, он должен был быть воздушным и легким, как вздох лотоса, и мягким-мягким, как лепесток царственной хризантемы – самого любимого в Японии растения.

Мусме Хана надеялась, что у нее будет именно такой пояс. Ее отец был очень знатный и богатый человек, и дочь его может носить только роскошный и дорогой оби. Каждый раз при разговоре об оби Хана напоминала отцу о том, что она желает иметь пояс разве только немногим хуже, нежели оби

самой императрицы.

Прошел год.

Море вздулось и потемнело, потом успокоилось и к весне снова стало тихим, кротким и красивым.

Лотосы зацвели в долинах, белые и прозрачно-нежные, как щечки красавиц.

Мусме Хане исполнилось шестнадцать лет.

С первым солнечным лучом в ее зарю вошел отец и подал ей что-то, тщательно завернутое в розовую бумагу.

– Оби! Оби! – вскричала Хана и быстро стала разворачивать принесенный подарок.

О, она не сомневалась, что оби, принесенный ей отцом, будет роскошнее, красивее и богаче всех тех, которые ей доводилось видеть на ее подругах!

И что же?

Вместо ожидаемого нарядного подарка она увидела совсем простой темный пояс, которым обвязывают простолюдины свои скромные платья. Мало того, этот пояс был сделан из старого шелка, расплзся от старости в нескольких местах и походил скорее на грязную тряпицу, которой опоясывают самые бедные японки свои будничные кимоно.

– Что же это? Ты смеешься надо мной, отец? – вскричала она, заливаясь слезами.

Но знатный самурай только усмехнулся себе в усы, взял оби в руки, обмотал им роскошное шелковое кимоно дочки и сказал:

– Не смотри, что подарок мой прост и скромен, дочка. У этого оби есть чудодейственная сила. Пока ты носишь его и не стыдишься его убогого вида, до тех пор он будет твоим верным слугою. Стоит тебе только обернуть кончик этого скромного оби вокруг большого пальца, как все, что тебе захочется, исполнится вмиг. Этот пояс достался твоей матери от волшебницы Суато, которая была ее воспитательницей и покровительницей. Но помни: в первую же минуту, как только ты застыдишься своего скромного оби и пожелаешь иметь вместо него блестящий и нарядный, он мигом потеряет свою чудодейственную силу и окажется простой негодной тряпкой. Поняла меня, дочка?

Хана поняла отлично все, что ей сказал отец. Хана была умная и понятливая девушка. Теперь она уже не горевала больше. У нее было неисчерпаемое богатство в руках, и она была счастлива вполне.

Спустя несколько дней целая толпа веселых свеженьких мусме отправилась на берег моря. Они собирали красивые раковинки и украшали зелеными водорослями свои черные головки. На них были цветные пестрые кимоно и самые роскошные оби, какие можно встретить только в Японии, потому что все эти розовые девушки были дочерьми самых знатных сановников Дай-Нипона, как называется японская страна.

У одной только мусме Ханы был ее скромный, ветхий,

бедный пояс поверх нарядного кимоно.

– Слушай, Хана! – обратилась к девушке хорошенькая дочь важного сановника. – Ты выглядишь в этом старом, поношенном поясе настоящей нищенкой; сними его и брось в воду.

– Зачем ты надела эту дрянную тряпку? – вскричала красавица Белая Хризантема, племянница одного знатного полководца.

– Мусме Хана обеднела! Надела какую-то тряпку вместо оби! Мусме Хана забыла, что ей, дочери сановника, нельзя носить такой пояс. Мусме Хана – большая дурочка, если не знает этого, – задорно проговорила Розовый Лотос, дальняя родственница самого микадо.

О, это было уже слишком! Как всякая японка, Хана гордилась своим происхождением. Подобных насмешек она вынести не могла. Она окинула своих подруг презрительным взглядом и приказала им громким, властным голосом:

– Сложите все собранные вами раковины на берегу и смотрите, что будет с ними.

Розовые мусме недоверчиво покачали своими хорошенькими головками, но послушно уложили все найденные ими раковины на песок и отошли в сторонку, тихо шушукаясь между собою.

Хана незаметно обернула кончик своего оби вокруг пальчика левой руки и... о чудо!

Маленькие разноцветные раковинки мигом превратились

в золотые, ярко горевшие в лучах солнца червонцы.

– Возьмите эти червонцы и поделите их между собою! – произнесла надменно Хана и отошла от подруг с видом владетельной королевы.

Хорошенькие мусме стали подбирать червонцы, кидая завистливые взгляды на уходившую Хану. Они решили, что перед ними не простая японская мусме, а могучая волшебница.

Было утро, золотое утро Востока. Солнце радостно купалось, как беспечный ребенок, в хрустальных водах синего океана.

Мусме Хана шла по тропинке между двумя засеянными рисом полосами поля. За нею шла огромная толпа ее подруг. С тех пор, как они узнали могущество Ханы, они уже ни на шаг не отставали от нее. Хана была богата, Хана была знатна, Хана обладала чудодейственной силой. Люди богатство и знатность ставят выше всего, и немудрено поэтому, что за мусме Ханой шли теперь целые толпы ее сверстниц.

Они шли широкими полями, сожженными солнцем. Это были голые поля, на которых уже ничто не произрастало.

Неурожай свирепствовал в стране, и желтые, сожженные солнцем поля не производили ни одного колоса.

Розовым смеющимся мусме то и дело попадались навстречу голодные, оборванные, озлобленные от нищеты люди; они кричали грубыми голосами:

– Вы, дети знатных богачей! Подайте нам на хлеб! Мы умираем с голода.

У Ханы было доброе сердце и чуткая душа.

Она раздала все червонцы, которые имела, голодным, озлобленным людям, и когда у нее не осталось ни одной йены, она тихонько обернула кончик своего черного оби вокруг пальца, и вмиг желтые поля покрылись спелым рисом, который у японцев составляет главную пищу. Его было так много, что им можно было накормить досыта самую огромную страну.

Голодные люди бросились было собирать посева, но силы им изменили, тощие тела, изможденные голодом, не могли двигаться, слабые руки не могли работать.

Тогда они с угрожающими криками и с поднятыми кулаками кинулись к Хане.

– Ты колдунья! – кричали они. – Ты злая волшебница! Ты дала нам пищу, чтобы раздражить нас, а собрать мы ее не можем, у нас нет сил на это! Мы тебя уьем!

У них были такие злые, свирепые лица, а глаза их сверкали такой ненавистью и злобой, что розовые мусме разбежались в страхе, и Хана осталась одна.

Ничуть не смущаясь, она снова обернула кончик оби вокруг своего розового пальчика, и что же?

Целая толпа невольников появилась среди рисового поля.

Они мигом срезали жатву и, собрав в снопы, понесли с поля.

Теперь уже несчастные голодающие не бранили Хану, не угрожали ей.

– Светлая богиня Къан-Нан! – кричали они. – Смилуйся над нею! Помогите ей, добрые духи, во всех ее делах!

И они стремительно кинулись следом за невольниками, уносившими рис.

Хана осталась одна.

И вдруг до слуха Ханы долетел звук песни, сладкий, как сон. Молоденькая мусме замерла на месте. Восторг наполнил ее душу; вся она превратилась в слух.

Звуки неслись из соседней рощи, лежавшей недалеко от того места, где она находилась.

Хана долго стояла без движения, пораженная, очарованная дивной песнью. От песни веяло то тихим, ласковым плеском волны, то шепотом лотосовых полей, то звуками сладкой «ше», любимого музыкального инструмента японцев.

Молоденькая мусме кинулась в рощу и остановилась, изумленная, перед огромным столетним деревом, у корней которого сидел красивый юноша в бедной одежде бродячего певца. Он-то и пел так сладко, что можно было невольно заслушаться его песней.

– Здравствуй, юноша! – произнесла Хана, глядя во все глаза на певца.

– Здравствуй, красавица мусме! – отвечал тот приветливо.

– Что ты поешь здесь один? – снова спросила Хана.

– Я слагаю ту песню, которую я буду петь во дворце микадо в день большого праздника, – отвечал он. – Ты знаешь, пригоженькая мусме, что наш великий микадо и повелитель хочет женить своего сына, наследника престола. В следующее новолуние во дворце микадо соберутся все знатнейшие красавицы Дай-Нипона, и между ними принц выберет себе супругу. Этой счастливице я должен буду пропеть хвалебную песнь.

– О благодарю тебя, певец! – вскричала Хана. – Благодарю заранее! Ведь микадо выберет сыну в жены меня и только меня.

Голубые глаза певца блеснули насмешкой. Он весело рассмеялся и вскричал:

– Слов нет, что ты очень хорошенькая мусме; но во дворец микадо проникнут только те девушки, у которых будут самые роскошные оби, то есть самые знатные мусме.

– И я буду среди них, ты увидишь это! – вскричала Хана.

Но певец только недоверчиво покачал головой. Мусме Хана полюбилась ему сразу за ее красоту, но он вовсе не подозревал, что перед ним находится девушка очень знатного рода, и притом обладающая такой чудодейственной силой.

Он все качал головой и чуть посмеивался румяными устами.

А Хана говорила:

– Я сорву сейчас цветок желтой хризантемы и отдам тебе. Желтая хризантема превратится в алую, как кровь, лишь только войду во дворец микадо. По этой хризантеме ты меня узнаешь. А теперь скажи, как зовут тебя, певец?

– Меня зовут Иеро! – произнес он, любуясь ею.

– До свидания, Иеро! – произнесла Хана. – До свидания во дворце микадо!

– Прощай, пригожая мусме!

Она ушла, а Иеро все смотрел туда, где она скрылась. Она показалась ему лучом солнца, и песня не шла ему больше на ум.

В первое новолуние во дворце микадо собралась большая толпа знатнейших красавиц.

Хана, стоя у дворца, видела, как быстроногие рикши³ примчали нарядные бархатные коляски, из которых выскакивали веселые, как птички, нарядные красавицы.

³ Рикша – японские носильщики-извозчики, которые развозят зажиточных людей на особых носилках, заменяющих в Японии коляски.

Стража проводила их во дворец. Там встречали их знатные сановники и отводили в тронный зал, где приветствовали красавиц сам микадо и его сын.

Хана тоже хотела проникнуть во дворец, но суровая стража не пустила туда девушку.

У мусме Ханы был бедный, простенький оби, а простой оби мог быть только у простолюдинок.

Тогда Хана осторожно нагнула на пальчик свой простенький оби, и вот перед удивленными сторожами очутилось около дюжины златокудых пажей, около десятка трубачей и алебардчиков и целая свита слуг.

Все они толпились вокруг Ханы, на которой мигом очутилось роскошное, все затканное драгоценными камнями платье невиданной красоты. Драгоценная корона венчала ее голову. И только один темный простенький оби по-прежнему оставался без изменения, портя весь ее богатый наряд.

Но никто уже не обращал внимания на скромный оби, когда важная знатная красавица, окруженная блестящей свитой, потребовала впустить ее во дворец.

Стража с низкими поклонами пропустила Хану, и через минуту она предстала перед лицом микадо и его сына.

Певец Иеро был уже здесь, но Хана и не взглянула даже на бедного певца. Шепот восторга, вызванный ее появлением, совсем оглушил ее. Да и Иеро вряд ли признал бы в этой великолепной принцессе хорошенькую мусме, которую он встретил недавно, и если бы желтая хризантема, приколотая

на его груди, не превратилась вдруг в алую, он никогда бы не узнал Хану.

– Откуда эта дивная красавица? – произнес сын микадо. – Это, наверное, очень знатная принцесса. Я хочу выбрать ее в жены.

Микадо одобрительно кивнул сыну.

Принц взял за руку Хану, посадил ее рядом с собою среди общего гула одобрения и восторга. Микадо дал знак певцу, чтобы тот спел свою хвалебную песнь в честь избранницы принца, и бедный Иеро, задыхаясь от горя, потому что он успел полюбить Хану и желал иметь ее своей женой, начал хвалебную песнь.

Он восторгался красотой Ханы, хвалил ее дивный наряд и роскошную свиту; сравнивал ее очи с ночными звездами, ее нежную кожу – с лепестком лотоса, ее уста – с кровавой хризантемой, ее маленькие ножки – с розовыми раковинами, а блестящие, черные, как смоль, волосы – с непроницаемой мглой восточных ночей.

И только скромный темный оби не хвалил Иеро. Хотелось Иеро видеть свою будущую повелительницу, опоясанную пестрым роскошным оби, как и подобало ее высокому сану. И он не жалел звуков, воспевая этот воображаемый, сказочно роскошный оби, который по справедливости должен был опоясывать гибкий стан красавицы.

Звуки лились, как волны, и журчали, как струи, и вздыхали, как ветер, и таяли в самой глубине сердца мусме. Серд-

це мусме под влиянием этих звуков наполнилось одним жгучим желанием получить такой оби. Она коснулась незаметно пальчиком своего пояса. И вдруг... о ужас!

Исчезла нарядная свита, исчезли трубачи и литаврщики, исчезли златокудрые пажи и нарядное платье, и уборы. Скромно одетая мусме Хана очутилась вместо прежней нарядной принцессы перед лицом микадо и принца.

Но вместо черного старого оби ее стан опоясывал роскошный пояс самых ярких цветов.

Микадо и принц, видя это странное превращение, взволновались.

– Где твоя свита, принцесса? Где твое роскошное платье? Где твоя корона? – вскричали они в один голос.

Мусме Хана быстро схватила конец оби, чтобы одним движением вернуть себе былое величие, но – увы – роскошный оби не имел чудодейственной силы, которой обладал ее прежний скромный поясок.

Тут только вспомнила Хана слова своего отца, с которыми он подарил ей чудодейственный пояс. Вспомнила и горько заплакала.

– Обманщица! Лгунья! Ты вздумала морочить нас! Жалкая простолюдинка, разыгрывающая из себя принцессу! – вскричал разгневанный принц. – Ступай прочь, гадкая лгунья!

Хана заплакала еще горше. Она поняла, что не ее полюбил принц, а драгоценности и пышность, которые ее окружали.

Под градом насмешек поспешными шагами двинулась она к выходу, закрыв лицо руками. Вдруг она почувствовала, что кто-то крепко-крепко держит ее за руку.

Подняла голову – перед нею Иеро.

– Постой! Пойдем вместе отсюда, хорошенькая мусме! – произнес он, ласково заглядывая в ее черные очи. – Пойдем вместе. Я отведу тебя в мою зару, и ты будешь моей женой, потому что я вижу добрую душу в твоих глазах, нежное сердце в твоей улыбке! Мне не надо драгоценных уборов. Мне ты нравишься такой, как ты есть. Хочешь быть моей женой, красавица?

Хана молча благодарно взглянула на Иеро и подала ему руку. Она не хотела задумываться над тем, как дочь знатного самурая будет женою бродячего певца. Доброта души Иеро покорила ее...

Эту сказку я слышала от старого седого орла, который сидел на гребне скалы близ Фудзиямы. Когда он окончил ее, то прибавил тихо:

– Как странны люди! Как глупы люди! Старый седой орел умнее их. И старый седой орел желает им счастья.

Старый седой орел желает им вечного счастья!

Король с раскрашенной картинки

Он был очень хорош. Так хорош, что настоящие, живые короли, бесспорно, позавидовали бы его блестящему виду. У него была роскошная белая, как сахар, седая борода, такие же седые кудри и большие черные глаза. На голове его красовалась золотая корона. Одет он был так, как вообще одеваются короли. Художник не пожалел красок, чтобы вырисовать его пурпурную мантию и огромный воротник из дорогого собольего меха.

Да, он был чудно хорош.

И все-таки это был не живой король, а только... король с раскрашенной картинки. Правда, очень нарядный, очень пышный, очень красивый король.

Раскрашенная картинка лежала в окне магазина, и прохожие целый день толпились у витрины, любуясь раскрашенным бумажным королем, сидевшим на троне и важно курившим трубку.

Это составляло большое развлечение для самого короля. Он любил смотреть на людей и внимательно приглядывался ко всему тому, что происходило за окном. И ему было очень досадно, когда на ночь ставнями закрывали окно, и он не мог видеть, что делается на улице.

Но как-то раз, в один очень холодный зимний день, витрину почему-то на ночь не закрыли ставнями, и хотя стек-

ло в окне замерзло и заиндевело, все-таки в нем осталось отверстие, через которое бумажный король мог видеть, что делалось кругом.

И вот король увидел, как к обтянутому ярким сукном подъезду большого дома один за другим подъезжали экипажи и как из них выходили важные господа и нарядные дамы и поднимались по лестнице наверх, в какую-то богато обставленную квартиру. Господа и дамы уходили в хорошо натопленные залы, а кучеры оставались на улице ждать на морозе.

В числе других подъехала карета, из которой выскочила молоденькая красавица и, крикнув старику-кучеру: «Подождешь меня!» – быстро скрылась в подъезде. Съездившись от холода, старик-кучер отъехал в сторону.

Вскоре бумажный король заметил ее в окнах дома: она носилась в веселом танце, окруженная целой толпой кавалеров, раскрасневшаяся от оживления.

А на улице в это время мороз становился все сильнее и сильнее, и старик-кучер, поджидавший свою барышню, медленно замерзал на козлах... Его лицо посинело, руки опустились, вожжи выпали из них. Бумажный король видел, как постепенно умирал несчастный, и он, король, готов был зарыдать от ужаса, если бы только бумажные короли могли рыдать и плакать.

Красавица протанцевала долго. Когда, наконец, гости стали расходиться и она узнала, что ее кучер замерз, то даже не заплакала, а сделала гримасу и сказала только:

– Ах, какая досада! Как же я теперь домой поеду...

Бумажный король был возмущен до глубины своей бумажной души. «О! – думал он. – Если я когда-нибудь стану настоящим королем, я не допущу ничего подобного...»

И с этой думой король заснул...

Но спать пришлось ему на этот раз недолго, не потому, что было очень холодно в витрине, а потому, что его разбудили громкие голоса, раздававшиеся близко, совсем близко от него. Король протер свои заспанные глаза и увидел целую толпу людей, одетых в потертое платье, с закоптелыми от дыма, изможденными лицами. Это были фабричные рабочие, спешившие на работу. Они остановились у окна магазина и разглядывали бумажного короля, а те, которые были поближе, старались прочесть длинную подпись, находящуюся под картинкой и объяснявшую, как звали короля. Но как они ни старались, им не удалось разобрать ни одного слова, несмотря на яркий свет фонаря: они не умели читать.

– Эх, не учили нас в детстве, вот и тяжело приходится под старость! – произнес один из рабочих таким печальным голосом, что сердце бумажного короля сжалось от сострадания.

«Во что бы то ни стало я по всему моему государству устрою школы и дам возможность всем и каждому учиться, сколько кто захочет», – произнес мысленно король...

И вдруг он вздрогнул, вспомнив, что он не может этого сделать. На бумажных ресницах бумажного короля задрожали

ли слезинки. Ему стало больно, очень больно от мысли, что он только король с раскрашенной картинки, а не настоящий король...

Между тем улица оживилась. Всюду стали появляться люди. Многие останавливались у магазина, восторгались бумажным королем и шли дальше.

Вот к окну подошел какой-то важный господин в дорогой шубе с двумя нарядно одетыми мальчиками. Последние, увидав бумажного короля, вскричали в один голос:

– Папа, купи нам этого короля!

– Что? Вы хотите эту лубочную картинку? – презрительно спросил господин в шубе. – Нет, дети, я лучше куплю вам какую-нибудь хорошую игрушку.

– Да, да, ты прав, папа! Купи нам игрушку, – весело ответили дети, и все трое направились к дверям соседнего магазина. Маленькая, худенькая, оборванная девочка остановилась перед ними. Она была очень жалка в своих лохмотьях, с исхудалым от голода и нужды личиком, со впалыми, лихорадочно горящими глазами.

– Подайте, Христа ради, добрые господа! – тянула она печально, жалобным голоском.

– Пошла прочь, побирушка! – прикрикнул на нее господин в шубе. – Много вас тут бегают без дела и клянчат о подаянии. Слышишь, пошла прочь!

Девочка отскочила. Слезы брызнули из ее глаз. Она пролепетала что-то о больной матери, третий день остававшейся

без обеда, о том, что сама она голодна, и, глухо рыдая, опустилась на мостовую.

А господин в шубе и его дети в это время вошли в магазин игрушек, смеясь и весело болтая между собою.

Бумажный король взглянул на полумертвую девочку, и его бумажное сердце готово было разорваться на тысячу кусков, разорваться от боли и бессилия.

Да, от бессилия особенно.

Он вполне сознавал, что не может ничем помочь бедной девочке, потому что он – бумажный король.

Бумажный, и только. И не одной этой девочке, но вообще никому он не в состоянии помочь, не в состоянии устранить людское горе и несправедливость.

– Ах, если бы я был живым, настоящим королем! Сколько добра бы я мог сделать! – подумал бумажный король.

И он схватился руками за голову и стал просить у судьбы: или совсем лишит его и трона, и короны, и царской мантии, и даже жизни, или же сделать его живым королем. Да, живым, а не бумажным королем.

Луч месяца ударил в оконце и нежно коснулся его лица. На глазах короля заблестели слезы.

Серебряная фея лунного света, добрая волшебница Лара, проскользнув на своей голубой колеснице, увидела эти слезы и произнесла тихо:

– Я в первый раз вижу, как плачет король. Пусть это слезы бумажного короля, но раз это слезы любви к ближним,

они заслуживают внимания. Ты добрый король и, наверное, будешь любить своих подданных. Я сделаю тебя настоящим, живым королем.

И фея Лара коснулась своей волшебной голубой палочкой плачущих глаз старого короля. И, о чудо! Голубые лучи полночного месяца исчезли, исчезла и темная ночь, и мигающие фонари на улицах.

Исчезло и само окно игрушечного магазина. Король в один миг соскользнул с бумажной картинки и почувствовал себя настоящим королем. Он очутился в огромной дворцовой зале, на золотом троне, под пурпуровым балдахином, и вокруг него толпилась послушная толпа сановников и слуг. Длинная горностаевая мантия волной спускалась с его плеч, а от серебряной бороды и седых локонов пахло дорогими духами.

Правда, король казался очень маленьким, тщедушным, невзрачным среди высоких, рослых, толстых придворных, окружающих трон, но все эти придворные так низко и почтительно наклонили свои головы, когда он, король, поднялся на трон, что сердце короля затрепетало от радости. Он понял разом, что судьба услышала его желание и сделала его могучим властителем страны.

Не медля ни одной минуты, король разослал послов по всему городу разыскивать несчастных, голодных, нуждающихся и угнетенных и приказал раздавать им деньги, новые платья и все необходимое.

Затем король разослал гонцов по всем улицам и площадям объявить громогласно народу о том, что он выстроит школы, где будет народ обучаться бесплатно, чтобы жизнь людей стала светлее и лучше. А своих сановников король отправил ко всем богачам города, требуя от них хорошего и ласкового обращения со слугами и грозя в случае непослушания своим королевским гневом.

Не забыл король и о несчастной девочке, умирающей от голода у витрины магазина, и велел позаботиться о ней.

Народ с радостью выслушал благие вести и с громкими криками восторга кинулся во дворец приветствовать своего короля.

Все были счастливы, довольны и уходили, прославляя доброго короля.

Но счастливее всех был сам король. Он был убежден, что сделал все, что нужно для блага народа, и со спокойным сердцем укладывался спать в этот вечер в свою роскошную королевскую постель.

Лежал король в постели и думал: «Как хорошо сознавать, что ты можешь делать добро несчастным; это лучшая радость королей».

Вдруг что-то нежное, как дуновение ветерка, коснулось серебряных седин короля.

Он быстро поднял голову. Перед ним стояла лунная фея Лара. Ее голубая фигурка, вся насквозь сияющая в лучах месяца, наклонилась над изголовьем короля.

Король обрадовался, как ребенок, при виде своей благодетельницы.

– Благодарю тебя, могучая Лара, – произнес он с чувством, – что ты сделала меня настоящим королем и дала мне возможность совершить целый ряд добрых дел. Я надеюсь, что отныне в моем царстве не будет уже ни голодных, ни обиженных, ни печальных.

Голубая фея медленно покачала своей красивой головкой и тихо рассмеялась.

– Ты ошибаешься, король, – произнесла она с нежным, чуть слышным смехом, который походил на звуки незримой арфы, – разве можно в один день изменить все? Король, до сих пор ты даже не знаешь, сколько горя в твоём царстве. До сих пор ты видел только то, что ты мог наблюдать из витрины магазина, и лишь тех людей, на которых ты мог смотреть из окна королевского дворца. Но если бы ты, король, объездил всю свою страну или хотя бы часть ее, ты бы убедился, что твой народ гибнет от голода, от неурожая, болезней, вражды друг с другом. И то, что ты сделал, показалось бы тебе ничтожной крупницей того, что нужно сделать для счастья твоего народа.

– Лара! – вскричал король. – Клянусь, завтра же я пускаюсь в дальний путь. Завтра же я начинаю объезжать свое королевство. Там, где я увижу голод и нужду, там должно воцариться довольство и радость. Клянусь тебе, волшебница Лара, я утру слезы моего народа!

– Это труднее сделать, чем ты думаешь, – послышался тихий, мелодичный голос лунной феи.

– И тем не менее я сделаю это! – упрямо возразил король.

Лара кивнула ему серебристой головкой и исчезла, растворилась в лунном свете.

Король остался один.

Он долго ворочался на своей широкой постели под бархатным балдахином и до утра промечтал о той светлой минуте, когда не будет ни одного голодного в его стране...

С первым солнечным лучом трубачи и литаврщики на белых конях поскакали из дворца. За ними в золотой карете, окруженный блестящею свитой, ехал король. Он пускался в дальний путь объезжать свою обширную страну и знакомиться с жизнью народа. Гонцы скакали далеко впереди королевского поезда и предупреждали каждый город, каждую деревеньку, каждое местечко о том, что едет король. И куда бы ни приезжал он, всюду его встречали нарядные, веселые, сытые люди с сияющими радостью лицами, в дорогих платьях и на золотых блюдах подносили драгоценные дары своему королю.

– Но где же голодные мои подданные? Где же нищие и бедные? – с недоумением спрашивал король окружающих.

– Ваше величество, – льстиво отвечала свита, – под властью такого мудрого, такого прекрасного короля, как вы, не может быть ни бедных, ни голодных. В вашей стране благодаря вашей мудрости и великодушию всюду роскошь, до-

вольство и радость!

Король улыбнулся счастливой улыбкой и довольный возвратился в столицу.

– О, как не права была Лара, когда говорила, что у меня в стране есть нищие и несчастные, – произнес он уверенно. – Я объездил полстраны и нигде не видал ни бедных, ни нищих, ни обиженных... О, как бы я хотел повидать фею, чтобы доказать, что она ошибается!

Желание короля исполнилось.

В первую же ночь после возвращения короля в столицу, едва только на небе показалась луна, через окно спальни проникла Лара.

– Здравствуй, король! – произнесла она и коснулась легким поцелуем серебряной головы старого короля.

– Здравствуй, Лара! Ты являешься как раз вовремя, – произнес король и стал быстро и подробно рассказывать о тех сытых, довольных и счастливых людях, которые встречали его на пути, в городах и деревнях, в селах и местечках.

И вдруг послышался серебристый смех, тихий, как шелест ветра, и звучный, как ропот речки.

Это смеялась Лара.

– Ах, ты, легковерный, беспечный король! – говорила она между перекатами смеха. – Как легко тебя обмануть!.. Зачем ты допустил льстивую свиту сопровождать тебя? Ведь она своими блестящими одеждами заслоняла от тебя всех тех, кого тебе хотелось видеть! И ты из окон твоей золотой

кареты видел только золото да парчу, но не видел правды, не видел того, что ты должен был видеть, не видел нужды и скорби твоего народа... Король, хочешь, я превращу тебя в большую черную птицу, в вещую птицу, которая в несколько дней пролетит от моря до моря все твои владения вдоль и поперек и своими зоркими глазами увидит то, что всячески скрывает хитрая свита от своего короля?

– Да, да! – вскричал король. – Обрати меня в птицу, милая Лара. Я хочу видеть нужды и скорби моего народа!

Едва только успел король произнести последнее слово, как вдруг почувствовал, что у него за спиной вырастают огромные крылья и все тело постепенно покрывается пухом и перьями.

В следующую же минуту Лара распахнула окно королевской спальни, и огромная черная птица вылетела в него...

Король-птица летел долго, очень долго и прилетел в глухую маленькую деревеньку.

Солнце уже взошло и золотило верхушки деревьев, и хрустальную воду реки, и пестрые цветы за околицей.

Деревенька была мала и убога, так мала и так убога, что птица-король испугался закоптелых изб ее, и покривившихся крылечек, и полуразрушенных стен.

«Странно, что меня не провозили мимо этой деревеньки...» – подумал птица-король и, взмахнув своими широкими крыльями, сел на крышу крайней избы.

Вдруг он услышал жалобные рыдания и мольбы. Он повернул голову, взглянул вниз, в крошечный дворик, и увидел следующую картину.

Посреди двора стоял худой, жалкий человек в лохмотьях. Он казался черным от худобы. Его глаза дико сверкали, губы кривились.

Двое людей в одежде королевских слуг стояли перед ним с гневными лицами и говорили сердито:

– Что же ты? согласишься ли, наконец, исполнить наше требование? Завтра же бросим тебя в тюрьму, если ты не соберешь все деньги, какие только есть у вас в деревне, чтобы на них купить золотое блюдо и хлеб-соль королю. Он скоро снова пустится в путь осматривать свое королевство, и необходимо, чтобы его встретили с подобающей честью в вашей деревне.

– Но откуда же я возьму вам столько денег? – прошептал несчастный. – Деревня наша мала и бедна. Нам почти нечего есть. У нас остались только худые, голодные коровы, и наши дети питаются их молоком. Если их продать, дети умрут с голоду.

– Это не наше дело! – вскричали королевские слуги в один голос. – Приказано, чтоб вся деревня встретила короля с подобающими дарами и чтоб король видел довольные, сытые, радостные лица своих подданных.

– Ну, что ж? Берите все, коли так! – произнес угрюмо несчастный. – Но знайте, что я расскажу королю, как вы по-

ступаете.

– Ха-ха-ха! – рассмеялись королевские слуги. – Ты думаешь, что мы боимся твоих угроз? Ничуть! Мы отлично знаем, что тебя не допустят к королю. А если даже твоя жалоба и дойдет до королевских ушей, то куда же король разберется, кто тут прав, а кто виноват, уже и тебя и нас не будет на свете. Ведь ты только подумай: у короля миллионы подданных! Разве он в состоянии заниматься жалобами каждого из них? А нас-то, королевских слуг, сколько? Разве мы не сумеем объяснить королю, что ты не прав? Эх, старик, тебе же хуже будет, раз ты вздумаешь жаловаться. Да и король никогда тебе одному не поверит, когда увидит, что все другие встречают его радостными и довольными.

Птице-королю показалось, точно кто оторвал у него кусок от сердца. Теперь он понял, что волшебница Лара была права. Теперь он понял, какую дорогую цену покупались народом торжественные встречи короля. И он полетел дальше с быстротой молнии, мимо лесов и рощ, мимо сел и деревень.

На дороге он увидел большой город.

На городской площади собралась толпа народа. Целый отряд воинов выстроился в шеренги. Высокий, рослый парень стоял в стороне в солдатской одежде, а возле него приютился пяток малолетних ребятишек. Худая, бледнолицая крестьянка стояла подле и заливалась слезами.

– Прощай, милый муженек, – говорила она, – прощай, голубчик! Покидаешь ты нас, оставляешь сиротинками, от-

правляют тебя в чужую страну воевать с лютыми врагами. Бог знает, вернешься ли ты назад... Да если и вернешься, то не застанешь нас... Умрем мы с голоду без тебя, голубчик. Не прокормить мне без тебя при нашей нужде пятерых ребятшек.

И крестьянка заплакала так горько, что сердце черной птицы замерло от ужаса.

– Зачем, зачем мои сановники не говорят мне о том, что мои воины оставляют сиротами несчастных голодных ребятшек? – прошептал птица-король и, изнывая от жалости и гнева, метнулся дальше.

В небольшом городе, у церковной ограды, собрались кучки людей. Они громко разговаривали друг с другом. Слышались веселые, радостные голоса. Оживленные лица мелькали вокруг.

«Слава Богу, – произнес мысленно птица-король, – не все же плач и горе в моем королевстве, есть в нем и такие уголки, где царствует радость», – и черная птица спустилась на колокольню и оттуда стала смотреть, что происходит кругом.

Вдруг до ее слуха донесся громкий плач. Черная птица встрепенулась, стала прислушиваться.

Плач раздавался из маленького, покривившегося домика, стоявшего на краю города.

Птица-король широко взмахнул крыльями, спустился у домика и заглянул в окно.

В убогой комнате сидела худая, изможденная швея, ковы-

рванная что-то иглою. Она устала в работу красными от бессонницы и труда глазами и время от времени смотрела на лежащую рядом, на убогой постели, худенькую белокурую девочку. Девочка была бледная, с посиневшими губами, с широко раскрытыми глазами. Бедняжку била лихорадка, и она зябко куталась в голубое стеганое одеяло, единственную роскошную вещь, находившуюся в комнате. Все остальное было ветхо, убого и говорило о страшной нужде.

Мать, глядя на больную дочь, всхлипывала...

Вдруг дверь распахнулась, и на пороге разом появилось двое людей. Один из них, обращаясь к бедной швее, сказал:

– Мы – королевские слуги. Мы пришли за деньгами, которые каждый житель, согласно желанию короля, обязан внести, так как король хочет раздать щедрую милостыню беднякам своей столицы.

– Но я сама бедна, и у меня нет ни одного лишнего гроша, который я могла бы отдать королю, – сокрушенно заметила вдова.

– В таком случае мы должны взять у вас какую-нибудь вещь и продать ее, чтоб исполнить волю короля.

– Смотрите, ведь у меня ничего, ничего нет, кроме тех вещей, которые вы здесь видите, а за них никто и гроша не даст.

Вошедшие окинули взором убогую комнату. Действительно, в ней не было ничего ценного. Поломанные стулья, кри-

вой стол без ножки, полуразвалившийся шкаф – вот и все, что там находилось.

Вдруг оба они обратили внимание на одеяло, которым была покрыта девочка.

– Вот это одеяло мы и возьмем, – сказали они в один голос. – Возьмем да продадим, а вырученные деньги отошлем королю...

Женщина вздрогнула. Испуганными глазами взглянула она на больную девочку, потом перевела взгляд на обоих мужчин и громко зарыдала.

– Не отнимайте у меня последнего! – молила она. – Не губите мою девочку! Я целые ночи провела за шитьем этого одеяльца, чтобы только порадовать мою крошку... Ей стало лучше с тех пор, как я укутываю ее в это теплое одеяльце. Она умрет, умрет непременно, если ее лишит его!

– Вздор! – произнесли слуги. – Король велел, чтобы его подданные отдавали ему, что есть у них поценнее. И мы, отнимая у тебя одеяло, исполняем волю короля.

Птица-король не мог удержаться. Он решил крикнуть, что ложь, что такого приказа он не издавал, что он никогда не решился бы отнимать что-либо у своих бедных подданных. Но вместо королевского голоса раздалось лишь карканье птицы, которое осталось непонятым королевским слугам.

И они грубо сорвали одеяло с кровати девочки и исчезли за дверью.

Худенькое, иссохшее от лихорадки тельце ребенка задрожало, забилося в ознобе. Несчастливая мать кинулась к дочери, обхватила ее своими трепещущими руками и старалась отогреть своим теплым дыханием...

Черная птица с громким стоном отлетела прочь от окна. Она поднялась высоко-высоко, пролетела через громадное пространство и опустилась у окна королевского дворца. Там крылья ее разом отпали, пух исчез, и вместо черной птицы появился опять седовласый король посреди своей роскошной опочивальни.

Он был бледен, и глаза его горели мрачным огнем.

– Лара! Фея Лара! – воскликнул он, протягивая руки к лучам месяца, только что выплывшего из-за туч. – Явись ко мне!

И фея Лара явилась.

– Ты звал меня, король? – услышался ее звонкий голос.

– Да, я звал тебя, – отвечал он мрачно. – Ты превратила меня из бумажного короля с раскрашенной картинки в настоящего, живого властелина страны. Я хотел облагодетельствовать мою страну, хотел сделать всех людей счастливыми. Я хотел, чтобы каждый в моем королевстве был счастлив и доволен, сыт и одет. Но теперь я вижу, что сделать все это мне одному не по силам. Мои сановники скрывают от ме-

ня правду, мои слуги притесняют народ... Добрая фея, помоги мне стать счастливым королем счастливого народа. Я все сделаю, что ты прикажешь. Я готов отдать даже жизнь за благо моих подданных.

– Этого мало, – покачав серебристой головкой, произнесла голубая Лара. – Твоя жизнь не принесет счастья твоим подданным, не устранил их горе, не осушит слез.

– Так что же мне делать? – в отчаянии спросил король. – Я бессилен и сам ничего не могу придумать.

– Не можешь? – угрюмо произнесла Лара. – Значит, ты не достоин быть настоящим королем, значит, тебе только и быть всегда бумажным королем с раскрашенной картинки, и не место тебе здесь, во дворце...

Фея подняла свою палочку...

Как раз в это время весь дворец дрогнул от бешеных криков восторга. Это толпа народа с королевскими слугами во главе собралась на улице славить своего короля.

Но короля уже не было во дворце... Раскрашенная картинка лежала на прежнем своем месте, в окне магазина, а на раскрашенной картинке красовался опять бумажный король, прежний, великолепный король в короне и дорогой мантии.

Он протер свои бумажные глаза и произнес с удивлением:

– Так это был сон? И только сон?

В самом деле, это был сон и только сон бумажного короля, который впервые провел ночь при открытых ставнях...

Золотые звезды, сиявшие с неба, подтвердили это королю.

Золотые звезды добавили еще что-то.

Добавили так тихо, что это мог услышать один только бумажный король.

Они сказали:

– Жаль нам маленького бумажного короля. Он так горячо и искренно хотел быть настоящим королем, чтобы сделать счастливой свою большую страну. Бедный маленький бумажный король! Он забыл, что мало одного желания! Не бумажным королям с раскрашенной картинкой быть повелителями миллионов людей. Так пусть же он довольствуется своей скромной долей привлекать искусно раскрашенной картинкой взоры прохожих...

Так говорили золотые звезды...

Фея в медвежьей берлоге

Шумел лес, гудел ветер, столетние сосны плакали и стонали... Старая колдунья Метель кружилась в дикой пляске. Дед Мороз смотрел на нее, хлопал в ладоши и восклицал с довольным видом, потирая руки:

– Лихо! Ой, бабушка Метелица, лихо!

А лес шумел, и старые сосны стонали и плакали. Кругом было темно. Звери попрятались к себе в берлоги, чтобы переждать в них лютую непогоду. Им было весело, тепло и уютно. У всех у них были семьи, были добрые, ласковые детки, были родные.

У серого Мишки не было никого. На всем белом свете был совсем одинок серый лохматый Мишка. И жил он, как отшельник, один-одинешенек в самой чаще леса, и никто никогда не заглядывал к нему.

Он был большой-пребольшой и сильный-пресильный, такой большой и такой сильный, что все его собратья-медведи казались слабыми малютками в сравнении с ним.

И все звери его боялись: и зайцы, и лисицы, и волки, и медведи; да, даже медведи боялись его, когда он шел по лесу весь всклокоченный, огромный и страшный, со сверкающими глазами; и как только он своей неуклюжей, тяжелой поступью выходил из берлоги, все убегали, сворачивая в сторону с его пути.

А между тем он никому не делал зла и был страшен только потому, что одичал в одиночестве.

А одиноким он стал давно. Давным-давно пришел он в этот лес из глухого, черного бора и поселился здесь, в чужом лесу, в новой, наскоро им самим вырытой берлоге.

Люди отняли у него медведицу-жену и детей-медвежат, убили их, а его самого ранили пулей. Эта пуля крепко засела в толстой медвежьей шкуре и напоминала ему о том, что люди – его враги, что они сделали его несчастным на всю жизнь. И серый Мишка ненавидел людей, как только можно ненавидеть самых злейших врагов. И зверей он ненавидел: ушел от них в лес подальше и не хотел дружить с ними. Еще бы! Ведь они были счастливы по-своему, а ему, одинокому, обиженному и одичавшему, было больно смотреть на чужое счастье.

В те дни, когда кружила метель и завывал ветер, он чувствовал себя лучше и легче, и веселее становилось у него на душе. Он залезал в свою берлогу, лизал лапу и думал о том, как злы и жестоки люди и как он ненавидит их, он – большой, серый, косматый медведь.

Шумел лес, кружила метелица, и старые сосны скрипели...

Мишка лежал на своей постели из мха и листьев и ждал приближения ночи. Ему хотелось крепко уснуть, чтобы забыть и злобу, и ненависть, и тоску.

И вдруг в полутьме его берлоги что-то блеснуло неожи-

данно, ярко. Какой-то розовый комочек перекувырнулся в воздухе и упал к самым ногам медведя.

Мишка наклонился, взял в лапу розовый комочек и поднес его к самым глазам, стараясь рассмотреть неизвестный предмет.

Смотрел Мишка, смотрел – и брови его нахмурились, глаза сверкнули.

– Неужто человеческое существо! – произнес он сердито. – Хотя и крошечное, маленькое, а все-таки человеческое существо... человек... Да-да, не что иное, как человек...

Действительно, то, что лежало бездыханным на широкой мохнатой лапе, было очень похоже на человека, только было оно ростом с мизинец, не больше, и с лучистыми крылышками за спиной.

Оно казалось мертвым, это маленькое человеческое существо, со светящимися крылышками за спиной, с прелестным, хотя и посиневшим от холода личиком.

Но медведь злобно смотрел на маленькое существо, не замечая, как оно прекрасно. Ему хотелось уничтожить его, потому что маленькое существо было похоже на его врага – человека.

Мишка уже занес лапу, чтобы убить малютку, как вдруг, согретое горячим медвежьим дыханием, маленькое существо оживило, встрепенулось, открыло глазки и зашевелило своими лучистыми крылышками. И вся берлога сразу осве-

тилась ярким светом, и странные звуки, точно серебряные колокольчики, звуки, каких угрюмый Мишка никогда в жизни не слышал, наполнили все уголки и закоулки его жилища. И показалось Мишке, что в его берлоге стало светло, как в первый день ясного мая, и что запахло в ней цветами, весенними душистыми цветами старого леса.

А странное существо с блестящими крылышками, раскрыв свои глазки, залилось звонким смехом.

– О-о, какой смешной, странный медведь, – звенело оно, – какой большой, дикий медведь! Не думаешь ли ты убить меня? Ха-ха-ха-ха! Вот глупый, глупый Мишка! Поднял свою косматую лапу, ворочает своими свирепыми глазами и думает, что напугал этим маленькую фею.

– Разве ты фея, а не человек? – удивился медведь.

– Ну, конечно, фея, глупый! Люди велики и неуклюжи, а я мала и изящна, как цветок. Вглядишься-ка в меня хорошенько. Разве бывают люди такие грациозные, такие подвижные, как я? И потом, я не боюсь смерти, как люди! Если ты убьешь меня, я превращусь в тот цветок, из которого появилась, и новая жизнь улыбнется мне. Бабочки будут порхать вокруг меня, пчелы станут напевать свои мелодичные песенки, а серебряный луч месяца расскажет мне такие чудесные сказки, каких ты, большой, серый, неуклюжий медведь, наверное, не слыхивал. Когда же придет осень и цветы завянут, я превращусь снова в фею, лучистую, красивую, как сейчас, и улечу

на зиму в южные страны.

– Но почему же теперь, в такую стужу, ты осталась здесь и, чуть живая, очутилась в моей берлоге? – заинтересовался медведь.

Фея засмеялась еще веселее.

– О-о, это мой маленький каприз! – вскричала она весело. – Я хотела увидеть зиму, метель, вьюгу, я хотела услышать песенку ветра, чтобы потом похвастать всем виденным перед моими подругами! И я спряталась в дупло старой сосны, думая полюбоваться оттуда на все это. Но стало холодно, так холодно, что я заоченела. Я привыкла к теплу и свету, к радостям жизни и аромату цветов. А тут еще старый дятел, хозяин дупла, выгнал меня из своего жилища. Глупый дятел совсем не понимает вежливого обращения с такими хорошенькими феями, как я. Ветер подхватил меня, вьюга закружила и... и не знаю, как я очутилась в твоей берлоге, на твоей косматой лапе, серый медведь.

– А ты не боишься, что я съем тебя? – поинтересовался снова Мишка.

– Нет, не боюсь. Я самая хорошенькая фея, какая может только встретиться в вашем лесу, и тебе будет жаль съесть меня, – снова засмеялось-зазвенело странное существо. – И потом... я буду рассказывать тебе сказки, и тебе будет веселее со мною, чем одному. О, ты не знаешь еще, какие сказки умеет рассказывать фея Диана.

– Тебя зовут Диана? – осведомился медведь.

– Да, меня зовут Дианой! Розовый Май, мой крестный отец, дал мне это хорошенькое имя. Что же, ты все еще хочешь прогнать меня из твоей берлоги? Или ты хочешь съесть меня, глупый серый медведь?

Медведь нахмурился и усиленно засосал лапу. Ему жаль было расставаться со звонким и нежным, как серебряный колокольчик, смехом, и с ярким светом в своей берлоге, и с ароматом весенних цветов, который наполнил ее с появлением феи.

Но... она, эта маленькая фея, так была похожа на человека, а он, Мишка, ненавидел людей и обещал отомстить им за то, что они сделали его одиноким. Не отомстить ли ему заодно и маленькой фее?

Пока Мишка думал о том, как ему быть, фея, не дожидаясь, начала тихонько, вполголоса, рассказывать ему сказку, такую сказку, какой, наверное, не знал сам могучий зеленобородый хозяин леса, лесовик.

А когда Диана кончила свою сказку, суровое, угрюмое выражение сошло с морды медведя, складки на лбу расправились и глаза загорелись приветливым, мягким светом.

– Ты можешь остаться в моей берлоге! – милостиво разрешил он Диане. – Тебе будет здесь тепло, хорошо и уютно!

И Диана осталась.

«У меня была медведица-жена и трое медвежат, ласковых и игривых. Их отняли злые люди, и я стал одиноким, угрюмым медведем. Звери боятся меня. А Диана не боится. Она

доверяет мне. Она садится мне на лоб и тормозит меня за уши, она трогает мои острые, огромные зубы своими нежными пальчиками, дует мне в глаза, а когда я морщусь от этого, она заливается звонким смехом над моими невольными гримасами. Она не боится меня, не чуждается, она привыкла ко мне и не хочет мне зла. Злые люди отняли у меня медведицу и трех славных медвежат, а судьба за это подарила мне Диану. Буду заботиться о Диане за ее ласку и доброту ко мне». – Так рассуждал медведь, ступая по лесу, а звери с недоумением смотрели ему вслед.

– Удивительно, что случилось с нашим букой. Он выглядит намного приветливее и добрее! – говорила кумушка-лисица молодому лесному волку.

Тот прищурился вслед медведю и, виляя хвостом, процедил сквозь зубы:

– Не удивляйтесь. Если бы в вашей норе стало так же светло, уютно и прекрасно, как у него в берлоге, вы бы тоже изменились, как он.

Фея Диана совершенно преобразила суровую, неприветливую берлогу Мишки.

Вместе с ярким светом своих крылышек, вместе с ароматом цветов и журчаньем сказок она внесла веселье, жизнь, сердечность и радость в берлогу бедного одинокого медведя.

И Мишка за это платил верной службой и беззаветной преданностью маленькой фее.

Он всячески старался угодить ее малейшим капризам, угадать каждое ее желание.

А желаний и капризов у феи Дианы было немало.

Однажды ей захотелось иметь тот цветок розы, который она видела когда-то в окне дома соседней с лесом деревушки.

Мишка отправился в деревню и похитил цветок, рискуя собственной шкурой. Но оказалось, что растение представляет собой один только жалкий стебелек с листьями, а самого цветка уже нет на нем. Роза давно отцвела.

Диана затопала ножками от досады и успокоилась только тогда, когда Мишка, взамен розы, соорудил ей крошечную колесницу из сосновой хвои, впряг в нее белку, пойманную

им в лесу, и Диана могла разъезжать в своем экипаже по всей берлоге.

Но интереснее всего было то, что фея Диана научила плясать угрюмого, серого Мишку.

Когда ей надоело рассказывать сказки или кружиться по берлоге со своей белкой, она заставляла петть сверчков в углу их жилища и приказывала Мишке плясать одну из тех неуклюжих, потешных плясок, которые умеют исполнять одни лишь медведи.

И Мишка плясал, чтобы только угодить своей маленькой гостье.

А когда он уставал и пот градом катился с его тяжелой шкуры, Диана вспархивала ему на голову и махала над ним своими легкими крылышками, и медведю от этого становилось прохладно и легко.

Весело и хорошо протекало время в медвежьей берлоге. Серый медведь давно забыл свое горе. Он крепко полюбил Диану и, не задумываясь, отдал бы жизнь за нее.

Наступила весна. Снег в лесу растаял. Потекли быстрые ручейки в ложбинах. Белый подснежник сиротливо выглянул из зеленой травы.

Мишка увидел подснежник, сорвал его и принес Диане.

Веселая фея при виде первого весеннего цветка побледнела разом и стала сама блее принесенного подснежника. В глазках Дианы отразилась безысходная грусть. Она сложила

свои крылышки и вся опустилась и потемнела.

– Что с тобой, Диана? – испуганно наклонился к ней медведь.

– Ах, ничего... ничего... – произнесла она таким голосом, от которого болезненно замерло медвежье сердце.

Но расспрашивать про ее горе он не посмел, потому что боялся еще больше растревожить маленькую фею.

Прошел еще месяц, и лесная лужайка запестрела цветами. Красавчик Май выглянул из своей нарядной колыбели и поздравил с праздником природу. Ему ответил жаворонок мелодичной и звонкой трелью. Эта трель достигла слуха Дианы. Она затрепетала и забилась от нежных звуков птичьей песенки. Глаза ее широко раскрылись, в них появились слезы.

Медведь увидел эти слезы и произнес с чувством:

– Люди, слышал я, плачут много, но феи – никогда. Только большое горе может вызвать слезы на веселых глазках феи. У тебя, вероятно, есть какое-нибудь горе. Ты хочешь на волю, Диана, к таким же веселым маленьким феям, как и ты!

Но фея заплакала еще сильнее, услышав эти слова.

– Нет-нет, я не уйду от тебя! Диане жаль оставлять тебя одного, – говорила она. – Ты будешь скучать без меня, потому что я своими сказками, своей веселой болтовней и смехом заставила тебя забыть твое горе. Нет, я не уйду от тебя, я не хочу быть неблагодарной: ты дал мне приют в своем жилище, когда мне некуда было деться, ты спас меня от стужи и

смерти. Нет-нет, я не оставлю тебя! Будь покоен, мой Друг!

Сердце Мишки забилося радостно и тепло.

Он понял, что не все в мире несправедливы и жестоки. И он еще крепче полюбил своего друга – маленькую фею за ее слова.

Все пошло по-старому, только Диана не выглядывала больше из медвежьей берлоги и поминутно затыкала свои маленькие ушки, чтобы не слышать трелей жаворонка, заливавшегося в лесу.

И вдруг однажды, когда медведь дремал на свежей моховой постели, а Диана, сидя около его уха, нашептывала ему свои прелестные сказки, в берлогу влетел хорошенький голубой мотылек. На спине мотылька сидела чудесная маленькая фея, как две капли воды похожая на Диану.

– Привет тебе! Привет тебе! – залепетала она, бросаясь в объятия Дианы, – наконец-то я нашла тебя, сестра! Я искала тебя по всему лесу, чтобы сказать тебе приятную новость. Завтра, в первое новолуние, мы, лесные феи, празднуем избрание нашей королевы. Каждая из нас расскажет, что видела интересного за эту зиму. И та, чей рассказ будет лучше всех, сделается нашей повелительницей. Я прилетела сюда известить тебя об этом, потому что лесная мышь сказала мне, что тебя можно найти в медвежьей берлоге. Смотри не забудь прилететь завтра на наше торжество.

И, прозвенев все это своим колокольчиком-голоском, фея-гостя снова умчалась на спине своего возницы – мо-

тылька.

Мишка взглянул на Диану. Она лежала, вся съежившись, в самом дальнем углу берлоги. Ее широко раскрытые глаза выражали такую безысходную тоску, что медведь не выдержал и произнес глухим, убитым голосом:

– Ступай, Диана! Ступай обратно в твое майское царство зелени, песен и цветов! Ты появишься среди веселых маленьких фей, расскажешь им про дружбу и преданность сурового, одинокого медведя, и они выберут тебя своей королевой, потому что твоя сказка будет самой интересной из всех. Прощай, Диана, лети в свое царство! Феи должны быть свободны, должны жить и радоваться среди цветов, и не место им в темной и душной звериной берлоге.

И с этими словами он сиротливо поник своей косматой головой.

Диана восторженно вскрикнула. Ей было бесконечно жаль оставить доброго, славного Мишку, который успел привязаться к ней и которого она заставила забыть одиночество; но в то же время ее неудержимо тянуло в царство маленьких фей, зелени, цветов, в царство веселья и радости, из которого она явилась. Недолго колебалась маленькая розовая фея. Бросила она последний взгляд на медведя, кивнула ему хорошенькой головкой и, расправив блестящие крылышки, нежно прозвенела ему на ухо свой прощальный привет. А потом с болью в сердце, но с сознанием возвращенной свободы улетела, как быстрая птичка, из медвежьей берлоги.

Она примчалась с быстротой молнии на посеребренную лунным сиянием цветочную поляну как раз в ту минуту, когда под звуки соловьиной песни одна из фей, сидя на троне будущей королевы, закончила свою сказку.

Вокруг трона королевы, на чашечках ночных фиалок, сидели крошечные феи и аплодировали рассказчице.

– Ее сказка лучше всех остальных! – звенели они своими колокольчиками-голосами. – Прелестная рассказчица должна быть нашей королевой.

Но тут появилась Диана и, опустившись на цветок дикого левкоя, рассказала им правду-быль о том, как злой, страшный, угрюмый, дикий медведь стал добрым и кротким, с тех пор как в его берлоге появилась крошечная фея, и как он полюбил фею, как заботился о ней и как ему не хотелось расставаться с нею. А в заключение она рассказала и о том, как самой фее жаль было оставлять Мишку одного, с разбитым сердцем.

Эта сказка была так хороша, что даже соловей затих, прислушиваясь к красивому повествованию.

И маленькие эльфы плакали, слушая сказку Дианы, плакали, слушая сказку о разбитом медвежьем сердце.

И когда она кончила рассказывать, цветы и феи, соловьи и ночные бабочки аплодировали ей.

И все в один голос выбрали ее королевой.

Светляки зажглись в траве и осветили картину ночного майского праздника. Диану посадили на трон, и многочис-

ленная свита воздушных маленьких фей старалась предупредить любое желание новой королевы.

Но королева смотрела на всех печально своими красивыми глазками.

Ей представлялась далекая, темная берлога, невзрачная постель из старых листьев и мха и одинокий, бедный, печальный медведь, думающий с тоскою о ней – королеве...

Чародей Голод

Широко раскинулись огромные палаты именитого боярина Коршуна... Богат и знатен боярин. Много у него всякого добра в больших укладках и ларцах напрядано. Много тканей, бархата, парчи, мехов, собольих да куньих, да камней самоцветных и зерен жемчужных схоронено под крышками тяжелых кованых сундуков. По всему дому, неслышно скользя, снуют челядинцы (слуги) боярина. Много их у него. И все-то они сыты, одеты и обуты. Для всех них много хлеба и всякой снеди в амбарах и кладовых боярских припасено.

Любит боярин вокруг себя видеть сытые, довольные, радостные лица. И чтобы довольны были своей жизнью слуги боярские, чтобы радостно улыбались и восхваляли они своего боярина честь честью, ничего для них Коршун не жалеет.

Кушайте, мол, сладко, пейте досыта!

Кушает вволю боярин, кушает и челядь его пироги подовые, масляные, всякую живность, кур да уток, пьет пиво да брагу, мед да вина заморские с боярского стола вдоволь, досыта.

А чтобы сытно кушать да вкусно пить боярину Коршуну, его семье и челяди, собирает боярин дань со своих мужиков, которых ему давно с вотчинами пожаловал батюшка-царь. Мужики до пота лица трудятся, хлебушка нажнут, обмолят, смелют и боярину Коршуну шлют; и пряжи всякой по-

сылают, и полотна.

И живет боярин трудами своих мужиков-работников, живет припеваючи.

Только однажды послал гонцов боярин по своим вотчинам и деревням, чтобы собрать с мужиков обычную дань, а гонцы встревоженные и взволнованные назад воротились.

– Ничего не привезли тебе, боярин! В твоих деревнях Чародей Голод поселился. Он там хозяйничает, – говорят ему. – Из-за него в этот раз ничего от мужиков твоих получить нам не пришлось.

Крут был нравом, вспылчив боярин Коршун.

– Какой такой чародей, – кричит. – Какой такой Голод? Знать его не знаю, ведать его не ведаю! Чтобы было мне все по-прежнему: и мука, и полотно, и пряжа – все, чем мне мужики мои до сих пор челом били!

Испугались боярские гонцы хозяйского гнева. Стоят ни живы ни мертвы перед боярином. Дрожат, трясутся...

– Ничего, боярин-батюшка, поделаться нельзя, – снова лепечут. – Засел крепко-накрепко в твоих деревнях Чародей Голод, всеми мужиками твоими распоряжается, словно в тисках их держит, поля их сушит, коровушек и лошадей губит. Скоро до самих мужиков доберется!

– Ой ли? – гаркнул боярин. – Ой ли? Неужто ж так силен и могуч Чародей Голод?

– Очень могуч, боярин-батюшка! – отвечают насмерть перепуганные гонцы.

– Так могуч, что и не победить мне его? – еще пуще того рассвирепев, спрашивает боярин.

Слуги молчат, трясутся от страха и чуть слышно шепчут:

– Очень могуч Чародей Голод!

– А когда так, – совсем уже разгневался боярин, – когда так, то я знаю, что сделаю. Гей, люди! Готовьтесь в путь, запрягайте сани, собирайтесь в дальнюю дорогу! Побольше всякой снеди с собой берите! Хочу Чародея Голода сыскать, на бой вызвать и побороть его, негодного! И жену-боярыню, и детей моих возьму с собою – пусть посмотрят, как боярин Коршун с Чародеем Голодом бороться будет.

Поднялась суматоха в боярском доме. Засуетились слуги, засуетилась дородная хозяйка-боярыня. Забегали дети хозяйские. Все в путь готовятся, снаряжаются...

На кухне боярской дым коромыслом стоит: пироги да яства разные для дороги готовят, хлеб да разные припасы на возы да телеги складывают, бочки брагою и вином наполняют, чтоб для всех хватило.

Шутка ли, всем домом в путь подняться!

Поднялись, однако. Тронулись...

Перед боярскими санями гонцы скачут верхами, народ разгоняют с пути. Оповещают всех криками, чтобы сторонились – значит, что знатная особа боярская в санях едет.

День, другой, третий проходит. Неделя, другая, третья...

По дороге останавливаются лошадям отдых дать, самим поразмяться.

На исходе месяца доехали до боярской вотчины. Люди из избы выскочили встречать редких гостей. Господи Боже мой, и что это за люди были!.. Худые, измученные – кожа да кости. Глаза, как плоски, у всех огромные, так и горят. Желтая кожа отвисла на лице и руках. Голоса, как из-под земли звучат, глухие, страшные.

– Здрав будь, боярин милостивый! – кричат. Да крик у них такой слабый, что до ушей боярских дойти не может.

– Что такое? Что с вами? – удивляется боярин, обращаясь к голодным, измученным людям.

– Это нас так голод разукрасил, – отвечают ему несчастные. – Уморить он нас всех хочет. Ни крошки хлеба не оставил. Вот который день уже голодаем. Помогите нам, боярин, у тебя хлеба да припасов в твоих амбарах много. Вели, боярин, отпустить.

Не нравится боярину речь мужиков, помогать им не хочется. Мало ли их тут? Всех не обделишь.

Скуп был боярин и не умел людей жалеть. Да и не для того в дальний он путь отправился, чтоб мужикам свои запасы отдать. Другое его тешило и занимало: какой такой из себя Чародей Голод, мыслит он, и как бы найти его да на бой вызвать, чтоб он не смел ему, Коршуну, перечить? А то что же это? Который месяц боярин дани со своих вотчин собрать не может, из-за какого-то Чародея Голода убытки терпит!

Нет, надо его найти и победить непременно, лютого врага. И стал спрашивать голодных мужиков боярин, как найти

Голода-Чародея, как встретить его?

Но мужики не понимают, чего от них боярин хочет.

Одно только твердят:

– Помоги нам, боярин, Христа ради!

А боярин разгневался пуще. Велел поворачивать сани и в другую вотчину ехать.

Повернули сани и поехали лесом, большим, густым, непроходимым.

Как выехали на опушку, так темно-темно в санях крытых, точно ночью, стало. А тут еще метелица с вьюгой поднялась. Кружит, свистит, хлопьями снега забрасывает. Мучились, мучились, из сил выбивались...

– Стойте! – кричит боярин. – Переждем здесь метелицу, отдохнем. Запасов у нас дня на три хватит. К этому времени метель пройдет.

Выпрягла челядь лошадей.

День отдыхают, другой, третий, а вьюга не унимается. Всю дорогу занесло. Не выбраться. А припасов, что взяли с собою, все меньше да меньше становится. Наконец настал день, когда все припасы поели; больше ничего не осталось: не то что пирогов да живности – ни единой даже краюшки хлеба. А метель все кружит и поет, дорогу все больше и больше заметает...

Есть страшно людям хочется, а из леса выхода покамест не видно. Снежные заносы кругом.

Слуги волноваться начали. Ропщут.

– Есть хочется, боярин. Невмоготу!

А боярину и самому тяжко.

Дети боярские, уже третий день ничего не получая, захворали у него в возке. Жена стонет, мечется, смерть призывает. У старшенькой дочери боярина, боярышни Фимы, судороги уже делаются. И кричит страшным голосом Фима:

– Есть хочу, тятя! Дай мне хлебца, тятя! Умираю!..

Света не взвидел боярин от этих криков дочери. Ударился головой о стенку колымаги и заплакал навзрыд, поднимая руки к небу.

– Смилуйся, Господи! Помоги мне! Половину имущества моего раздам мужикам! Все свои запасы хлебные раскрою перед ними! Помоги мне! Спаси Фиму, жену, деток!

Сказал, поднялся с полу, посмотрел в окно возка и тихо вскрикнул.

Видит боярин, у самой колымаги стоит огромное, худое чудовище. Лицо у него страшное, костлявое, как у мертвеца. Коса за плечами, руки и ноги, как жерди, повисли – болтаются.

– Узнал ты меня, боярин? – спрашивает, смеясь, страшное чудовище. – Я Чародей Голод, тот самый, которого ты на бой вызвать хотел.

– Узнал! – лепечет боярин.

– Что же ты на бой меня не вызываешь? – снова смеется чудовище. – Я жду... Есть у тебя оружие, боярин? Не с пустыми же руками ты со мной бороться будешь. Иль ты меня

богатством своим победить хочешь, боярин?

– Милостями постараюсь победить тебя, батюшка Голод, – отвечает боярин, – милостями... Сам теперь знаю всю силу твою!

И низко-низко поклонился Чародею Голоду боярин Коршун.

Словно чудом стихла метель, расступились снежные сугробы, и выехали на дорогу боярские сани. Вернулись в вотчину голодную, и тут боярин сам вышел к голодным мужикам и дал всем им торжественное слово, что пришлет им хлеба и муки из своих боярских амбаров. И всю свою казну, какая с ним была, беднякам роздал.

С тех пор круто изменился боярин Коршун: не только себя и свою челядь жалеет, но и мужиков своих не забывает, часто наезжает в свои вотчины, голодных кормит, бедняков наделяет щедро и торовато своей казной.

И хоть казны этой меньше у боярина стало, зато богат боярин любовью народной и счастьем окружающих людей.

Победил не к худу, а к добру боярина Коршуна Чародей Голод...

Дочь Сказки

Там, где сплелись ветвями ивы зеленые, где глухо шумит день и ночь большое лесное озеро, там, куда золотые звезды заглядывают по ночам робко и пугливо, там живет Сказка-королева.

Много лет королеве, старая она; не одну сотню тысяч лет живет она на свете. А по лицу и не подумаешь, что такая старуха Сказка. Лицо у нее гладкое, юное, свежее и такое прекрасное, что звезды любят, глядя на нее, а озерные волны глухо шумят, красоте ее завидуя. Глаза у Сказки темные, глубокие и так горят, что глядеть жутко; щеки румянцем пышут; алые губки, как птички, щебечут; волосы у Сказки золотой сверкающей волной спускаются до самой земли.

Одежда она всегда пестро и нарядно в одежду не то лилово-красную, не то голубовато-розовую. И белого, и желтого, и зеленого много в ее наряде. А на голове – венок из цветов, такой душистый, что голова кружится, если близко подойти к Сказке.

Живет Сказка-королева в самой чаще зеленого леса. Там у нее замок построен, огромный, нарядный... Стены замка кружевные, ажурные, из листьев тополей серебристых и плакучих белоствольных берез и ив; трон – из незабудок и ландышей лесных; стража – двенадцать великанов-дубов. Стоят они караулом вокруг дворца Сказки-королевы и охраняют

свою повелительницу.

Днем спит Сказка на душистом ложе из полевых цветов, а ночью, когда загораются на небе золотые звезды, тогда пробуждается Сказка, протирает свои темные, красивые глазки и начинает говорить, но так, что кажется, точно поет кто-то среди ночной тишины. Все громче и яснее звучит ее плавно текущая речь. И весь лес, все ее зеленое царство пробуждается тогда и сходится к ее замку: приходят звери, слетаются птицы, букашки и мошки, приползают, шурша по траве, змеи и гады.

И все слушают, слушают...

И звери, и птицы, и гады, и мошки целые часы стоят вокруг неподвижно, словно зачарованные сладким лепетом Сказки-королевы.

Ах, как хорошо, как захватывающе интересно все то, что она им говорит! А говорит она много, без усталости, говорит о том, что делается на земле и под землей, в морях и на небе, и какие светлые духи живут высоко за облаками, какие темные чудища находятся под землей и в воде. И звери, заслушавшись Сказку, покорно ложатся у ее ног, и змеи смотрят на нее умиленными глазами, и бурные волны стихают, не завидывая больше ее сверкающей красоте, а золотые звезды улыбаются еще мягче и ласковее с далекого неба. Улыбаются и кивают Сказке-королеве... И только с первыми лучами солнца замолкает Сказка и, утомленная и счастливая, падает на свое

душистое ложе и засыпает на нем, как беззаботный ребенок на руках няньки.

А двенадцать сторожевых дубов простирают над нею ветви, чтобы защитить ими от солнечных лучей и жары свою королеву...

Всем хороша и радостна жизнь Сказки в ее зеленом царстве. Всем хороша, только...

Одно горе у прекрасной королевы, большое горе!.. Есть у Сказки дочка – Правда-королевна.

Вы думаете, что такая же она красавица, как и ее мать?

Нет!

Вы думаете, что у нее, как у матери, глаза сверкают, как звезды, и голубые, как волны лесного озера?

Нет!

Вы думаете, что лицо у нее нежное и румяное, а губки милы и постоянно смеются?

Опять – нет!

Насколько мать приветлива и прекрасна, настолько дочь ее резка со всеми и некрасива. Королевна еще девочка, а на вид старше матери. Худая, бледная, со старушечьим лицом, с мрачно горящими глазами, пронизывающими, как молнии, с длинными черными волосами. Правду-королевну никто не любит в зеленом лесу. Звери при виде ее ворчат глухо и свирепо. Змеи шипят, посверкивая на нее своими маленькими злыми глазками, а мошки стараются досадить ей, чем только

могут.

Давно бы расправились с нею и звери, и гады, да только из любви к ее матери Сказке не трогают королеву Правду, да боятся строгого взгляда ее больших, блестящих, страшных глаз. Глаза у Правды такие, что от них за десятки, за сотни верст убежать хочется. Так и жгут они, так и пронизывают душу. Подойди-ка к ним, попробуй – не подступишься! А больше всего глаза эти смущают саму Сказку.

Только зачарует кого-нибудь чудными рассказами Сказка-королева, а в эту минуту взглянет Правда на мать своими молниями-глазами, и пошла потеха: запутается, собьется Сказка, слова рвутся с языка, а выйти из уст не могут. Ни единого звука не в силах под взором дочери произнести старая королева. Беда, да и только!

И звери рычат, и змеи шипят на Правду, а ей хоть бы что! Смеется!

Пристали как-то звери к королеве с просьбой:

– Накинь ты на глаза дочери покрывало, чтоб не видели мы их, чтоб не смущали они зря ни тебя, ни нас.

Послушалась королева... В темноте нежных ночей по ее приказанию мотыльки тишком сплели из лепестков розы и дикого жасмина пестрое покрывало на глаза Правды.

Перестали сверкать молниями глаза королевны. Да только от этого лучше не стало. Придет на ночной праздник Правда и в самый разгар рассказа матери возьмет и сорвет покрывало с глаз.

И опять засверкают молнии-глаза, и опять сбивается и пугается в речах королева Сказка. А Правда заливается, хохочет:

– Не так-то легко победить меня, милые!

Снова просят Сказку-королеву звери, гады, насекомые, птицы:

– Отдай ты дочку замуж, Сказка, да подальше куда-нибудь за море, чтобы не мешала она нам жить, радоваться и твой голос слушать.

Призадумалась королева Сказка.

Жаль ей дочери. Любит она по-своему проказницу Правду. Тяжело с ней расстаться. Да вот беда: уж очень она своими проделками всем подданным надоела, жить им мешает.

Захочет ли волк у пастуха из стада ягненка утащить, глядишь, а Правда – тут как тут: сверкнет своими молниями-глазами, и волк со страху в три прыжка за версту от стада очутится. Повздорят ли звери из-за чего-нибудь (мало ли споров между своими бывает), а Правда опять уж тут. Не стыдит, не бранит их, а только посмотрит, ой-ой как посмотрит! Жутко на душе становится. Брр! И, не окончив спора, расходятся по своим берлогам звери. А уж про то, как она матери наперекор все делает, и говорить нечего.

Подумала-погадала Сказка-королева и решила отдать замуж дочку.

Разослала она зеленых кузнечиков и легкокрылых бабочек по всему свету сватать женихов дочке.

Приехали женихи...

И не один приехал, и не два, а целая дюжина женихов сразу. На подбор красавец к красавцу, молодец к молодцу. Все заморские короли и принцы. Разные здесь были – и принц Богатырь, и принц Победа, и король Сила, и король Мир, и королевич Дружба, и принц Любовь, и принц Слава, и еще другие – всех не перечесть.

Черный Ворон стоял у входа во дворец и каркал во все горло, восхваляя достоинства Правды-королевны. Каркал Ворон о том, что у нее, у Правды, все есть: и могущество, и красота, и добродетель...

А в первой зале дворца встречала женихов сама Сказка-королева:

– Милости просим, гости дорогие, добро пожаловать.

Голос у Сказки, как свирель, сладкий, а глаза так и зачаровывают. Короли и принцы, как увидели королеву, красавицу писаную, так и зашептали в восторге:

– У такой красавицы не может быть некрасивой дочери...

Покажи дочку, королева!

Кликнула Правду Сказка. Выбежала королевна, сдернула с глаз покрывало... Да как взглянет!

Господи Боже мой! Что в этом взгляде было? Женихи все, как один, в обморок попадали, а как в себя пришли, давай бежать из дворца Сказки-королевы.

– Ну и дочка! Ну и Правда-королевна!

А Правда заливается, хохочет.

– Вот и просватали меня! – говорит. – Куда только женихи делись?

Пуще закручинилась Сказка-королева. Не выдать ей замуж дочку. Так дурна собой Правда, что от нее всякий жених за тридевять земель бежит. Что теперь с ней делать?

И вдруг узнает Сказка, что едет к ним новый жених, король какой-то. Имени своего говорить не хочет и, что удивительнее всего, гонцов шлет с дороги сказать королеве, чтобы не беспокоилась из-за уродства дочери, что знает он, как дурна собой ее дочка и какие глаза у нее страшные-пре-страшные, но все-таки жениться на ней думает, если только сама королевна ему не откажет.

Велела спросить королева, как зовут жениха, но гонцы, строго храня тайну короля, имени его не выдают, прибавляют лишь, что король у них строгий-престрогий.

Заволновалась, засуетилась Сказка-королева, все старания приложила к тому, чтобы получше встретить жениха-короля.

«Если уж не хороша лицом Правда, так пусть хоть могущественной королевной покажется она королю: поведу его в мои сказочные царства, заколдую, заморожу его моими рассказами, увидит он мою власть и женится на дочери ради могущества ее матери!» – решила Сказка-королева.

Нарядила дочку, убрала ее цветами, да на всякий случай глаза новым, только что сотканным покрывалом закрыла и пошла с нею встречать на берег озера приезжего коро-

ля-незнакомца. Вот услышали они среди ночи звуки труб, звон литавр, увидели роскошную колесницу, а в ней сидит неведомый король, высокий, статный и красивый, только на глазах у него черная повязка...

Подивилась королева Сказка такому жениху, однако ничего не сказала. «Знатный он и важный, по всему видно, а что до повязки, то кому какое дело?» – подумала она.

И так ей захотелось дочку за короля выдать, что тут же она свои чары на него напустила.

Стала рассказывать Сказка-королева... Залепетали ее розовые губки... И под этот лепет и сама она, и королевна-дочка, и король приезжий стали спускаться медленно и тихо в глубокое, бурливое лесное озеро.

– Вот мое царство! – говорит королева гостю и снова лепечет, шепчет дивные сказки розовыми устами...

И под чарующие звуки ее голоса, журчащие сладко, как рокот арфы, расступились воды лесного озера, встали двумя стенами по обе стороны и образовали проход к роскошному хрустальному дворцу. Светлоокие русалки выбежали навстречу, и все пали ниц перед Сказкой-королевой. Все приветствовали ее. А белые кувшинки с лицами подводных красавиц протягивали пришедшим свои чашечки, в которых были всевозможные сласти и лакомства. В хрустальном дворце звучала прекрасная музыка, и сюда вошла Сказка с Правдой и ее женихом.

Лишь только вошли, встал сам царь Водяной со своего

трона и уступил его королеве Сказке.

А прекрасные светлоокие девы сплелись в стройные хороводы и стали плясать легкий и грациозный танец.

– Вот мое царство! Не правда ли, как я могущественна и сильна? – произнесла торжествующе королева и ждала, что ответит ей ее гость, жених Правды. Но гость не успел ответить.

Звонко засмеялась проказница Правда и сдернула со своих глаз покрывало...

Исчез дворец хрустальный, исчезли яства в чашечках кувшинок, исчезли светлоокие плясуньи-русалки... Все пропало, как сон...

Королева с дочерью и ее женихом стояли на берегу лесного озера, и как ни в чем не бывало глухо шумели его темные воды там далеко внизу...

Разгневалась на дочь Сказка-королева, хотела разбранить ее при госте, да побоялась.

Хуже не было бы! Чего доброго, не женится еще, передумает король!

А король улыбнулся только. И показалось или нет Сказке, только повязка у него чуть сползла с левого глаза, и лицо чуточку больше открылось...

Еще больше заволновалась Сказка, набросила опять покрывало на глаза Правды и с большим жаром стала рассказывать снова.

И чудные картины ее рассказа опять развернулись перед

женихом-гостем. Опять сладко зазвучал прекрасный мелодичный голос Сказки, и под эти чарующие звуки подъехала легкая серебряная колесница, запряженная белыми конями.

– Садитесь, король, я покажу вам другое мое царство! – произнесла Сказка и, легко впрыгнув в воздушный экипаж с дочерью и гостем, понеслась к небу, к золотым звездам.

Там они увидели роскошные замки, причудливые беседки и голубые сады, все залитые дивным серебристо-малиновым цветом. Какие-то странные крылатые существа, прозрачные, как лунные лучи, окружили теперь их колесницу. Золотые звезды, казавшиеся с земли ярко горящими фонариками, здесь оказывались огромными золотыми дворцами и замками. У одного из таких замков остановились серебряные кони. Крылатые прозрачные существа бросились проворно и ловко прислуживать приехавшим и предупредительно помогли им выйти из серебряной колесницы. Королева пригласила своего гостя войти в золотой дворец. Тот перешагнул порог его и тихо вскрикнул: несметные сокровища наполняли огромные залы. Тут были груды навалены драгоценные камни, алмазы, яхонты, сапфиры, изумруды, рубины. Драгоценной рекою переливались бриллианты. И у каждой такой груды стояло на страже крылатое существо в виде страшного дракона.

– Вот мои богатства. Найдете ли вы еще что-нибудь такое на земле? – произнесла Сказка-королева, обращаясь к своему гостю.

Но тут снова худенькая ручка Правды быстро сорвала покрывало с глаз и...

И все исчезло в один миг, а разгневанная королева, гость-жених и королева Правда очутились в лесной чаще у входа в замок Сказки-королевы.

Снова улыбнулся король-незнакомец, и опять показалось матери и дочери, что повязка с его глаз сползла еще немного.

Бросила Сказка суровый взгляд на Правду-королеву и, наскоро прикрыв ее лицо покрывалом, вновь повела свой рассказ.

Опять полились дивные, певучие звуки Сказки, и под эту музыку, чарующую и сладкую, ожил лес. Огромные сторожевые дубы превратились в рыцарей-великанов, гибкие тополя – в лесных нимф, древесные пни – в карликов-гномов, цветы – в нарядных красавчиков-эльфов. Светляки зажглись в кустах, и весь лес осветился. Сверчки затрещали в траве, а певцы-соловьи слетелись к замку Сказки-королевы и зашвистели-запели такую красивую, такую упоительную песню, что сама королева Сказка, все еще не переставая рассказывать, закружилась под эту музыку по огромной, ярко освещенной зале дворца. За нею закружились великаны и нимфы, эльфы и карлики. Все заплясало...

Ночные цветы раскрыли свои глазки и с жадным любопытством смотрели на волшебный бал.

– Вот видите, король, как все хорошо и радостно в моем царстве, – произнесла с гордостью Сказка, снова обращаясь

к своему гостю. – Посмотрите, как веселятся мои подданные, как они всем довольны! И сколько могучих великанов, лесных карликов и воздушных эльфов подвластны мне!

Но едва только успела сказать это Сказка-королева, как Правда опять сорвала с глаз покрывало, и в одну секунду превратились великаны-рыцари в исполинов-дубов, карлики – в лесные пни, лесные нимфы – в стройные тополя, а эльфы – в простые цветы. Разом опустел нарядный зал, потухли огни светляков, замолкли певцы-соловьи... Все исчезло, скрылось, словно ничего и не было.

Пропала, исчезла и повязка с глаз короля. Он стоял теперь перед Правдой-королевной и ее матерью во всем блеске своей красоты. Темные глаза его с любовью остановились на худом, некрасивом личике Правды, на ее мрачно горящих глазах.

– Милая, милая Правда-королевна! – произнес он ласковым, нежным голосом. – Давно я тебя знаю, давно ищу тебя по всему свету! И вот только теперь нашел тебя наконец и уже не покину, увезу с собою. Не место тебе здесь, Правда. Я увезу тебя навсегда в большое людское царство; ты подружишься там с людьми, окружишь их своими заботами и ласками, и люди станут добрее и лучше от близости к Правде-королевне.

И еще ласковее, еще нежнее загорелся темный взгляд короля. И странно: чем больше смотрел он на свою невесту, тем лучше и лучше становилось некрасивое личико Правды,

а когда он взял ее за руку и подвел к своей колеснице, чтобы навсегда увезти отсюда Правду, Сказка не узнала дочери: мрачные глаза ее сияли чудным светом, и нежный румянец счастья преобразил ее лицо. И стала такой красавицей Правда, что Сказка-королева перед ней со всей своей красотой померкла, потускнела.

– Кто ты, прекрасный король? – прошептала Правда, прошившись с матерью и заняв место подле жениха в его колеснице.

– Я король Справедливости и Правосудия, – громко и внятно произнес король и, наклонившись, поцеловал Правду. – Мне одному, без Правды, жить невыносимо. Без тебя не могу я один управлять моим царством. Мы с тобой должны быть неразлучны – и служить людям, и повелевать ими в одно и то же время! Едем же, едем к ним, в далекое людское царство!

Сказал – и взвились на воздух быстрые кони... Взвились и умчали колесницу с королем Справедливости и Правосудия и королевной Правдой.

А Сказка-королева в своем лесу осталась зачаровывать своими рассказами зверей, птиц, гадов и насекомых. Теперь ее чарам не помешает проказница-дочка. Неблизко она. В далекое светлое людское царство умчали ее кони короля-жениха.

Три слезинки королевы

Жил на свете король. У него был роскошный дворец. И каких только богатств не было в этом дворце. Золото, серебро, хрусталь, бронза, драгоценные камни – все можно было найти с излишком в нарядных и роскошных покоях королевского дворца. Красивые мальчишки-пажи, похожие на нарядных кукол, неслышно скользили по комнатам, устланным коврами, и не спускали глаз с короля, желая предупредить его малейшее желание.

Король был не один: у него была жена-королева, кроткая и нежная, с добрыми глазами, прекрасными, как небо в час заката.

Все свое время король проводил в войнах с неприятелями. Когда он возвращался домой, красавица королева надевала свои лучшие одежды и с лютней в руках встречала своего супруга, воспевая походы, его мужество и храбрость в битвах с врагом.

Но ни удачные походы, ни любовь кроткой и красивой королевы, ни несчетные сокровища, ни привязанность подданных не радовали короля. С его лица почти никогда не сходило печальное, унылое выражение. Постоянное горе угнетало короля и его молодую супругу.

У королевской четы не было детей. И когда король думал о том, что некому будет оставить ни своего славного имени,

ни завоеванных земель, ни несметных сокровищ, – невольные слезы выступали на глазах храброго короля, и он готов был завидовать последнему бедняку страны, у которого были дети.

После военных подвигов и побед над врагами король ездил по монастырям, делал богатые вклады, прося святых отцов молиться Богу о даровании ему ребенка.

В мирное время король со своим двором переселялся из мрачной столицы в прелестную долину благоухающих роз, где для короля был построен скромный охотничий домик. Там он и проводил свой досуг. Гуляя по долине, наполненной душистыми цветами, королевская чета, восхищенная чудным видом природы, часто обращала взоры к голубому небу и в горячей молитве просила Бога о даровании им ребенка. И просьба их была услышана.

Однажды, во время одной из таких прогулок, король и королева увидели женщину, закутанную в черное.

Она шла навстречу королевской чете, едва касаясь ногами земли, легкая и спокойная.

– Мое имя Судьба, – сказала женщина, приближаясь к королю и королеве, – я пришла объявить вам великую радость. Ваша молитва услышана Богом, и Он пошлет вам дочь-королевну, которая будет не только вашим утешением, но и светлым лучом и радостью всего королевства. Она будет прекрасна, как цветок, и добра, как ангел. Но берегите королев-

ну, чтобы она не узнала, что такое горе, что такое печаль и грусть, и чтобы никогда-никогда не пришлось ей пролить по поводу чьего-либо несчастья или горя более двух слезинок, потому что, как только она прольет третью слезинку – конец вашей радости, вашему утешению, не будет у вас больше королевны, вы потеряете ее.

Сказав эти загадочные слова, странная женщина исчезла, точно растворилась в воздухе.

Король и королева заплакали от счастья. Одна из королевских слезинок упала в голубую незабудку, и – о чудо! – из цветка поднялась прелестная крошечная девочка с голубыми глазами, как две капли воды похожая на короля. О такой хорошенькой королевне и мечтала королевская чета.

Они раскрыли ей навстречу свои объятия. Королевна бросилась в них, горячо отвечая на ласки родителей, точно она давно уже знала и любила их.

Красавицу королевну называли Желанной, потому что отец и мать так долго желали иметь дочь. В ее честь поднялось шумное ликование по всему королевству. Народ валом повалил к королевскому дворцу, чтобы взглянуть хоть одним глазком в голубые очи королевны Желанной.

С каждым днем росла и хорошела королевна. Отец-король, помня слова Судьбы, позаботился о том, чтобы дочь не видела людского горя, чтобы она была всегда веселая, довольная, счастливая, и нарочно приказал выстроить для нее роскошный дворец, весь розовый, как самый нежный от-

блеск утренней зари, и благоухающий, как те цветы, что росли по соседству с ним в долине. Стены, потолки, двери во дворце – все было выкрашено в розовый цвет. Окна же дворца были плотно завешены розовыми занавесками, и сквозь эти занавески королева видела все в розовом цвете: и лес, и долину, и далекую столицу, видневшуюся на горизонте. Все было розово и прекрасно, ни одна тень не ложилась на этот розовый фон. Даже бедные лачуги крестьян благодаря розовым занавескам на окнах казались нарядными и красивыми.

Розовый цвет – это цвет радости и счастья, оттого-то король и постарался, чтобы Желанная видела все в розовом цвете. Другие цвета могли повлиять на ее светлое настроение, могли сделать ее задумчивой и грустной, а грусти королевы ее родители боялись пуще всего.

И многочисленная свита, состоящая из маленьких придворных дам, веселых и жизнерадостных, и кудрявых шуланов пажей, по приказанию короля следила за тем, чтобы королева не отдернула как-нибудь розовых занавесок.

Заметила королева, что от нее что-то тщательно скрывают, и появилось у нее желание узнать во что бы то ни стало, что находится там, за розовыми занавесками, за стенами замка.

Однажды королева Желанная проснулась раньше обыкновенного. Маленькие фрейлины, спавшие у ее постели, не слышали, как выбежала королева из своей розовой спальни, пробежала целый ряд розовых зал, выбежала на розо-

вую террасу, толкнула розовую дверь, ведущую в сад, и... исчез розовый цвет. Перед королевой Желанной – серый день, дождливое небо, сад, мрачный от непогоды, и старые, убогие лачужки далеко у опушки большого, темного леса. В саду стоит женщина, старая, больная, в лохмотьях, с седыми космами, стоит и смотрит на королеву Желанную.

Очень поразили королеву и эта мрачная обстановка, и эта старая женщина, однако она подошла к старухе и сказала:

– Здравствуй, бабушка! Кто ты? Как твое имя?

– Меня зовут Жизнь! – отвечала старуха, сурово взглянув на хорошенькую королеву.

– Ах, неправда! – весело вскричала королева. – Неправда, что тебя зовут Жизнь. Ты старая и безобразная, а моя мама-королева рассказывала мне, что жизнь – юная, розовая и прекрасная, такая же прекрасная, как я. Но кто бы ты ни была, старушка, ты жила много и знаешь, должно быть, все. Скажи мне, почему вдруг стало так серо, неприветливо и гадко кругом?

– Королева! – произнесла бабушка Жизнь. – Всегда было так серо, неприглядно и печально. Только ты не могла видеть этого, потому что через розовые занавески, повешенные на твои окна, все казалось тебе светлым, розовым и прекрасным. Ты не знаешь жизни, не знаешь людских горестей и страданий и растешь веселой и беспечной принцессой, потому что не видишь горя вокруг себя.

– Но я хочу видеть горе, хочу видеть несчастных, чтобы

сделать их счастливыми, я хочу помогать всем, кто нуждается в помощи! – вскричала королева.

– Тогда упрости родителей снять розовые занавески с окон! – произнесла старуха Жизнь.

– Да-да! Я упрощу их! – вскричала королева и побежала в замок отыскивать родителей.

Мать встретила её на пороге замка. Королева была ужасно напугана исчезновением дочери. Пажи и придворные дамы трепетали за свою участь. Они знали, что их ждет строгое наказание за то, что они упустили из виду свою юную госпожу.

А когда королева высказала матери свою просьбу, последняя обмерла от ужаса и с плачем созналась дочери в том, что тщательно скрывали от нее.

– Ты умрешь, милая Желанная, – рыдала королева, – как только выкатятся у тебя три слезинки из глаз. Ты не сможешь видеть людских страданий и горестей, ты заплачешь, и тогда мы потеряем тебя, такую прекрасную, юную и любимую.

Задумалась на мгновение Желанная. И вдруг тряхнула белокурой головкой и светло-светло улыбнулась матери.

– Мама, – произнесла ласково и нежно, – вели снять розовые занавески с окон, прикажи беспрепятственно выпустить меня из замка к людям, чтобы я могла видеть их горе и слезы и помогать им. Не бойся, что я умру, мама. Теперь я видела Жизнь, узнала, какая она старая, сердитая, мрачная и суровая, и хочу, насколько могу, сделать ее улыбающейся,

и приветливой, и доброй к несчастным людям. А если ты непустишь меня, мама, я все равно зачахну здесь, в этом розовом замке, и умру с тоски.

Выслушала свою дочь королева и прошептала тихо и покорно:

– Будь по-твоему, дочка. Теперь, когда ты уже вышла за розовую дверь, бесполезно скрывать от тебя то, что ты сама увидела.

И королева Желанная получила свободу.

Расцвела, еще более похорошела королева. Теперь розовый замок и королевские сокровища, веселая свита маленьких придворных дам и пажей и их радостные игры – все это уже не забавляет Желанную. Одета в простенькое платьице крестьянки, с распущенными, раздуваемыми ветром кудрями, она бежит по цветочной долине, разговаривая с птицами и цветами, слушая голоса трав и былинки, глотая ночную росу с голубых сердцевин незабудок. Она заходит в бедные крестьянские лачуги, и, куда ни ступят ее маленькие ножки, там всюду воцаряется радость, довольство и счастье. Всех бедняков наделяет королева деньгами, согревает ласковым взором и добрым обхождением. Довольно одного лучистого взгляда Желанной, чтобы люди забыли свои болезни, немощи и страдания. Не было бедняка в королевстве, который бы не благословлял маленькой королевы. Слава о ней, о ее доброте разошлась по всей стране, и все несчастные устре-

мились к Желанной, чтобы найти утешение и помощь у королевы.

Король по-прежнему воевал с соседними народами, чтобы расширить свои владения и оставить дочери огромное наследство, а мать-королева заботливо охраняла Желанную от всего, что могло бы причинить ей страдание, и зорко присматривалась к ней, боясь увидеть хоть бы намек на слезу в ее лучистых, голубых глазках.

– Мама, – сказала как-то королева, вернувшись с обычной прогулки, – мама, я слышала пение в соседней роще, кто-то заливался там чудной серебристой трелью. Кто это, мама?

Едва только успела произнести это королева, как сотня гонцов была разслана по роще с приказанием доставить во дворец таинственного певца.

И певец был доставлен. Это оказался соловей – маленькая, серенькая птичка, невзрачная на вид, но обладающая невыразимо чудным голосом. Его посадили в золотую клетку, где соловушка должен был петь песни. Но соловей молчал. Он не умел петь в неволе. Только вечером, после заката солнца, когда к клетке подлетела другая такая же маленькая птичка, обе они залились чудесной песнью.

В этой песне слышалась смертельная тоска, грусть по зеленому лесу и утраченной свободе, и жалоба на людей, на их

жестокость, и мольба, слезная предсмертная мольба об освобождении пернатого узника. Обе птички горько и жалобно плакали, заливаясь печальной песней. И королевна, все время находившаяся подле клетки, поняла жалобу птичек. Поняла и побежала к матери, умоляя ее выпустить соловья на свободу. Соловья выпустили, но из голубых глазок королевны Желанной выкатилась слезинка, чистая и блестящая, как горный алмаз.

В тот же вечер таинственная женщина Судьба явилась к королевской чете и произнесла грустно и сурово:

– Помните, что ваша дочь пролила первую слезу.

Сказав это, таинственная женщина исчезла.

Еще сильнее стало забот у королевской четы о дочке. Еще более нежными ласками осыпали они королевну. Вскоре она забыла про горе маленькой птички и снова стала бегать по цветочной долине и зеленому лесу, снова стала заходить в крестьянские лачуги, осушать людские слезы и исполнять их просьбы.

Как-то раз, гуляя по опушке леса, королевна была поражена непривычными для нее звуками рога и бряцанием оружия. Издали, прямо навстречу ей, неслись рыцари и дамы верхом. Они за кем-то гнались. В ту же минуту из-под ног самой королевны, из высокой травы, выскочил маленький, насмерть перепуганный погоней зайчик.

Он остановился в двух шагах от королевны, прижал длин-

ные дрожащие ушки к спине и, поводя круглыми, тоскливыми глазками, казалось, чего-то ждал.

Пиф-паф! – раздался выстрел, и беленький зайчик с окровавленной мордочкой распростерся у самых ног королевы.

Желанная схватила трепетавшего еще зайчика, прижала его к груди и закричала, бросившись навстречу охотникам и их дамам:

– О, злые, злые люди! Что вам сделал дурного этот бедный, невинный зверек? Зачем вы его убили?

При этих словах вторая алмазная слезинка выкатилась из голубых глаз Желанной и повисла на ее темных ресницах.

В тот же вечер таинственная Судьба снова появилась во дворце и сообщила королю и королеве о второй слезинке, пролитой их дочерью.

Прошло много времени. Королевна Желанная выросла и превратилась в прекрасную молодую девушку-невесту – гордость и красу целого королевства. Ее отец-король продолжал воевать, расширяя владения своей страны в приданое дочери.

Одна из таких войн тянулась особенно долго. Победа досталась с большим трудом, но это была лучшая из побед короля. Он пригнал много пленных и привез богатую добычу, отбитую у неприятеля.

Пленных поместили подальше от дворца, чтобы звон их оков и цепей не достиг как-нибудь ушей королевы.

Однажды, в день возвращения отца из нового похода, ко-

ролевна Желанная, уже взрослая шестнадцатилетняя девушка, вышла его встречать, окруженная толпою придворных дам.

На всех были праздничные белые одежды. Победные венки украшали их головы. Эти венки девушки должны были бросить под ноги королю-победителю. В руках Желанной была златострунная лютня ее матери, звуками которой девушка приготовилась приветствовать отца.

И вдруг к ногам королевны бросилась Бог весть откуда появившаяся женщина, взволнованная, дрожащая и худая, как скелет.

Она кричала страшным, диким голосом:

– Королевна, выслушай меня! Королевна, ты наслаждаешься жизнью. Ты ешь на золотых блюдах и носишь бархат и парчу. Сотни внимательных прислужниц ловят каждый твой взгляд, каждое твое слово. Кругом тебя несчетные богатства и безумная роскошь. А знаешь ли ты, как добыто все это?.. Тысячи людей умирают в бою, чтобы добыть тебе все эти богатства... Другие работают в поте лица, чтобы платить дань твоему отцу-победителю, который беспощадно разоряет чужие земли и убивает людей, чтобы скопить как можно больше богатства для тебя, королевна. Но это еще не все. Ты поешь песни и бегаешь, счастливая и радостная, по долине, а тысячи пленников томятся в душных тюрьмах и подземельях... Среди них мой сын... Он мужествен и храбр, как горный орел, и любит, как и ты, свободу... Но твой отец прика-

зал заковать его в цепи потому только, что он сражался против ваших воинов как смелый и храбрый вождь. Я пришла сюда из чужой страны, из чужого королевства... пришла сюда, старая мать, умолять тебя спасти моего сына. Спаси его, королева, и я всю жизнь буду благословлять тебя за это.

И женщина зарыдала, обняв колени королевы Желанной... Что-то страшное, безысходное и тяжелое, как смерть, послышалось в ее рыдании...

Королева наклонилась, обняла несчастную, хотела сказать что-то, и вдруг третья слезинка выкатилась из лазурных глаз и упала на склоненную голову рыдающей матери пленника.

Пошатнулась королева... Смертельная бледность покрыла ее прекрасное лицо... Девушки-прислужницы подхватили ее...

В ту же минуту послышались победные клики, бряцание оружия, и сам король показался во главе войска. Увидев смятение в толпе девушек, он прищпорил коня и поскакал к толпе.

Королева лежала на руках служанок... Ее широко раскрытые глаза смотрели на короля. Они выражали мольбу и страдание за тех, кого убивали, за тех, кто томился в тюрьмах и подземельях. Потом лучистый взгляд затуманился, померк, угас... Голубые глазки закрылись, и с тихим вздохом отлетела прекрасная, светлая душа королевы...

А в это самое время во дворец к королеве пришла заку-

танная в черное таинственная женщина и угрюмо сказала:

– Королева пролила третью слезинку... То, что должно было свершиться, свершилось. Королева, у тебя нет больше дочери...

Умерла королева, но не умерла память о ней. Король прекратил войны и набеги, распустил войска, открыл тюрьмы и подземелья и выпустил на волю измученных узников – и все это сделал в память своей дочери Желанной. В ее же память ее же король занялся другим добрым делом. Он кормит всех бедных и голодных в своей стране. Сирые и бездомные, все находят приют в королевском дворце. Мир и милосердие воцарились в стране.

Живет и царит в ней память о юной королевне с голубыми глазами, и все от мала до велика благословляют ее...

Дуль-Дуль, король без сердца

На опушке леса при лунном свете три добрые волшебницы собрались около небольшой каменной урны. Месяц то скрывался за тучу, то снова выплывал, и тогда лица добрых волшебниц становились прозрачными, а волосы их сияли серебряным светом.

Первая волшебница вынула из-за пазухи целую горсть розовых лепестков и, бросив их в урну, сказала:

– Завтра должно родиться королевское дитя. Пусть оно будет так же прекрасно, как роза, и пусть все любят его и дивятся его красоте.

Потом она быстро отбежала от урны и стала кружиться в воздухе. Светляки зажглись в траве, освещая ее пляску, а соловей запел из чащи такую дивную песню, какую нельзя услышать даже в самом королевском дворце.

Тогда подошла к урне вторая волшебница. В руке она держала какую-то длинную серебряную нить.

– Вот волос с головы мудрого волшебника Гая, – сказала она, бросая волос в урну. – Я взяла у него этот волос, пока он спал, чтобы отдать его королевскому дитяти. Благодаря этому волосу ребенок будет мудрым, как сам Гай. Ведь другого такого мудреца, как Гай, не найдется в мире, и каждый его волос – это клад мудрости.

– Торопись, сестра, – произнесла третья волшебница, – а

то проснется Гай, отнимет волос и, чего доброго, прогонит нас, так что я не успею положить в урну сердце голубки, которое должно сделать добрым и кротким будущего королевича.

Едва только третья волшебница успела произнести последнее слово, как закачался, загудел лес, и чародей Гай, получеловек, получудовище с огненными глазами и всклокоченными, дыбом стоящими волосами, появился верхом на диком вепре.

– Кто украл волос с моей головы? – завопил он страшным голосом, от которого гул пошел по лесу.

Но волос вместе с лепестками розы уже был в урне, и оттуда чуть заметной голубой струей подымался дымок.

При виде этого Гай схватился за голову и испустил новый рев, страшнее первого. Он понял, что ему никакой силой не извлечь уже из урны волоса.

Испуганные волшебницы метнулись в сторону, а та, у которой в руке было предназначенное для королевского дитяти голубиное сердце, уронила его на землю.

В тот же миг Гай подхватил сердце и погнал своего вепря обратно в лес, испуская громкие торжествующие крики.

А три добрые волшебницы, очнувшись от страха, снова очутились у урны.

Теперь они плакали. Плакали о том, что будущее дитя будет обладать красотой и умом, но не будет иметь сердца.

Маленький королевич родится без сердца.

И слезы волшебниц падали в урну...

Скоро голубой огонек погас, и старшая из волшебниц, взяв свой волшебный жезл, стала мешать в урне, тихо напевая сквозь слезы.

Ее сестры вторили ей.

Когда песнь была кончена, все трое взглянули в урну.

На дне ее лежал крошечный мальчик, прекрасный как ангел. Они взяли его из урны, унесли в королевский дворец и положили в роскошную колыбельку, уже давно приготовленную для маленького королевича, рождения которого ожидали со дня на день.

Король возвращался с войны, возвращался победителем. День был светлый и яркий, и горячее весеннее солнце играло на щитах, копьях и броне воинов, окружавших короля.

За королевским войском шли, связанные по рукам и ногам, пленники, с потупленными глазами, страшно исхудалые, окровавленные; они со стойким мужеством ждали своей участи.

Подле короля шел солдат. Самый обыкновенный, самый простой солдат. И имя у него было самое простое. Его звали Иваном. На нем была пробитая пулями шинель, а через лоб шел огромный рубец от неприятельской шашки.

Все встречные на пути короля с удивлением поглядывали на солдата и спрашивали: почему он идет рядом с королем? Простой, серый солдат – и дождался такой почести!

Тогда из рядов войска послышались голоса:

– Это не простой солдат. Это герой. Он указал королю путь, как быстрее найти неприятельский лагерь, он остановил войско, когда оно бросилось в бегство, и он же защитил своей грудью самого короля, когда неприятельская сабля была направлена на него. Король не может забыть этого и считает солдата Ивана своим лучшим слугой и другом.

И народ, услыша это, стал восторженно приветствовать солдата наравне с королем.

Крики звучали все громче и громче. Целый дождь цветов сыпался на победителей. Красивейшие девушки города, в белых, воздушных одеждах, усыпали розами триумфальный путь короля.

Таким образом победители дошли до королевского дворца.

Король поднял голову на окна в надежде увидеть в одном из них свою любимую жену-королеву.

Но вместо прелестного личика королевы в окне показалось старое лицо седого монаха, который сказал:

– Приготовься, король, услышать две новости: одну радостную, другую печальную. Бог дал тебе сына, а твоя супруга-королева скончалась на утренней заре.

Король дико вскрикнул, схватился за сердце и... умер.

Он так и не увидел ни своей мертвой жены, ни новорожденного сына.

В народе и в войске поднялся плач: король был добр,

мудр, храбр, и вся страна любила его.

Потом, когда первый взрыв горя прошел, народ собрался на площади у дворца и стал решать, что делать.

Долго спорили и кричали – целых три дня и три ночи. И когда охрипли настолько, что уже не могли говорить, то решили:

– Король и королева умерли, королевич в пленках, поэтому надо выбрать другого короля до тех пор, пока новорожденный королевич Дуль-Дуль подрастет и в состоянии будет сам править королевством. А так как солдат Иван спас страну, войско и короля от гибели, то пусть он и будет королем.

Так решил народ.

Пошли разыскивать Ивана, чтобы объявить ему радостную весть, и нашли его у колыбели принца.

– Ты избран королем! – сказали они ему.

– Нет, – ответил он, – королем мне не быть. Я останусь солдатом, чтобы всю жизнь служить королевичу Дуль-Дулю. Как служил его отцу, так стану и ему служить. Воспитаю принца, как умею, чтобы стал он таким же смелым, умным и добрым, каким был покойный король...

– Но в таком случае выбери себе какое-нибудь звание, которое дало бы тебе богатство и обязывало всех почитать тебя, – обратились посланные от народа к Ивану.

Но тот опять покачал головой.

– Не надо мне ни богатства, ни почестей. Зачем солдату богатство? А почести? Для меня первая почесть – слу-

жить верой и правдой королевскому дитяти. Ступайте, братья мои, назад и скажите народу, пусть выбирает себе другого короля, получше да поумнее, а мне в награду оставит одно: позволение никогда не разлучаться с королевичем.

Посланные ушли, пожимая плечами, а солдат Иван снова склонился над детской колыбелькой.

Прошло шестнадцать лет. Королевич вырос и стал королем.

Ах, что это был за король!

Красивее его не было во всей стране. Вы видели лесную незабудку на краю болота? Так вот, такие глаза короля были словно две голубые прекрасные незабудки.

А алый цвет мака приходилось вам встречать в саду?

Так вот, такими же лепестками мака казались пурпурные королевские уста. Белизна его лица напоминала лилию, а румянец – легкий отблеск утренней зари. Волосы у юного короля были такие золотистые, что, когда он снимал свой бархатный берет, казалось, будто солнечное сияние окружало его голову.

Но никто не видал юного короля. До шестнадцати лет его прятали от народа (таков уж был закон той страны).

Боялись, чтобы страшный чародей Гай не испортил как-нибудь красоты Дуль-Дуля. Один только солдат Иван находился подле королевича и служил ему день и ночь неустанно.

Учителям, которых приглашали учить Дуль-Дуля книжной премудрости, не пришлось учить его, потому что король был настолько мудр, благодаря одному волосу Гая, что его нечему было учить.

Когда королевичу исполнилось шестнадцать лет, солдат Иван надел на его кудри золотую корону и вывел его к народу. Это был чудесный зимний день. Солнце играло на небе, и золотые кудри молодого короля сияли, как солнце.

И народ, тесня друг друга, указывал на Дуль-Дуля и шептал в восторге:

– Отныне у нас два солнца: одно на небе, другое – во дворце.

Белый снег, покрывавший землю, точно потемнел от зависти при виде очаровательного белого личика Дуль-Дуля.

А алые розы, которые белокурые красавицы девушки бросали под ноги молодому королю, завяли от зависти при виде нежных алых уст красивого юноши.

Но восторгу народа не было конца, когда Дуль-Дуль обратился к нему с приветствием.

Ни один король в мире не сумел бы сказать такую речь! В ней отразились и тонкий ум, и мудрость молодого короля.

– Да здравствует наш мудрый красавец король! – кричал народ. – Если он так же добр и кроток, как умен и красив, то наш народ – самый счастливый народ в мире!

Едва только замолкли восторженные крики, как их сменили вопли отчаяния и муки.

Через реку, протекавшую перед самым крыльцом королевского дворца, был перекинут мост. Народ, желая поближе полюбоваться красавцем королем, бросился на этот мост, давя и толкая друг друга. Каждому хотелось взглянуть поближе на красивое лицо короля.

Вдруг послышался ужасный треск. Мост не выдержал напора толпы и рухнул в воду. А вместе с мостом упали в воду и тысячи людей, толпившихся там.

– Король! Король! Спаси нас! – кричали люди. – Спаси нас, мудрый король!

Но король стоял неподвижно на крыльце своего дворца и... улыбался.

Голубые незабудки, глаза короля, не выражали ни ужаса, ни печали. Они были веселы, по-детски безоблачны, прозрачны. Они смеялись.

Тогда новое отчаяние охватило толпу.

– У короля нет сердца! Наш король – бессердечный, жестокий король! – слышались отчаянные возгласы из толпы тех, которым удалось спастись.

А глаза короля по-прежнему смеялись, как ни в чем не бывало. Смеялись, глядя на бездыханные трупы, наводнившие собою реку, смеялись, глядя на самый испуг народа. Король, казалось, даже не понимал, что происходило вокруг него, и с тем же веселым смехом отправился во дворец.

Солдат Иван ушел следом за своим повелителем.

– Король! – произнес он мрачно, – за стенами дворца осталось много несчастных сирот, детей тех, которые утонули в реке. Не хочешь ли помочь им? Вели раздать золото беднякам, и народ будет прославлять тебя за твою доброту.

– Делай, как знаешь, – произнес король. – Ты самый умный после меня и не посоветуешь ничего дурного... Раздай им золото, только было бы лучше, если бы золотые монеты остались у меня во дворце. Я велю украсить ими стены моего жилища и буду любоваться, как солнечные лучи играют в этом золотом море.

И король рассмеялся весело и звонко...

У него не было сердца, а без сердца он не мог понять того горя, которое обрушилось на сирот...

Народ, узнав о том, что у красавца короля нет сердца, пришел в ужас и смятение. Но среди окружавших короля царедворцев были и такие, которые обрадовались этому и, видя, что королю по душе жестокая расправа, старались угодить, доставляя всяческие жестокие развлечения и думая этим понравиться ему. Король любил мучить животных и не щадил людей. Однажды перед его дворцом было повешено до тысячи кошек. В другой раз из певчих птиц дворца были повыдерганы перья, и их пустили летать с ошипанными, обнаженными телами.

После одной из побед над внешними врагами всех пленников сожгли на большом костре посреди площади.

Король стоял на балконе и смеялся. Вокруг него теснилась целая толпа льстивых царедворцев.

– Ты мудр, как змей, и прекрасен, как солнце! Большого ты не можешь требовать от судьбы. Она одарила тебя всеми своими дарами. Ты самый прекрасный, самый мудрый и самый добрый король, какой только есть на свете.

Так говорили они.

И король Дуль-Дуль высоко поднимал свою красивую голову и спрашивал с гордым величием:

– Это правда, что я самый добрый, самый прекрасный и мудрый король?

– Правда! Несомненная правда! – слышались вокруг голоса царедворцев. – Правда, правда! Ты самый прекрасный король!

И вдруг один голос прозвучал громче, слышнее всех:

– Нет, неправда! Тебе лгут, король! Ты самый мудрый, самый прекрасный, но ты и самый жестокий из королей в целом мире.

– Кто посмел произнести эти дерзкие слова?! – вскричал король и топнул ногой.

– Это сказал я! – произнес солдат Иван, выступая вперед.

– Это сказал солдат Иван! – зашептали царедворцы. – Солдат Иван позволил себе оскорбить короля... – говорили они.

Иван слышал все эти возгласы и спокойно ждал своей участи. Его добрые серые глаза бесстрашно смотрели прямо в

лицо королю.

– Он достоин смертной казни! – снова заговорили придворные. – Он оскорбил тебя, король! Казни его!

Дуль-Дуль окинул взором окружающих его царедворцев. Лица всех выражали ненависть и вражду. Всем хотелось казни Ивана, чтобы самим занять его место при особе короля.

И король готов был исполнить общее требование.

Он уже хотел изречь смертный приговор своему воспитателю и слуге, но неожиданно вспомнил, что никто не сумеет приготовить ему на ночь такого вкусного питья, какое умеет готовить Иван, никто не сможет так хорошо укрыть его теплым бархатным одеялом, никто не будет в состоянии расчесывать его золотые кудри так, как это делает Иван.

И не любовь, не жалость зашевелились в душе Дуль-Дуля при мысли, что он может лишиться Ивана, а просто боязнь потерять доброго, верного и нужного слугу.

– В другой раз будь осторожнее в речах с твоим королем, – проговорил он сурово, обращаясь к Ивану. – За твою дерзость ты заслуживаешь казни, но я не хочу казнить моего слугу и на этот раз прощаю тебя...

Войны сменялись войнами, и все соседние короли скоро признали могущество и непобедимость Дуль-Дуля, потому что Дуль-Дуль был мудр и умел вести войны.

Один только черный принц полудикого народа все еще продолжал отчаянно бороться с дружинами короля. Наконец, после многих битв, черный принц Аго был побежден.

Его взяли в плен, скованного привели в столицу и бросили в тюрьму.

Дуль-Дуль, разгневанный на черного принца за его долгое сопротивление, решил лишить его жизни. Он велел народу собраться с первыми лучами солнца на городской площади.

– Мы будем купать черного Аго, чтобы он не был таким черным и грязным, – со смехом объявил он ближайшим сановникам и тут же приказал поставить на площади большой котел с горячей водой, где пленный принц должен был неминуемо свариться.

Солдат Иван затрепетал от ужаса, услышав решение своего короля.

Он бросился к ногам Дуль-Дуля и стал молить его о пощаде.

– Черный Аго такой же человек, как и мы, король, – говорил он. – Зачем же ты хочешь подвергнуть его таким лютым мучениям? Он защищался в бою как храбрый вождь. Не губи же его, король! Не убивай его за то, за что он достоин уважения!

– Как ты смеешь порицать мое поведение! – закипая гневом, закричал Дуль-Дуль.

– Я всегда буду предостерегать тебя, король, когда ты будешь несправедливым, – спокойно произнес Иван.

– В таком случае, – произнес с беспечным смехом король, – тебе не придется долго разговаривать, так как завтра с восходом солнца тебя сварят в котле вместе с черным Аго.

И, сказав это, король преспокойно повернулся спиной к Ивану и заговорил со своими придворными сановниками, которые грубо льстили и одобряли жестокое решение короля.

Они были бесконечно рады, что солдат Иван больше не будет стоять между ними и королем, не будет больше мешать им влиять на короля.

Иван, выслушав свой приговор, остался совершенно спокойным. Он не боялся смерти, но ему было бесконечно жаль несчастных подданных жестокого, бессердечного короля.

– Бедный король, – говорил Иван, – он не понимает своей жестокости, потому что у него нет сердца. Во что бы то ни стало ему надо достать сердце! И я, старый солдат Иван, сделаю это. У меня остается целая ночь, и в эту ночь я должен во что бы то ни стало сделать добрым и кротким моего жестокого короля.

Но как было уйти Ивану, когда на него надели оковы, заковали ему цепями руки и ноги?!

Это сделали его враги – сановники, которые радовались тому, что король наконец освободится от Ивана и теперь приблизит их к себе.

Однако Иван рискнул попросить короля.

– Ваше величество, отпусти меня на свободу сегодня, а завтра я буду с восходом солнца на площади ожидать своей казни. Я хочу пойти в лес, последний раз полюбоваться при-

родой...

– Не пускай его, король, – зашептали Дуль-Дулю окружающие его царедворцы, – он не вернется, убежит от казни.

– Нет! – произнес Дуль-Дуль. – Я знаю Ивана – он не обманет меня. Он даст свое честное солдатское слово и вернется.

– Я даю мое честное солдатское слово, король! – ответил Иван.

Тотчас же слуги по приказанию короля сняли с него оковы, и он почувствовал себя снова свободным – свободным на одну ночь, для того чтобы умереть в следующее же утро!..

Черный лес гудел, свистел вьюгой и пушил снегом, когда солдат Иван подошел к опушке и громко крикнул:

– Всесильное чудовище, волшебник Гай, явись предо мною!

Заскрипели старые сосны, и на опушку выехал верхом на ведре страшный чародей.

– Что тебе надо, солдат? Зачем ты беспокоишь меня в такую пору? – крикнул он замогильным голосом.

– Ты могучий и сильный волшебник, – произнес с поклоном солдат Иван, – ты все можешь сделать. Ты можешь дать сердце моему королю! Дай его, Гай, Дуль-Дулю и возьми у меня, что только пожелаешь.

Чародей расхохотался таким страшным хохотом, от которого гул пошел по лесу, и земля затряслась, и пушные звери задрожали от страха в своих берлогах.

– Глупый, глупый солдат! – произнес чародей. – Что я могу взять у тебя, если я самый могучий волшебник в мире и все у меня есть? Сердце, предназначенное волшебницами для Дуль-Дуля, у меня. Но я его не отдам так легко. Впрочем, – прибавил Гай, – я дам тебе это сердце, если ты мне дашь вырезать сердце из твоей груди. Согласен?

– Но ведь вместе с сердцем я лишусь и жизни, – сказал Иван тревожно.

– Ну разумеется... Что же ты? Иль испугался смерти? – снова расхохотался волшебник.

– Нет, не то... – произнес задумчиво Иван. – Все равно я должен умереть на заре. Дело не в этом. Не смерть страшна мне, а бесчестие. Я дал слово королю быть на месте казни рано утром, а если ты умертвишь меня, то я не в силах буду сдержать мое солдатское слово. А это большой позор для солдата и человека.

– Ну, коли так, то твой король останется без сердца! – произнес Гай со смехом и повернул вепря, чтобы ехать обратно в лесную чащу.

Но тут случилось что-то совсем неожиданное.

Солдат Иван заплакал горькими слезами... Солдат Иван, видевший во время многочисленных походов, как лилась кровь рекой, солдат Иван, убивавший сам врагов отечества, теперь плакал горькими, неутешными слезами, как маленький ребенок.

Ему бесконечно хотелось сделать добрым и кротким короля Дуль-Дуля, осчастливить свою страну, и в то же время он не хотел покрыть позором свое честное солдатское слово.

А Гай при виде слез человека пришел в недоумение.

– Что это такое? В первый раз вижу, чтобы вода текла из глаз человека! Мне это нравится! – сказал он. – Нравится настолько, что я готов взять себе эти глаза, умеющие изливать ручьи, и взамен дать тебе сердце голубки, которое ты можешь отдать королю. Отдай мне твои глаза. Вот тебе за них голубиное сердце.

И, сказав это, Гай подал Ивану крошечное голубиное сердечко.

Солдат схватил его обеими руками и прижал к своей груди. В ту же минуту Гай вытащил из-за пазухи огромный нож и вырезал им плачущие глаза Ивана.

Иван разом ослеп. Вместо слез у него потекла теперь кровь по лицу, но он не стонал, не жаловался. С необычайным терпением переносил отважный солдат страшную боль.

Наскоро остановил он снегом кровь на лице и пустился в обратный путь в столицу. Теперь ему нечего было делать в лесу, да и надо было торопиться, потому что слепым он будет идти втрое дольше зрячего.

А Гай привесил себе на грудь два плачущих глаза Ивана. И – о диво! – весь лес осветился чудным сиянием. Две великолепные звезды сверкнули на груди Гая, распространяя светозарные лучи вокруг себя.

Огромные толпы народа собрались на площади. Небо уже покрылось алым заревом восхода.

Король Дуль-Дуль в сопровождении многочисленной свиты находился на площади. Сюда привели и трепещущего от страха черного Аго, закованного по рукам и ногам. Громадный котел стоял посреди площади, обдавая близстоящих густыми клубами пара. Вода зловеще шипела и клокотала в нем. Королевские слуги, герольды, ездили по площади и объявляли народу, что сейчас свершится казнь двух самых злых преступников, которые осмелились ослушаться воли короля.

Только одного из осужденных – Ивана не было видно.

– Вот видишь, король, – заговорили вокруг Дуль-Дуля царедворцы, – напрасно ты отпустил солдата. Он не вернется к нам. Кому охота вариться в котле, когда он может уйти в другую страну и служить другому королю!

– Нет! Нет! Я хорошо знаю Ивана: он не сделает ничего подобного! – уверенно произнес Дуль-Дуль. – Он сдержит свое солдатское слово!

– Но ему время уже подойти! Сейчас взойдет солнце! – не унимались царедворцы.

И точно в подтверждение их слов брызнул целый сноп лучей и солнце ярко пригрело своим золотым морем и площадь, и котел, и короля с его свитой, и черного Аго.

В ту же минуту появился на площади солдат Иван. Он шел, едва переступая с ноги на ногу, вытянув вперед руки,

медленно и ощупью, как ходят обыкновенно слепые.

– Вот и я, король! – произнес Иван. – Кажется, я поспел вовремя!

– Да, ты поспел вовремя! – произнес король. – Готовься к смерти! Но что это с тобою? – прибавил он с недоумением, взглянув на лицо Ивана. – Где ты потерял свои глаза?

Сказав это, Дуль-Дуль расхохотался весело и звонко над чужим несчастьем, потому что у Дуль-Дуля не было сердца, и он не умел и не мог чувствовать жалости и боли.

– Я скажу тебе, король, где я потерял их, – произнес Иван, – только наклонись ко мне, а то я плохо говорю от волнения и иначе ты ничего не услышишь, король!

Дуль-Дуль наклонился к Ивану.

В ту же минуту Иван трепещущими руками рванул дорожкой, золотом шитый камзол короля и коснулся королевской груди голубиным сердцем.

Король Дуль-Дуль громко вскрикнул. Смертельная бледность разлилась по его лицу. Он заметался и упал на руки придворных.

Он ощутил в груди своей что-то новое, сильное, что наполнило разом страшной болью и счастьем все его существо.

Часть свиты занялась бесчувственным Дуль-Дулем, а другая – подхватила Ивана и потащила его к котлу.

– Он хотел убить короля! Надо его бросить в котел сию же минуту, а то он погубит всех нас, этот слепой чародей! –

кричали они и тащили Ивана к месту казни.

Иван был уже в двух шагах от котла... вот несколько рук подняли его на воздух, вдруг...

– Остановитесь! Иван, сюда! Ко мне! Мой бедный, слепой Иван! – послышался голос короля, и в один миг Дуль-Дуль растолкал свиту и очутился перед своим слугой.

Его лицо было бледно и взволнованно. Он проливал слезы, прекрасные и светлые, как роса.

Дуль-Дуль держал руку у сердца, которое билось с невероятной силой.

– Ко мне, Иван! Ко мне!

И Дуль-Дуль кинулся на грудь своему верному слуге, обнимая его за шею, целуя его пустые глазницы. Потом он велел освободить черного принца Аго, обнял его, как брата, и подарил ему свободу.

Вслед за тем он обратился к народу со словами:

– Друзья мои, я был жестоким королем! Но благодаря жертве, принесенной мне моим благодетелем Иваном, я стал другим... И теперь, мой народ, я обещаю не только мудро, но и с добротой и кротостью править тобою!

И король Дуль-Дуль низко поклонился народу.

А народ отвечал радостным криком:

– Да здравствует Дуль-Дуль! Да здравствует наш светлый, прекрасный король!

С этого дня Дуль-Дуль не разлучался с Иваном. Но уже не Иван прислуживал королю, а король солдату. Он всяче-

ски ухаживал за ним и водил слепого по своим огромным палатам, как может только почтительный сын водить своего слепого отца.

Солдат Иван снова занял свое прежнее место подле короля. Теперь никто уже не завидовал ему. Все знали, какой страшной ценой Иван приобрел свое счастье, и искренне полюбили верного королевского слугу.

Чудесная звездочка

Жила в роскошном замке маленькая принцесса, хорошенькая, нарядная, всегда в золотых платьях и драгоценных ожерельях. Ну, словом, настоящая сказочная принцесса и, как все сказочные принцессы, недовольная своей судьбой.

Избаловали маленькую Эольду (так звали принцессу) напроць. Баловал отец, баловала мать, баловали старшие братья и сестры, баловала угодливая свита. Чего ни пожелает принцесса – все мигом исполнялось.

– Хочу иметь коня совсем белого, с черной звездочкой на лбу! – заявила как-то Эольда и топнула ножкой.

Топнула ножкой, и помчались рыцари в разные стороны, и старые и молодые, и знатные и незнатные, и глупые, и умные, все – искать белого коня с черною звездой на лбу.

По всему свету искали. Наконец нашли. Нашли с большим трудом в конюшне одного азиатского хана.

Стали хана просить продать лошадь, а он заупрямился.

– Не отдам дешево лошадь... Конь хороший... Очень хороший конь... Давайте целую конюшню червонцев взамен...

Дали рыцари целую конюшню червонцев, взяли коня, привели к Эольде.

А Эольда и смотреть на коня не хочет.

– Очень он мне нужен! Я уже расхотела... Надо было раньше... А теперь кошку хочу... Кошку такую, чтобы была

вся золотая и пушистая, а глаза, как бирюза...

Делать нечего: поехали двадцать рыцарей искать золотую кошку с бирюзовыми глазами.

Искали, искали – нигде не нашли. Целый год искали, и еще год, и еще...

Эзольда уже из девочки в девушку превратилась, а рыцари все по свету рыщут – ищут кошку для принцессы.

Наконец убедились: нет такой кошки на свете. Нечего и искать, коли нет. Потужили-погоревали и возвращаются ни с чем, с пустыми руками, с вытянутыми носами.

На самой границе государства встречает их хитрая волшебница Урсула.

Ехала Урсула верхом на волке, а зайцы над ней пестрый балдахин несли. Увидела рыцарей, хитро прищурилась и сказала:

– Эге! Золотую кошку с бирюзовыми глазами я, Урсула, вам дам, пожалуй, только за это двадцать лет вы мне служить должны... все, кроме одного, который повезет кошку вашей принцессе.

– Согласны, согласны! – вскричали обрадованные рыцари, и девятнадцать из них по жребию остались служить у волшебницы, а двадцатый получил из рук Урсулы золотую кошку с бирюзовыми глазами и повез ее Эзольде.

Та как вскинула глазами на кошку, так вся и затряслась от гнева.

– Долго искали... Не хочу больше кошку... Раньше хоте-

ла, а теперь другое хочу... Хочу звездочку с неба... Самую большую... самую красивую... Вон ту, которая теперь так мигает на небе.

И принцесса показала пальцем на яркую звезду.

Пожалел рыцарь о своих девятнадцати товарищах, которые ни за что ни про что должны двадцать лет служить волшебнице Урсуле, но не сказал ни слова, а только задумался, как исполнить новое желание принцессы. Легко сказать: «достать звезду с неба», а как ее достанешь?

Отправился рыцарь к жившим в том городе мудрецам, спрашивает их совета. Думали-думали мудрецы и решили, что единственный способ достать звездочку – приставить длинную-длинную лестницу, которая достала бы до самого неба, и по этой лестнице пусть взойдут сильные рыцари, пусть ухватятся за звездочку и снесут ее на землю.

Передал рыцарь этот совет товарищам, и те в один голос заявили, что готовы помочь рыцарю в его трудном деле. Принялись рыцари строить лестницу высокую-высокую. Не едят, не пьют, все топорами размахивают. Готова лестница. Поставили. Нет, до неба не хватает. Принялись опять за дело, пристроили к этой лестнице другую, потом третью. Получилась такая высокая лестница, что кто на верх ее взглянет, тот непременно опрокинется... Уж очень высоко голову приходилось поднимать... Однако полезли смельчаки-рыцари по той лестнице на небо...

Вот они уже у самых облаков. Прямо перед ними – яр-

кая, блестящая звездочка. Кажется, можно ее рукой достать. Но едва рыцари протянули к ней руки, как звездочка ввысь уплыла.

Еще приставили лестницу, опять полезли... И опять неудача... Уходит все выше и выше звездочка... А сама мигает, точно смеется над своей погоней.

Выбились из сил рыцари. Слезли вниз и тут же у лестницы уснули от усталости. А принцесса ждет не дождется, когда, наконец, рыцари принесут ей звездочку: то ножками от нетерпения топает, то слезами от злости заливается.

Вдруг в ее горнице стало разом светло, как днем, и чей-то тоненький голосок послышался сзади.

Оглянулась принцесса и чуть не вскрикнула: та самая звездочка, которая ей так понравилась и которую тщетно старались достать для нее рыцари, слетела с неба и стоит перед ней.

– Не плачь, Эольда, не плачь, капризная принцесса, – говорит звездочка с усмешкой, – слезами не поможешь... Ты требуешь невозможного...

– Нет ничего невозможного для дочери короля! – с гневом вскричала Эольда. – Меня любят все подданные моего отца и охотно готовы жизнь свою положить, чтобы исполнить каждое мое желание... Они достали мне белого коня с черной звездочкой на лбу, достали золотую кошку с бирюзовыми глазами, достанут и звездочку с неба. Да-да! Они очень любят меня!

– А за что они тебя любят, что ты сделала для того, чтобы они тебя любили? Чем заслужила их любовь? – спросила звездочка.

– За что меня любят? – изумилась Эольда. – Да ведь я – дочь могущественного и богатого короля, я – принцесса, и меня нельзя не любить...

– Ха-ха-ха! – засмеялась звездочка. – Так, значит, ты заслужила любовь только тем, что ты дочь короля?.. Но сама-то ты сделала хоть что-нибудь такое, за что тебя мог бы полюбить народ?

Эольда задумалась. Она хотела вспомнить, что она сде-

лала доброго в жизни, и... не могла ничего припомнить.

– Принцесса, – произнесла спустя некоторое время звездочка, – я покажу тебе, что люди любят не одних только королей и принцесс. Гляди туда, вперед!

Эзольда уставилась в темноту сада, раскинутого около замка. И вдруг королевский сад исчез. Вместо него Эзольда увидела городскую площадь. Толпы народа заполняли ее. По площади шел человек, просто одетый, с посохом в руках. За ним бежала толпа с громкими, восторженными криками. Он скромно кланялся, отвечая на приветствия. На пути его попадались все новые и новые толпы народа. Лица всех обращались к нему с благоговейной любовью. Глаза людей восторженно устремлялись на него.

– Кто этот царь, которого так горячо любит народ? – спросила звездочку Эзольда.

– Ты ошибаешься: не царь это, а простой, бедный человек, – ответила звездочка. – Но этот человек нашел способ печатать книги и этим распространил свет науки среди все еще темных, неученых людей... Он принес огромную пользу своей стране, и народ благодарит его за это. Но смотри: я покажу тебе, за что еще можно любить людей, – поспешно прибавила звездочка.

И разом исчезла городская площадь, исчезли и толпы народа и человек, которому они поклонялись, и перед изумленным взором Эзольды выросла огромная зала. Посреди залы было устроено возвышение, все засыпанное цветами. На

возвышении стоял человек. Двое других людей увенчали его голову лавровым венком. Люди, наполнявшие зал, громкими криками выражали свой восторг человеку в лавровом венке. Многие из них падали на колени и посылали ему со слезами тысячи благословений.

– Это, должно быть, могущественный король... Вон какие почести воздают ему люди! – произнесла Эзольда.

– О нет! Не король это, – отвечала звездочка, – а врач, который нашел средство лечить людей от самых опасных, самых серьезных болезней. И благодарные люди, поняв всю пользу, принесенную им, горячо полюбили своего благодетеля. Но смотри, смотри, Эзольда, еще смотри! – заключила свою речь звездочка.

Глянула Эзольда... Где же дворец, зала с возвышением и человек в лавровом венке? Ничего нет! Все исчезло. Только длинная, бесконечная дорога представилась ее глазам.

По дороге идет путник. За ним бежит народ. Народ спешит забежать вперед, чтобы заглянуть в лицо путнику, чтобы сказать ему несколько горячих слов любви и благодарности. И сколько преданности, сколько признательности сияет в обращенных на него глазах людей!..

– Кто это? – спросила звездочку Эзольда, боясь, что снова ошибется, если назовет царем сопровождаемого толпою человека.

– Это недавний богач, теперь он самый бедный нищий в стране, – пояснила звездочка. – Он все, что имел, роздал

неимущим: все деньги и богатства, которые были у него, все до последнего гроша. И за это получил самое большое, самое главное сокровище – любовь народа...

Сказав это, звездочка исчезла.

Исчез с нею и чудесный свет в комнате Эзольды. А сама Эзольда быстро уснула, утомленная необычайными впечатлениями.

На другое утро рыцари, фрейлины и свита собрались у дверей принцессы, ожидая новых приказаний, новых капризов Эзольды.

Но принцесса ничего не приказывала...

– Что же дальше? Разве сказка уже окончена? – спросила я Голубую фею, которая рассказала мне про принцессу Эзольду.

– А дальше, – ответила она, – вот что: на следующий день принцесса заявила, что она уже не желает иметь звездочку. Рыцари знали, как быстро меняются прихоти принцессы, и ничуть не удивились этому. Они стали терпеливо ждать нового приказания принцессы. Но прошел день, прошел другой, третий – Эзольда ничего не требовала, ничего не приказывала.

– Что случилось с Эзольдой? – недоумевали рыцари и свита.

В самом деле, что случилось с Эзольдой?

Галина правда

Давно это было.

Зеленели вишневые садоочки, нежная травка чуть проби- валась из земли, весенние фиалки синели в лесной чаще. Все радовалось, все ликовало, а в Галиной хатке печаль, слезы. Плакала Галя...

Мать Гали лежала на убогой кровати, бледная, с впалыми щеками и то покашливала, то тихо стонала.

Приходили старухи, прыскали святой водой в лицо Гали- ной матери, смотрели в ее мутные, большие глаза и говори- ли, покачивая головами:

– Умрет... Не протянет и до завтра...

Плакала Галя. Мать была всегда такая тихая да ласковая, дочку Галю свою любила. Как же не плакать? Их на свете-то только и было двое: мама да Галя – Галя да мама. И вдруг умрет мама...

Плакала Галя...

Потух солнечный луч за деревней, утонул в голубова- то-хрустальном озере. Запахло сильнее цветами, первыми ландышами из леса, птицы прокричали в последний раз свой привет перед ночью, и все уснуло, затихло, замолкло до утра. На небе зажглась ночная звездочка, яркая, нарядная и кра- сивая. Галя сидела у оконца, глядела на звездочку и вспоми- нала, как она с мамой часто сидела по вечерам у порога хат-

ки и любовалась звездочками.

А маме становилось все хуже да хуже. Она и кашляла-то глуше и дышала слабее.

И вдруг нежным тихим голоском позвала она Галю:

– Деточка моя ненаглядная, присядь ко мне, посиди со мною.

Отбежала от оконца Галя, кинулась к маминой постели, обвила маму своими детскими ручонками.

– Не долго уж осталось мне жить, деточка моя, – произнесла мать. – Скоро, очень скоро придется оставить тебя, моя ненаглядная.

– Нет, мама, нет! – воскликнула Галя. – Я не отпущу тебя, не отдам смерти! – И еще сильнее прижалась к матери.

Мать дрожащими руками тоже обняла дочурку.

– Прощай, деточка моя ненаглядная! Прощай, Галя моя! Прощай, голубушка. Не забывай маму... Помни: любит тебя твоя мама и будет постоянно смотреть на тебя с неба, деточка, и каждый твой добрый, светлый поступок будет ее радовать. Нет у меня ничего, что бы я могла тебе оставить, дочурка. Одно только было у меня в сердце сокровище, пока я жила и дышала, а теперь я его тебе передам, дочке моей. Это сокровище – правда, Галя. Говори всегда правду, и будет у тебя всегда светло на сердце и ясно на душе! Всегда-всегда одну правду говори, Галя! Одну только правду! Ничего не таи, ни в чем не лги! А теперь прощай.

И, перекрестив дочурку дрожащей рукой, умирающая

прижала ее к своему сердцу, коснулась нежного детского личика своими горячими губами и... затихла навеки.

Упала Галя на похолодевшее тело матери, громко-громко зарыдала и стала покрывать руки умершей поцелуями.

Опять пришли старухи, унесли плачущую Галю в другую хатку, а сами стали одевать Галину маму и укладывать ее в гроб.

А Галя сидела в это время одна, вся в слезах...

Увидала звездочка с неба плачущую девочку, ярко засветила в окошко пустой хатки, точно желая утешить сиротинку.

Подняла Галя свои заплаканные глаза к небу, посмотрела на звездочку, протянула к ней руки и прошептала срывающимся голосом:

– Нет моей мамы! Умерла моя мама! Вернись, мама, вернись! Вернись! – И сердечко ее билось, разрывалось на части.

Плакала Галя...

Рассвело. Солнышко встало над Галиной хаткой.

Красивая большая птица опустилась на крышу.

– Кто там плачет? – спросила птица.

Спросила, заглянула вниз, в оконце, и увидела девочку.

– Хорошенькая девочка! – сказала птица, взмахнула крыльями и очутилась на окне возле Гали.

– О чем ты плачешь, девочка? – обратилась птица к Гале

и постучала своим длинным клювом в подоконник.

Галя взглянула на птицу, увидела ее широкие крылья, длинный клюв и добрые, круглые глаза и, сразу почувствовав доверие к большой птице, рассказала ей, заливаясь слезами, все свое горе. Птица пожалела сиротинку и сказала ей:

– Ты одна на свете, я тоже одна. Каждому из нас тяжело и грустно в одиночестве, а вместе, вдвоем, нам легче будет переносить тоску. Садись мне на спину, девочка, и я умчу тебя в такие страны, где стоит вечное лето, где пестреют душистыми цветами огромные, непроходимые леса, где громадные белые цветы растут на берегу реки и смотрятся в нее, любясь своим пышным нарядом. Я умчу тебя туда, где огромные крокодилы выплывают из реки и греются на солнце у берега, а великаны-слоны целыми стадами ходят на водопой. В эту сказочную страну я унесу тебя, девочка. Хочешь лететь со мной?

Галя печальными глазами огляделась вокруг: ей было жаль расстаться и с белой хаткой, и с вишневыми садочками, и с родимой деревней.

Но тут же вспомнила девочка, что нет с нею больше ее мамы, а без мамы и хатка, и вишневые садочки, и родная деревня ей, Гале, не милы...

И, тихо заплакав, сказала птице Галя:

– Унеси меня, большая добрая птица, куда хочешь. Я готова лететь с тобою далеко-далеко. Хоть на край света!..

Едва только успела Галя произнести эти слова, как мигом

очутилась на спине птицы, которая сейчас же взвилась с нею в воздух.

Жутко было лететь первое время Гале. Далеко внизу копошились люди, казавшиеся крохотными букашками с высоты, белели хатки, церкви, мелькали целые города, селения. Птица летела с головокружительной быстротой, поднимаясь все выше и выше. Скоро не стало видно ни домов, ни церквей, ни селений.

Облака носились внизу, отделяя птицу и Галя от земли, от целого мира. Облака наверху, и внизу, и всюду...

Страшно стало Гале, зажмурила она глаза и крепче прижалась к птице.

А та только сильнее замахала крыльями и помчалась еще быстрее, еще выше, к самому солнцу...

– Где мы? – спросила Галя, когда птица с быстротой молнии опустила ее на землю, прямо в роскошный, чудно благоухающий сад.

Белые цветы стройными, красивыми рядами тянулись по бокам аллеи, которая вела к белоснежному дворцу с колоннами и огромной террасой. На террасе находилось много-много людей в пестрых полосатых одеждах, со смуглыми лицами, с бронзовыми телами. Посреди них сидел человек с красной бородой, с обмотанной чем-то белым головою, с яркими губами и таким грозным лицом, что при одном взгляде на него Галя вся затрепетала от страха.

Бронзовые люди кланялись до земли страшному человеку и говорили:

– Ты светел и могуч, ты мудр и прекрасен, ты велик, как никто в целом мире!

А царь – потому что бронзовый человек со страшным взором был царь – упрямо мотал головою, потрясал огненно-красной бородою и отвечал сурово:

– Вы говорите неправду, и говорите все это только потому, что боитесь меня, зная, что одним движением брови я могу лишить вас жизни.

И опять бронзовые люди кланялись до земли и восхваляли своего царя:

– Ты светел и могуч, мудр и прекрасен!

А царь все тряс своей огненной бородою и все говорил:
– Нет, это вы льстите мне, потому что я царь. Не верю вам.

Вдруг у самых ступеней, ведущих на террасу, он увидел девочку и птицу. Увидел и поразился несказанно, откуда могла явиться эта девочка. По лицу его промелькнула улыбка. Точно он догадался о чем-то, точно решил что-то внезапно. И, окинув взглядом придворных, он сказал:

– Вот я спрошу ее, сколько правды в ваших словах.

Потом обратился к Гале и произнес, поглаживая свою красную бороду:

– Скажи мне, девочка, правда ли, что я светел и могуч, мудр и прекрасен?

И уставил на Галю свои страшные, суровые глаза.

Хотела отвечать Галя то же, что говорили бронзовые люди, чтобы не разгневать страшного царя, да вдруг вспомнила про завет матери: говорить одну правду – и твердым голосом сказала:

– Нет, царь. Не светел ты, потому что лицо твое хмуро и сурово. Я видела солнце, которое светло и могуче, от одного его луча идет столько тепла и света! Не знаю, мудр ли ты, но знаю, что тот, кто создал тебя и твоих подданных, мудрее тебя... Нет, ты не прекрасен, царь: человек с такими глазами не может быть прекрасным; я вижу кроткое, ласковое небо, оно – прекрасно, а не ты.

Едва только произнесла последнее слово Галя, как в ужасе

заметались царские приближенные.

– Она с ума сошла! Она больная! – кричали они. – Что говорит она нашему повелителю?!

И они бегали и метались, как стая испуганных птиц. А сам царь нахмурился и стал чернее ночи. Разгневали его слова Гали. Не привык он слышать такие слова и принял ее за безумную.

– Возьмите ее! – приказал он слугам. – Поселите отдельно от всех, и пусть мои лучшие врачи лечат ее. Но не позволяйте ей сноситься с людьми, чтобы они не услышали от нее ее безумного лепета!

И, сказав это, он махнул рукой. Слуги бросились к Гале и готовы были схватить ее, но в это время большая птица взмахнула крыльями, усадила Галю к себе на спину и в одну минуту была уже за несколько верст от белого дворца и бронзовых людей.

– Неси меня туда, птица, – шепнула ей Галя, – где люди любят правду и слушают ее.

И полетели, понеслись птица и Галя в другую сторону, в другую страну.

Долго неслись они по голубому небу, среди белых перистых облачков, высматривая, где бы им спуститься. Спустились они прямо на луг, окруженный лесом, непроходимым и дремучим.

На лужайке, вокруг костров, сидели большие, плечистые люди. Их было несколько тысяч. Среди них стоял юноша,

выше, красивее и стройнее других. У всех за спиной были стрелы, лук, топорики и копья.

Они говорили своему вождю, стройному юноше, вооруженному лучше и богаче других:

– О, великий, смелый вождь! Твой брат собрал большое войско и идет на нас. Он говорит, что половина этой страны – его, что этот лес – его лес, что наши жилища должны принадлежать его воинам, и что он идет отобрать все это. Но пусть он соберет еще больше войска, мы не боимся ничего. Каждый куст в этом лесу знаком нам. Мы окружим лес и нападём на твоего брата, разобьем его войско, а его самого приведем к тебе. Ты можешь убить его или сделать его своим рабом.

– Да, я сделаю его своим рабом, потому что смерть лучше унижения. Пусть же он испытает последнее, чтобы узнать гнев брата своего! – произнес грозно юноша и взмахнул копьем.

Воины испустили дикий крик и завертелись вокруг костра в бешеной пляске. А когда они остановились, чуть не падая от усталости, то внезапно увидели большую птицу с девочкой на ее спине.

Галя уже стояла перед их молодым вождем и говорила, обращаясь к стройному юноше-вождю:

– Юноша, ты не прав! Ты не должен воевать с твоим братом, потому что отец твой, умирая, завещал вам обоим землю эту пополам. Я это знаю. И знаю также, что ты отнял у

твоего брата его половину и прогнал его отсюда. И если твой брат опять идет сюда, то он имеет на это право. А ты не прав, молодой вождь. Ты поступил жестоко и бесчестно!

Юноша-вождь слушал Галю, и чем дальше говорила она, чем смелее становилась ее речь, тем более, тем сильнее трепетал дикий воин. Страх и благоговение отразились на его лице к концу Галиной речи. Он упал к ногам девочки и, ударя себя в грудь, вскрикнул страшным голосом:

– О, мои воины! Мои храбрые воины! Падите ниц! Сам Великий Дух посылает нам это дитя! Сам Великий Дух говорит ее устами! Она видит мое сердце и знает мои помыслы. Видит всю правду и бесстрашно высказывает ее мне, вашему могучему вождю. Никто до сей поры не смел мне высказать правды. Значит, сам Великий Дух посылает ребенка на землю! Она посол Великого Духа! Сюда, ко мне, жрецы и прорицатели! Восхвалите девочку, отведите ее в наш храм, посадите ее на трон первого жреца, зажгите перед ней благовонные курева и служите в честь ее, в честь вестницы правды! А я и мои воины кланяемся ей до земли!

И юный вождь упал на колени. За ним упали и все его воины. Из дремучего леса вышли седобородые старцы. Они ударяли в огромные раковины и производили ими странные, непонятные звуки.

Седобородые старцы приблизились к Гале и, кланяясь ей до земли, говорили:

– О светлая посланница Великого Духа! Пойдем с нами

в наш храм. Там твое место. День и ночь ты будешь жить в храме, и голубой дымок в честь твою понесется из наших каминов благовонной струей. И мы будем петь тебе священные песни и украсим тебя цветами. Ты будешь царицей нашего храма.

И они осторожно взяли под руки Галию и хотели ее увести в дремучий лес, где у них между деревьями скрывался их храм.

Ужас и страх наполнили разом сердце Гали.

– Где же правда, – вскричала она трепещущим голосом, – если люди кланяются человеку и считают его божеством? Где же правда, если правдивое слово здесь так дико, что сказавшую это слово простую, маленькую девочку приняли за посланницу Бога? Нет, не хочу я ни почестей, ни славы... Сюда, ко мне, большая птица, унеси, умчи меня отсюда!

И большая птица уже тут как тут: расправила крылья, подхватила Галию и умчала ее снова в небо высоко-высоко, оставив пораженных ужасом воинов и жрецов.

И снова несутся большая птица и Галя между солнцем и облаками.

Наконец утомились, спустились на землю. Слышат дивную музыку, веселый смех и шутки, громкие и радостные голоса.

– Неси меня туда, птица, откуда слышатся музыка и голоса, – попросила Галя.

Через минуту увидели они роскошный, ярко освещенный замок на берегу озера. Замок стоял над водой, на высокой скале, нависшей над темным и бурливым озером.

В замке огни, музыка, веселье.

Роскошно одетые кавалеры, еще более нарядные красавицы дамы движутся в плавном и красивом танце. Парча, золото и драгоценные камни – все смешалось, все горит, блестит и сверкает не меньше огней хрустальных люстр, подвешенных к потолку зала.

Впереди всех выступает, об руку с красивым и нарядным рыцарем, сама королева, владелица этого замка и всей страны, в которую залетела Галя со своей птицей.

Ах, как хороша королева! Глаза у нее темно-синие, как вода в том озере, что шумит под окнами замка, и блестят они, как та драгоценная диадема, что горит, переливается алмазами и яхонтами на ее белокурых кудрях. И личико королевы совсем как у ребенка: тихое, кроткое, безмятежное.

«Какая ласковая, какая милая королева! – подумала Галя. – Верно, в ее стране живет правда, верно, она любит правду, и хорошо живется всем подданным такой доброй королевы!»

Едва только подумала это девочка, как сквозь шум музыки и веселый смех танцующих чуть слышно донесся до нее какой-то глухой, тихий стон.

Вздрыгнула Галя, насторожилась.

Стон повторился. Он несся из зеленой чащи сада, скрытой

ночной темнотой.

– Полетим туда, милая птица, узнаем, кто это стонет! – взволнованно прошептала Галя.

И они помчались от залитого огнями замка в темный сад, в ночную тьму.

Стон становился все слышнее и явственнее по мере того, как Галя со своей птицей углублялась в чашу сада. Бледный серп месяца выглянул из-за тучи и осветил крошечную полянку. Там, у ствола большого дерева, стояла молодая девушка с бледным, измученным лицом. Ее руки и ноги были крепко стянуты толстыми веревками, которыми она была привязана к дереву. Ее лицо носило следы тяжелых страданий.

– Что с тобою? Кто привязал тебя здесь? И почему ты стоишь? – спросила девушку Галя.

– Я служанка красавицы-королевы, – чуть слышным от слабости голосом прошептала девушка. – Той красавицы-королевы, которая танцует и веселится там, в замке. Она приказала привязать меня к дереву и заморить голодом, потому что три дня тому назад я осмелилась сказать ей, что рыцарь, которого она избрала в женихи, не любит ее и желает жениться на ней затем только, чтоб стать королем. Я это знаю. Это правда. И за эти слова правды я должна умереть голодной смертью.

Сказав это, девушка глухо и жалобно простонала.

Галя вся задрожала от волнения.

– Скорее! Скорее, моя птица, поспешим в замок, – заговорила она, – поспешим к королеве, пока еще не поздно освободить несчастную девушку и спасти ее от лютой смерти!

И быстрее ветра помчались они в замок.

Словно гром небесный грянул над танцующими, так ошеломило их появление большой птицы и маленькой девочки среди зала. Музыка умолкла. Пары остановились. В одну минуту Галя очутилась перед красавицей-королевой.

– Королева! – сказала девочка дрожащим голосом. – Выслушай меня: ты тут танцуешь и веселишься, а там, в саду, умирает твоя служанка. Нехорошо это, королева! Ведь твоя служанка сказала правду. Нельзя веселиться, когда делаешь зло своему ближнему. Прикажи освободить несчастную девушку, и тогда пускай снова играет музыка, танцуют пары и звучит веселый смех твоих гостей, королева! Нехороша та повелительница, которая так жестоко наказывает за правдивое слово.

Закончив свою речь, Галя взглянула на королеву да так и обмерла от ужаса. Что случилось вдруг с красавицей-королевой? Глаза у нее разом почернели и округлились, как у вороны, лицо позеленело и покривилось, губы перекосились, и вся она стала вдруг отталкивающей и безобразной.

– Ничтожная, жалкая девчонка! – закричала на Галю королева, затопав ногами. – Как смеешь ты порицать меня! За это ты должна немедленно умереть!

И сейчас же приказала страже бросить Галю в озеро. Стра-

жа исполнила приказ своей королевы, схватила Галю, подтащила ее к окну и бросила вниз, прямо туда, где глухо шумели темные воды большого озера.

Упала в озеро Галя, погрузилась в холодные волны и опустилась, мертвая, на самое дно. И, наверное, она стала бы добычей молодых смеющихся русалок, если бы большая верная птица не метнулась следом за нею и не вытащила из воды маленькую утопленницу.

Схватила большая птица своим сильным клювом мертвую Галю и быстро поднялась с нею от земли и озера высоко-высоко к небу... А там уже ждали Галю... Ждали ее прекрасные белые существа, мальчики и девочки с серебряными крылышками за спиной. Увидели они птицу с мертвою девочкою в клюве, подхватили Галю на руки и понесли в небеса.

Недолог был путь маленьких крылатых существ.

Внезапно послышалась дивная музыка. Незримый хор запел чудесную, сладкую песнь.

Принесли крылатые дети в роскошный небесный сад Галю, положили на душистую полянку, сплошь покрытую ароматными листьями и розами, и, встав вокруг нее, запели звонкими красивыми голосами, какие могут быть только у ангелов:

– Проснись, пробудись, милая Галя! Ты попала в царство правды, одной правды, чистой и прекрасной, которой не встретишь на земле! Проснись, милая, маленькая Галя!

Но Галя не слышала пения ангелов, не чувствовала аромата цветов. Тогда, не переставая петь, крылатые дети полетели высоко за облака и через минуту вернулись снова, ведя за руку высокую женщину в белой одежде, кроткую и прекрасную, как голубка. Женщина склонилась над мертвой Галей и нежно обвила ее тонкими руками. Две слезы капнули из ее глаз прямо на сердце Гали, и вдруг это сердце ожило, затрепетало. Открыла глаза девочка, взглянула перед собой и вскричала радостным голосом, узнав склонившуюся перед нею женщину:

– Мама! Мама моя!

– Галя! Моя Галя! – прошептала белая женщина. – За твою правду Господь соединил меня снова с тобою, чтобы никогда, никогда уже нам не разлучаться больше. В царство правды примчала тебя большая птица, в то царство, где живет радостная и торжествующая правда!

И мама крепко обняла свою девочку и целовала ее без конца, без счета. Роскошный сад благоухал, и бледноликие ангелы пели гимн о Галиной правде.

А большая птица снова полетела к земле и людям, желая найти во что бы то ни стало правду там, на земле. Полетела одна, без Гали, упрямая птица. А Галя осталась с мамой в лазурном царстве.

Давно это было...

Сказка про Ивана, искавшего счастье

Жил на свете Иван.

Жил он в богатом селе, с широкими прямыми улицами, с тесовыми новыми домами, с чистенькими двориками и тенистыми садами перед каждым домом, – словом, в таком селе, где все люди довольны и незнакомы с нуждой.

Сам он был парень молодой, здоровый, пригожий.

Были у Ивана отец с матерью, сестра с братом. Было все у Ивана, что необходимо человеку в жизни: и платье хорошее, новешенькое, и сапоги, и картуз всегда с иголочки. И сыт он был всегда, и денежки у него водились. Чего же, кажется, больше?

Жить да поживать бы Ивану, благо всем наделен: добрыми родителями, любящими братом и сестрой, достатком, довольством, всем.

Ан не тут-то было.

Услышал как-то Иван, как люди о счастье спорили.

– Что такое счастье? – спросил Иван у людей.

Ему объяснили:

– Это такое, что ищи – не отыщешь, лови – не поймаешь, схвати – не удержишь. А само оно придет тогда, когда его меньше всего ожидаешь, и поселится так, что никуда не выгонишь, пока само не уйдет.

Так пояснили Ивану люди.

– Ну это вздор! – произнес Иван. – Если захочу – отыщу счастье, поймаю его и принесу с собой.

– Ан не принесешь! – заспорили люди.

– Ан принесу! – возразил Иван.

Он был очень упрямый, и что ему в голову взбредет – сейчас же приводит в исполнение. Так и сейчас.

Надел шапку, привязал котомку за плечи, взял палку и пошел бродить по свету упрямый Иван.

Пошел искать счастье.

Идет по большой дороге и смотрит вниз, себе под ноги, не валяется ли случайно кем-нибудь оброненное счастье.

Шел, шел и пришел в большой город. Пришел и присел отдохнуть у городской заставы.

Сидит, отдыхает, песню поет. Ах, хорошо поет! Про село большое, про тенистые садочки, про речку голубую, быструю.

Голос его так в душу и просится. Чудесный голос у Ивана. А вокруг него толпа собирается. Большая толпа. Стоят кругом, молчат, прямо в рот ему смотрят, слушают.

А Иван и внимания на толпу не обращает, поет себе да поет.

Вдруг вышел из толпы кругленький человечек, подошел к Ивану, ударил его дружески по плечу и говорит:

– Много я голосов на своем веку слышал, а такого не слышал. Соловей ты. Так поешь, что заслушаться можно. Такой голос – это целый клад. Хочешь, одену тебя в шелк и

бархат, озолочу тебя, денег буду давать столько, что во всех твоих карманах не уместятся. А ты только пой да пой. А я уж так устрою, что будут приходить тебя слушать и короли, и принцы, и важные сановники. Захочешь, чтоб плакали они, – запоешь печальную песню; захочешь, чтоб смеялись, – веселую запоешь... И слава про тебя как великого певца прогремит на весь мир. Везде и всюду люди с почетом тебя будут встречать, с почетом провожать. И ничего тебе для этого не надо будет делать, как только петь да петь...

А Иван смотрит на кругленького человечка и только посмеивается. Очень-де нужны ему почет, слава и золото, когда он счастье пошел искать!

И, поднявшись со своего места, нахлобучил картуз Иван и пошел прочь из города, по дороге к лесу.

Вот и лес... С песенкой веселой путь короче кажется.

Огромные великаны-деревья на пути Ивану попадаются. Зеленые ветки к нему протягиваются. Смотрит Иван на ветки и думает: «Не запуталось ли где-нибудь счастье в ветках?»

Смотрит да смотрит... А счастья-то нет. Но тут нечто иное привлекает внимание Ивана.

Выскакивает из чащи леса всадник на быстром коне. Одет всадник роскошно, по-королевски, в пышный кафтан с золотым поясом. На голове дорогая шляпа с пером. Лицо у всадника покрыто смертельной бледностью. В глазах испуг. И видит Иван, что огромный бурый медведь гонится следом за

всадником, догнал коня, бросился на него сзади и разом обхватил всадника своими страшными лапами. Раздался отчаянный крик, потом оглушительное рычание зверя...

Иван ясно видел, что еще минута – и всадник погиб. Тогда в два прыжка он очутился подле, выхватил меч из-за пояса растерявшегося всадника и изо всей силы ударил им медведя по голове.

Новое оглушительное рычание потрясло воздух, и в следующую же минуту, распростершись на земле, лежал мертвый медведь.

Всадник сошел с коня и приблизился к Ивану.

– Ты спас мне жизнь, – произнес он взволнованным голосом, – спас жизнь короля. Я – король и по-королевски хочу наградить тебя за храбрость, за твой подвиг. Иди со мной в мою столицу. Будешь жить у меня в королевской почести, я наделю тебя королевской властью, а после моей смерти ты будешь королем моего государства.

Но Иван только головой покачал в ответ.

К чему ему королевская власть? Он пошел искать счастье, а не королевскую власть.

И с поклоном Иван отказался от предложенной ему чести.

Очень он был упрямый, и уж больно хотелось ему найти счастье.

Идет дальше, палкой помахивает да глазеет по сторонам.

Вышел из лесу. Видит село по дороге.

На краю села колодец.

У колодца девушка стоит, и такая красавица, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

Посмотрела на Ивана красавица. С первого же взгляда он ей понравился: рослый, статный, широкоплечий, ну как есть богатырь.

И чем больше смотрит на него девушка, тем больше им любуется.

А запел свою песню Иван, так и замерло сердце у красавицы.

Не то соловей поет, не то Божий ангел.

Взяла девушка за руку пригожего певца и говорит:

– Давно я о таком женихе мечтала. Ты мой суженый. Пойдем к отцу и к матери, пусть благословят на брак с тобою.

А Иван смотрит на красавицу, любуется ею, уж очень его красота девушки поразила, а сам только тихонечко головой качает.

– Нельзя мне оставаться с тобой, странствовать я должен, дело у меня есть, – говорит он тихим голосом, а у самого сердце так и замирает.

Очень уж полюбилась ему красавица. Жаль уйти от нее.

И все-таки ушел упрямый Иван.

Пошел счастье искать.

Ходит да ищет. Ищет да ходит.

В лесах ищет, на полях, в селах, деревнях и в больших городах, на площадях и на улицах... И все-таки не находит.

Ходил, ходил, весь свет обошел и вернулся снова в родное село.

Много лет прошло с тех пор, как ушел он отсюда счастье искать. Родители умерли, сестра замуж вышла, брат женился.

Едва его узнали в селе – так он постарел, почернел, оброс бородою.

– Не нашел счастья... Всюду искал... Знать, обманули вы меня! – с горечью стал упрекать он людей, с которыми беседовал перед своим уходом. – Нет счастья на земле! Одни это выдумки про счастье. Есть слава, есть власть, есть любовь, а счастья нет!

И стал он рассказывать тут же, как предлагали ему славу, власть и любовь. Про встречу с кругленьким человечком, с молодым королем, с красавицей девушкой рассказал людям Иван.

А как узнали про все люди, так и закачали головами.

– Глупый ты, глупый, Иван. Мир исходил, а ума не нашёл, – говорили они, – ведь в руках у тебя было счастье, а ты сам упустил его. Три раза оно к тебе попадало, и три раза ты его оттолкнул от себя.

И качали головами люди, удивлялись несмышленому Ивану.

И говорили между собой:

– Нет, счастье глупому не впрок.

А Иван смотрел на них и удивлялся: где они увидели сча-

стье в его рассказах?

А когда люди ушли, уселся Иван на камне, у опушки леса, и стал вспоминать про свои встречи, о которых он только что рассказал. Уселся да стал думать, почему люди решили, что он три раза оттолкнул счастье.

Думал-думал, да так ничего не надумал.

Глупый был Иван и упрямый.

Очень глупый...

Веселое царство

Ха-ха-ха!

Хи-хи-хи!

За десятки, за сотни, за тысячи верст раздавались громкие раскаты веселого, беззаботного смеха. Раздавались с утра и до вечера, с заката и до восхода солнца, раздавались без перерыва.

Это смеялись жители Веселого царства.

Странное, совсем особенное это было царство. Другого такого нет, не было и не будет на земле.

Очень занятное царство. Там никто никогда не горевал, не плакал, не жаловался, не печалился, не болел. Там все смеялись, смеялись постоянно, смеялись без усталости. Ходили – и смеялись, сидели – и смеялись, работали – и смеялись, говорили – и смеялись, даже... спали – и смеялись.

Только и слышно было: «ха-ха-ха да хи-хи-хи!»

В Веселом царстве не было ни горя, ни забот. Его жители не знали ни нищеты, ни грусти; они никогда не болели, не страдали и доживали, веселые и довольные, до глубокой старости. Рождались со смехом и умирали со смехом, передавая своим потомкам способность вечно смеяться.

Веселее всех смеялся царь Веселого царства. Веселая улыбка так и не сходила с его лица; на высоком его лбу никогда не видно было морщинки грусти, а глаза царские по-

стоянно искрились смехом – добрым, веселым смехом.

Просыпался утром веселый царь и со смехом звонил в колокольчик. Со смехом появлялись царские слуги.

– Давайте одеваться. Хи-хи-хи! – командовал царь.

– Извольте, ваше величество. Ха-ха-ха! – заливались слуги.

Одевшись, царь выходил на балкон своего дворца послушать, как смеются подданные в его столице.

По улицам бежали смеющиеся люди, со смехом возницы предлагали прохожим свои услуги, со смехом торговцы продавали свои товары...

Все смеялись... Все... И взрослые, и дети, юноши и старцы, господа и слуги, генералы и солдаты, богатые и бедные... Точно серебряный звон стоял над Веселым царством, точно там праздновался постоянно светлый, радостный праздник – так были все счастливы и веселы.

И вдруг однажды в это царство радости, довольства, счастья и смеха забрела старая, худая, согнутая в три погибели старуха – такая, какой никогда не видывали в Веселом царстве. У нее было мрачное, печальное лицо, глаза какие-то растерянные, полуслепые от слез, а щеки ввалились от худобы. Седые космы редких волос выбивались у нее из-под платка.

– Хи-хи-хи! Что за странная старуха! – удивлялись счастливые люди Веселого царства. – Ха-ха-ха! Кто ты, бабушка? – спрашивали они.

– Мое имя Нужда, – произнесла она глухим замогильным голосом. – Пришла я к вам из соседнего государства, где живут мои сестры: Горе, Болезнь, Печаль, Голодуха, Страданье. Мы все постоянно странствуем из одного места в другое, а в иных местах подолгу остаемся. В вашем царстве ни одна из нас еще не бывала, вот я и решила заглянуть к вам, чтоб убедиться, нельзя ли мне как-нибудь здесь пристроиться. Но вижу, что мне здесь не житье: все вы тут сытые, довольные, веселые.

– А ты умеешь смеяться? Ха-ха-ха! Умеешь? – зазвенело, загудело на разные голоса вокруг нее.

Старуха гордо выпрямилась. Ее глаза гневно блеснули.

– Я не умею смеяться, и не хочу смеяться, и ненавижу смех, – строго проговорила она. – Нужда не должна смеяться. Она плачет. И если бы я осталась у вас, то скоро научила бы и вас плакать.

– Плакать? – с удивлением переспросили веселые люди. – Нет, старуха, это ты напрасно думаешь. Ха-ха-ха! А вот мы заставим тебя смеяться, увидишь – заставим.

– Никогда! – сурово оборвала их старуха Нужда.

– Нет, заставим. Непременно заставим, – повторили несколько раз веселые люди. – Ха-ха-ха! Давай сейчас смеяться. Слышишь?

– Никогда! – вновь повторила Нужда. – И не требуйте от меня, чтоб я смеялась: если засмеюсь, беда вам будет.

– Ха-ха-ха! – ответили веселые люди. – Разве от смеха мо-

жет быть беда? Нет, бабушка, ты должна с нами смеяться. Ну-ка, начинай!

– Не буду! – угрюмо повторила опять старуха.

– Ну, хоть немножко!

– Никогда! – вновь повторила Нужда.

Как ни старались веселые жители Веселого царства рас- смешить старуху Нужду, их старания ни к чему не привели.

Рассердились, наконец, веселые люди, но рассердились, конечно, по-своему, по-смешному.

– Не смеяться в нашем Веселом царстве, а грустить и печалиться, когда мы все смеемся, – это преступление, – говорили они. – Мы этого так не пропустим и отдадим тебя, старуху, под суд. Пусть умные судьи решат, как быть с тобою.

И недолго думая, они подхватили старуху и потащили ее в суд.

– Ха-ха-ха! В чем провинилась эта старушенция? – спросили судьи, когда привели Нужду в большую комнату, в которой заседал суд.

Веселые люди рассказали, что старуха заупрямилась, не хочет ни за что смеяться.

Стали судьи совещаться – как быть, какое придумать для печальной старухи наказание. Совещались они, конечно, смеясь и хохоча. Смеялись при этом не только судьи, но и стража, стоявшая у дверей, смеялись писцы, записывавшие решение суда, смеялись сторожа, привратники. Одна Нужда не смеялась.

Долго-долго советовались судьи, наконец, обратились к Нужде с такой речью:

– Слушай, старуха. Ты лучше раскайся и засмейся. Тогда мы тебя простим. Ха-ха-ха!

Но Нужда с гневом отказалась от такого предложения. Не станет она смеяться. Ни за что не станет! Никогда не смеялась и не будет смеяться. Ее дело – печалить людей, и не к лицу ей смех.

– А мы все-таки тебя заставим смеяться, – хохотали судьи. – А не захочешь, накажем тебя со всею строгостью законов Веселого царства.

– Наказывайте! Я ничего не боюсь! – надменно заявила упрямица.

Опять стали совещаться судьи. Словно пчелиное жужжание повисло в воздухе, так они спорили и гоготали, прерывая постоянно свою речь смехом.

Кончили, наконец, совещанье и вынесли такой приговор: – Так как старуха, несмотря на все увещания, упрямится и не хочет смеяться, то немедленно выслать ее за пределы Веселого царства и не позволить ей ни минуты оставаться среди веселых людей.

Нужда молча выслушала этот приговор. Но веселые люди, которые привели ее в суд, остались недовольны приговором.

– Что это за наказание? – кричали они. – Нет, надо непременно заставить смеяться старуху. Непременно надо. Судьи неверно решили дело! – И они потребовали, чтобы были

призваны другие судьи, которые придумали бы старухе иное наказание.

Это желание было тотчас исполнено. Опять собрались судьи, опять совещались, спорили и вынесли такой приговор:

– Закрывать все заставы Веселого царства и не выпускать старуху до тех пор, пока она не станет смеяться.

Но веселый народ и этим приговором остался недоволен.

– Ха-ха-ха! – кричали веселые люди на разные лады. – Разве такой приговор подействует на упрямую старуху? Ничуть. Нет, видно, судьям не решить этого дела. Отправимся мы лучше к нашему королю: он сумеет приказать старухе смеяться. Ха-ха-ха!

И они бросились к Нужде, подхватили ее и потащили во дворец.

– Царь! Милостивый и справедливый! – кричали веселые люди, толпясь вокруг жилища любимого царя. – Выйди к нам. Мы привели к тебе старуху-странницу Нужду, которая пришла в наше царство с печальным лицом и не хочет смеяться с нами. Прикажи ей, царь, смеяться.

Царь вышел к толпе, приблизился к старухе и, громко смеясь, произнес:

– Старуха, смейся!

– Не буду! – угрюмо отозвалась Нужда.

– Тебе говорят, смейся!

– Ни за что.

Царь хотел сделать строгое лицо и... не мог. Оно так и прыгало от смеха.

А старуха становилась с каждой минутой все угрюмее, все мрачнее.

Подумал веселый царь, как и чем заставить старуху исполнить желание народа – рассмеяться, и, наконец, сказал:

– Слушай, бабушка Нужда. В наказание за твое упрямство я лишаю тебя самого дорогого, что только может быть на свете: отныне я запрещаю тебе раз и навсегда смеяться. Как бы весело тебе ни было на душе, – ты лишена впредь возможности смеяться. Страшное это наказание! Ты его почувствуешь, старуха, потому что как рыба не может жить без воды, как никакая земная тварь не может существовать без воздуха, так человек не может жить без смеха. А ты, Нужда, лишена отныне этого великого блага.

Ха-ха-ха!

– Ха-ха-ха! – раздались в ответ на это громовые раскаты смеха веселого народа, очень довольного умным приговором своего короля.

Вместе с народом расхохоталась, вопреки всем ожиданиям, и сама старуха Нужда.

Расхохоталась хриплым, замогильным, отвратительным своим смехом, таким громким, что он заглушил смех тысяч веселых людей.

Расхохоталась потому, что такого наказания никак не могла ожидать старуха Нужда.

Ее лишили того, к чему она чувствовала непреодолимое отвращение, того, что она сама терпеть не могла... Ей, которая никогда в жизни не смеялась, запрещали смеяться! Это было так ново, необыкновенно и смешно, что Нужда не выдержала и расхохоталась первый раз за свою долгую жизнь.

За ней расхохотался король.

За ним воины, стража, народ.

И отовсюду стали раздаваться раскаты смеха.

Но всех громче смеялась сама старуха Нужда.

Странно, однако: чем громче смеялась она, тем тише становился смех окружающих ее жителей Веселого царства...

И лица у них, всегда такие веселые, довольные, становились все серьезнее и серьезнее. Как ни старались они по-прежнему хохотать, смех у них выходит какой-то сдавленный, невеселый.

А старуха Нужда смеется все громче да громче, приплясывает, скачет.

Прошел день, другой, третий – и в Веселом царстве не слышно уже раскатов смеха. Раздается только странный, хриплый, неприветливый хохот старухи Нужды.

Прошло еще некоторое время – и в Веселом царстве совсем не стало слышно смеха. Люди точно разучились смеяться.

Даже король и тот не смеялся больше. Лицо у него стало грустное-прегрустное, а глаза, которые умели только улыбаться, теперь блуждающе смотрят вдаль, где старуха Нужда,

переходя из дома в дом, все смеется, скачет, приплясывает. И где только она покажется, люди больше не смеются.

– Перестань же, старуха! – кричат ей.

Но старуха не унимается.

– Ха-ха-ха! Заставили вы меня смеяться, – отвечает она, – теперь я не могу перестать...

И с тех пор Веселое царство превратилось в царство Грусти.

Мельник Нарцисс

Стояла мельница над синей рекой, стояла и пела. И все в ней пело: и вода, и тяжелые жернова, и сам мельник, юноша восемнадцати лет, которого звали Нарциссом.

Мельник-юноша пел громче и слаще всего. Хорошо пел. Люди слушали его и говорили:

– Ровно птица небесная поет-заливается Нарцисс.

И правда их была. Серебряным ручьем, арфой невидимой, золотой, ангельским голосом заливался мельник Нарцисс.

Был он на свете круглым сиротой. Не помнил ни отца, ни матери. Умерли они рано. Было ему, Нарциссу, несколько месяцев в то время. Старый мельник пожалел сироту-мальчика, взял его к себе, воспитывал, точно родного сына, а умирая, оставил мельницу Нарциссу. И вот на мельнице стал хозяйничать сам Нарцисс. Хозяйничает и поет.

Ах поет!

Птицы Божьи завидуют его голосу звонкому. Люди не удивятся его веселому, счастливому, всегда довольному лицу.

– И чего он весел, – спрашивают, – и чего заливается? У других забота и печаль, а у него песня звонкая да радостная улыбка не сходят с уст. А сам сирота, одинок и беден как церковная мышь. Что толку, что есть у него мельница? Зерна ему молоть возят мало и платят немного – бедные люди

кругом живут, платить больше не могут, не из чего! А ему и горя мало. Поет, соловьем разливается – даром что впроголодь живет.

Услыхала про веселого, довольного мельника злая, коварная колдунья Урсула и захотела увидеть воочию людскую радость. Спряталась она под мельничное колесо и стала поджидать диковинного мельника, что так доволен своей судьбой. Известное дело: злая колдунья не может смотреть без зависти на счастливых, довольных людей.

Видит: действительно счастлив и доволен своей судьбой мельник и весело улыбается и поет, поет.

– Ну, постой же ты, милый! – прошипела себе под нос колдунья. – Перестанешь ты петь у меня.

И в один миг закружила, околдовала мельника Нарцисса и нагнала на него очарованный сон. Заснул мельник и видит себя во сне королем: на нем золотая корона, вокруг него послушная свита, перед ним несметные богатства хрустального дворца.

И радостно-радостно забилося сердце Нарцисса! Еще бы! Худо ли быть могущественным королем?

Но недолго длился сладкий сон.

Проснулся мельник – и ни дворца, ни свиты, ни сокровищ перед ним нет. Только стоит девушка неземной красоты. Смотрит и улыбается ему.

Это злая Урсула превратилась в красавицу, чтобы не напугать мельника своим безобразным, отталкивающим, злым

ЛИЦОМ.

Нарцисс вытаращил глаза и лепечет в недоумении:

– Кто ты?

– Нет! Лучше скажи мне, ты кто? – засмеялась звонким голосом мнимая красавица.

– Я мельник! – отвечал Нарцисс, – а был только что королем. Ах, хорошо было! – вздохнул он, с сожалением вспоминая о чудесном сновидении.

– Что ж? Разве так сладко быть королем? – спросила красавица, то есть Урсула.

– Ах, сладко! – отвечал Нарцисс. – Так сладко, что, кажется, все бы отдал, чтобы хоть годик побыть королем. Всюду тебе почет, всюду покорность! Денег – куры не клюют, ешь вкусно, сладко, с серебряной посуды, пьешь из золотых кувшинов. То-то хорошо! А живешь-то во дворце, в хрустальных палатах, сам одет в шелк и бархат, шляпа с пером, сапоги со шпорами. Чудо что такое!

Улыбнулась Урсула.

– Хочешь, сделаю тебя королем?

Глаза у мельника засияли как звезды. Весь он вспыхнул от счастья и хотел даже запрыгать на радостях, да ноги у него подкосились, и он упал на траву.

Упал и... сладко заснул в тот же миг. А злая Урсула наклонилась над ним, протянула руку и зловещим голосом зашептала:

Стань, обернись,
Опять закрутись,
Назад оглянись
И мне поклонись.
А как встанешь и проснешься,
О былом не заикнешься,
Все минует долгим сном –
Станет мельник королем...

Проснулся мельник, смотрит удивленно кругом и видит: лежит он на лебяжьей перине, на широкой постели, под бархатным балдахинном с золотыми кистями. Над постелью королевская корона. Простыни – из тончайшего шелка, обшитые трехаршинными кружевами по краям. Одеяло – атласное, шитое золотом, легкое, как пушинка. А кругом толпятся слуги, важные-преважные, почтенные, седые. В былое время иного такого слугу бедный мельник, наверное, принял бы за важного господина, а теперь? А теперь без всякого стеснения протянул слугам свои голые ноги и коротко произнес:

– Обувайте!

Засуетились слуги, преклонили колена и стали с великой осторожностью натягивать на ноги мельника шелковые чулки. Точно это и не ноги были, а две хрустальные вазы, которые они опасались разбить.

Потом они подали королю-мельнику туфли с бриллиантовыми пряжками и исподнее платье. Нарцисс не двинул ни рукой, ни ногой, пока его одевали, и только поворачивал-

ся вправо и влево, как кукла на пружинах. Все делали за него другие. Когда наконец его одели, вошли два маленьких негра-невольника и внесли серебряный жбан с водой. Слуги умыли короля и повели в столовую.

В столовой его ждал обильный завтрак. Каких только яств не поставили на стол!

Нарцисс подошел к столу и уже приготовился схватить с тарелки лучший кусок, как неожиданно предстал перед ним высокий старик, в темном одеянии, с очками на носу.

– Не извольте этого кушать, ваше величество, а то расстроите ваш драгоценный желудок, – произнес он и почтительно отвел руку короля от жирного куска.

Тогда Нарцисс схватился за другое блюдо.

Но велик же был его гнев, когда доктор (высокий человек в очках был придворный врач, лейб-медик) снова почтительно остановил его.

– Это вредное кушанье для вас, ваше величество, – сказал он и прибавил: – Не понимаю, куда смотрит гофмейстер, ведь такие блюда нельзя кушать королю.

И вместо вкусных яств подвинул Нарциссу стакан молока и два крошечных кусочка белого хлеба, прибавив, низко кланяясь:

– Здоровье короля – счастье его подданных. А поэтому вашему величеству необходимо беречься для счастья вашего народа! Я же поставлен для того, чтобы постоянно следить за вашей едой, и обязан наблюдать, чтобы вы, государь, слу-

чайно не скушали что-нибудь вредное или слишком много.

Нечего делать, пришлось Нарциссу довольствоваться мо-
локом.

– Я хочу идти гулять! – вскричал Нарцисс весело, покон-
чив с завтраком.

Но тут человек десять каких-то седовласых людей окру-
жили его тесной толпой.

– Ваше величество, не угодно ли вам будет заняться спер-
ва государственными делами? – произнесли они, чуть ли не
до земли склоняясь перед ним.

Король не может отказываться от государственных дел, и
Нарцисс должен был покориться. Он пошел за седовласыми
старцами в огромную комнату, которая называлась королев-
ским кабинетом. Здесь король и его седовласые советники
принялись решать важные государственные дела.

Солнце, сияя вовсю, смотрело в окна. Толпы гуляющих
сновали по улицам. Деревья приветливо шумели за окнами,
точно хотели сказать:

– Брось свои дела, король, и ступай к нам на волю, на про-
стор!

И молодому королю неудержимо захотелось выбежать из
скучного кабинета, от скучных дел и скучных советников. А
они точно не замечали его нетерпения, все говорили, гово-
рили, говорили без конца. Наконец все встали и с низкими
поклонами вышли из королевского кабинета.

Молодой король сразу ожил.

– Гулять! Гулять! В поля! В лес! На волю! – запело и заливовало все внутри его.

Он затаил было свою песенку, но тотчас вспомнил, что он теперь король и что королям не полагается петь веселые песенки, и замолк.

На пороге королевского кабинета появилась блестящая свита молодого короля.

– Ваше величество, желаете гулять? Лошади уже готовы и ждут у подъезда.

И ближайшие сановники, приняв под руки Нарцисса, осторожно и бережно, как больного, свели его с лестницы.

Нарцисс был неприятно поражен, увидев у крыльца карету.

Ему хотелось побегать по лесу и полю, а тут сиди в закрытом ящике и любуйся миром сквозь стеклянные окна.

«Ну по крайней мере хоть вдоволь смогу насладиться быстрой ездой!» – подумал король и... ошибся.

Карета едва двигалась вперед, так как народ, желая полюбоваться своим королем, наполнял улицы, теснился вокруг экипажа и не давал ходу карете. Притом люди неистово кричали «ура», так что звон стоял в ушах Нарцисса, и он был рад-радешенек, когда экипаж снова остановился у дворцового подъезда, и свита бережно проводила его в столовую, где уже было накрыто к обеду.

Стол ломился от роскошных яств, но королевский гоф-

мейстер накладывал самые маленькие порции на тарелку короля. И Нарцисс, при всем желании наесться вкусных блюд до отвала, остался почти голодный.

Сердитый и недовольный поднялся он из-за стола.

– Я хочу в сад! – резко произнес он, ни к кому не обращаясь.

– О, ваше величество, к сожалению, желание ваше невыполнимо, – с самым изысканным поклоном произнес гофмейстер, – уже поздно, и вы едва успеете приготовиться к балу, который назначен в девять часов.

Нарцисс топнул ногой от гнева, но все-таки пошел одеваться.

Целый десяток слуг засуетились снова вокруг него. Его усадили перед зеркалом. Явился парикмахер и стал в пышные кольца завивать красивые волосы Нарцисса.

Потом его одели в узкий костюм, весь обшитый золотом и унизанный дорогими камнями. С непривычки носить подобные одежды Нарцисс жался, подергивался и гримасничал. К тому же он устал. Ему было тесно и душно в новом платье. Пот градом лился с его лица.

Одевание, продлившееся добрых два часа, наконец окончилось.

Под звуки музыки, окруженный блестящею свитой, король Нарцисс проследовал в залитую огнями залу.

Когда он проходил по залу – все низко ему кланялись, но никто не решался заговорить с ним, никто не осмеливал-

ся подойти к нему, так что Нарциссу, в конце концов, стало скучно, и он начал уже зевать.

Заметив это, придворные подвели к королю-мельнику высокую некрасивую девушку и сказали, что это дочь могущественного царя и что королю следовало бы открыть бал с нею.

Дама не понравилась Нарциссу. Она была чересчур высока ростом и угловата. Но он все-таки прошел с нею один раз по зале. Он хотел затем пригласить ее на тур вальса, но гофмейстер предупредительно шепнул ему на ухо, что королю не полагается плясать.

Едва гофмейстер удалился, как к Нарциссу подошел ближайший сановник и тихо сказал:

– Сегодняшний бал – самый подходящий для вашего величества, чтобы выбрать себе невесту. Дочери всех королев, герцогов и принцев собрались в вашем дворце. Остается, государь, выбрать из них ту, которую вы считаете достойной стать королевой.

Нарцисс улыбнулся. Он не прочь был жениться на молоденькой, хорошенькой девушке. Быстрыми глазами он обжегал круг своих знатных гостей, королевен, княжен и герцогинь. Но, к своему глубочайшему огорчению, не нашел ни одной, которая покорила бы его своей красотой.

Все принцессы, герцогини и королевны были пышные, одеты в нарядные, туго зашнурованные платья. Их талии ка-

зались тонкими, как у ос, и они едва дышали в своих узких корсетах. Их лица были густо набелены и нарумянены. Огромные безобразные прически не шли им, отягощая головы и стягивая волосы у висков. Они неестественно двигались в своих тесных туфлях на высоких каблуках и казались Нарциссу заводными куклами на пружинах. И улыбались они все кукольной, деланой улыбкой, поджимая губки.

Вдруг взор Нарцисса привлекла одна девушка, стоявшая одиноко, в стороне от других. На ней не было ни роскошного наряда, ни пышной прически, ни тесных туфелек на высоких каблуках. Она была одета очень скромно. Но зато была красивее всех.

Прелестная фигурка, румяное личико, белые руки, радостная, веселая улыбка, сияющие глазки девушки, простое ситцевое платье, шелковый фартучек, изящная косынка – все это в один миг очаровало короля.

Нарцисс смотрел на девушку и не мог вдоволь насмотреться. Она заронила в его сердце горячую любовь.

– Вот моя невеста! – произнес он радостно и, миновав напудренных, затянутых красавиц, подошел к очаровательной простушке и взял ее за руку.

В тот же миг громкий, насмешливый хохот огласил залу. Ближайший сановник со всех ног кинулся к Нарциссу.

– Что вы, государь! Это простая служанка. Она присутствует здесь единственно для того, чтобы следить, не порвался ли наряд у кого-либо из важных дам, королевен, герцо-

гинь и княжен. Разве может простая служанка стать невестою короля!

И чуть ли не силой отвел короля от красавицы служанки.

Но Нарцисс уже не слышал его слов. Он ринулся из большой залы сначала в сад, оттуда на улицу, в поле, в лес, в самую чашу его.

Здесь он упал на мягкую, сырую от росы траву и, не помня себя от горя, закричал:

– Что за ужас, что за скука быть королем! Не только не смеешь распорядиться своим временем, но и любить не смеешь того, кого выбрало сердце! Все отдам я тому, кто превратит меня снова в прежнего скромного мельника Нарцисса!

Сказал и – уснул мгновенно, потому что находившаяся поблизости Урсула, услышав его обещание, решила снова вернуть ему прежнюю долю.

Наутро проснулся Нарцисс и видит: перед ним его милая мельница, гудят колеса, плещет вода звонкой, хрустально-синей струей. Радостный и счастливый вскочил он на ноги и запел, запел так, как никогда еще не пел мельник Нарцисс за всю свою жизнь!

Живая перчатка

I

Жил на свете рыцарь, свирепый и жестокий. До того свирепый, что все боялись его, все – и свои, и чужие. Когда он появлялся среди улицы или на городской площади, народ разбегался в разные стороны, улицы и площади пустели. И было чего бояться рыцаря народу! Стоило кому-либо в недобрый час попасться на его дороге, перейти ему нечаянно путь, и в одно мгновение ока свирепый рыцарь затапывал несчастного насмерть копытами своего коня или пронзал его насквозь своим тяжелым острым мечом.

Высокий, худой, с очами, извергающими пламя, с угрюмо сдвинутыми бровями и лицом, искривленным от гнева, он наводил ужас на всех. В минуты гнева он не знал пощады, становился страшным и выдумывал самую лютую кару и для тех, кто являлся причиной его гнева, и для тех, кто случайно попадался ему в это время на глаза. Но жаловаться королю на свирепого рыцаря было бесполезно: король дорожил своим свирепым рыцарем за то, что тот был искусным полководцем, не раз во главе королевских войск одерживал победу над врагами и покорил много земель. Потому-то король высоко ценил свирепого рыцаря и спускал ему то, чего бы

не спустил никому другому. А другие рыцари и воины хотя и не любили свирепого рыцаря, но ценили в нем храбрость, ум и преданность королю и стране.

II

Бой близился к концу.

Свирепый рыцарь, закованный в золотую броню, скакал верхом между рядами войск, воодушевляя своих усталых и измученных воинов.

На этот раз бой был очень тяжелый и трудный. Третьи сутки дрались воины под предводительством свирепого рыцаря, но победа не давалась им. У врагов, напавших на королевские земли, войско было больше. Еще минута-две, и враг, несомненно, одолел бы и ворвался бы прямо в королевский замок.

Напрасно свирепый рыцарь появлялся то тут, то там на поле брани и то угрозами, то мольбами старался заставить своих воинов собрать последние силы, чтобы прогнать врагов.

Вдруг конь рыцаря шарахнулся в сторону, заметив на земле железную перчатку, такую, какую носили в то время почти все рыцари. Свирепый рыцарь пришпорил коня, пытаясь заставить его перепрыгнуть через перчатку, но – лошадь ни с места. Тогда рыцарь велел юноше-оруженосцу поднять перчатку и подать ему. Но едва только рыцарь дотронулся до

нее – перчатка, точно живая, выскочила из его руки и опять упала на землю.

Рыцарь велел опять ее подать себе – и опять повторилось то же самое. Мало того, упав на землю, железная перчатка зашевелилась, как живая рука; пальцы ее судорожно задвигались и снова разжались. Рыцарь приказал снова поднять ее с земли и, в этот раз крепко зажав ее в руке, помчался в передние ряды своих войск, потрясая в воздухе перчаткою. И каждый раз, когда он поднимал высоко перчатку, пальцы перчатки то сжимались, то снова разжимались, и в ту же минуту, точно по сигналу, войска кидались на врага с новою силою. И где ни появлялся рыцарь со своею перчаткою – усталые и измученные его воины точно оживали и с удвоенною силою бросались на врага. Прошло всего несколько минут – и враги бежали, а вестники свирепого рыцаря стали трубить победу...

Гордый и торжествующий объезжал теперь рыцарь ряды своих усталых, измученных бойцов, спрашивая, кому принадлежит странная перчатка, но никто не видал до тех пор такой перчатки, никто не знал, откуда она взялась...

III

Во что бы то ни стало решил свирепый рыцарь узнать, кому принадлежит странная перчатка, и стал объезжать все города, все села и деревни и, потрясая в воздухе своею наход-

кою, спрашивал, чья это перчатка. Нигде не отыскался хозяин живой перчатки.

В одном городе попался свирепому рыцарю навстречу маленький мальчик и сказал:

– Я слышал от деда, что в лесу живет старая Мааб... Она знает все тайны мира и, наверное, сумеет открыть тебе значение живой перчатки, рыцарь.

– Едем к ней! – был суровый приказ, и, пришпорив коня, свирепый рыцарь помчался к лесу... Покорная свита помчалась за ним.

Старуха Мааб жила в самой чаще глухого, темного леса. Она едва двигалась от дряхлости. Когда она увидела перчатку, то глаза у нее загорелись, словно яркие факелы в ночной темноте, и она вся побагровела от восторга.

– Огромное счастье досталось тебе в руки, благородный рыцарь, – глухим голосом произнесла она. – Далеко не всем людям попадается подобное сокровище! Эта живая перчатка – перчатка победы. Судьба нарочно бросила ее на твоём пути... Стоит тебе только надеть ее на руку, и победа останется всегда за тобою!

Свирепый рыцарь просиял от счастья, надел на руку перчатку, щедро наградил золотом Мааб и умчался из дремучего леса в королевскую столицу.

IV

Прошла неделя.

Не слышно ничего про обычные жестокие проделки рыцаря, не слышно, чтобы он в припадке гнева кого-либо подверг казни, не слышно, чтобы он обидел кого-либо.

Еще так недавно лилась кровь вокруг свирепого рыцаря рекою, слышались стоны, раздавался плач.

А теперь?

Правда, неделю тому назад попробовал было рыцарь ударить мечом кого-то из прохожих. Но неожиданно рука его, судорожно сжатая живыми пальцами перчатки, опустилась, и тяжелый меч со звоном упал на землю.

Хотел рыцарь сбросить с руки докучную перчатку, да вспомнил вовремя, что даст она ему победу, и удержался.

Другой раз хотел рыцарь направить своего коня на окружавшую его толпу людей, и снова до боли сжали его руку живые пальцы перчатки, и он не мог двинуть ими, чтобы управлять конем.

С этой самой минуты понял рыцарь, что идти наперекор живой перчатке бесполезно, что она, эта перчатка, удерживает его от самых жестоких поступков. И перестал он извлекать меч из ножен для гибели невинных людей.

И люди не боялись теперь выходить из домов на улицы в то время, когда проезжал по ним свирепый рыцарь...

Они без страха появлялись теперь на его пути и славили рыцаря за его победы над врагами.

V

Снова загорелась война...

Уже давно дальний сосед короля, властелин богатой страны, прельщал взоры рыцаря.

И он говорил своему королю:

– Гляди! Твой дальний сосед богаче тебя, и хотя ты поклялся ему в вечной дружбе и мире, но если победишь его и присвоишь себе его владения, то станешь самым могучим и богатым в мире королем.

Король послушался слов своего любимца.

«Прав рыцарь, – думал король. – Завоюю страну моего соседа и еще больше разбогатею!»

И приказал трубить новый поход...

VI

Сошлись два войска на поле брани.

Дружины рыцаря встретились с дружинами соседнего короля. Рыцарь был вполне спокоен и заранее уверен в исходе боя.

Он знал: перчатка победы была на его руке...

Солнце всходило и заходило снова... Месяц сиял и мерк, и снова сиял. Птицы пели, стихали и снова пели... а люди все бились и бились без конца.

Долгая то была битва...

Долгая и упорная, как никогда.

Свирепый рыцарь стоял в стороне, распоряжаясь боем, заранее уверенный в победе своих дружин.

Вдруг невиданное зрелище поразило его взоры: враги побеждали, а его воины ударились в бегство...

Взбешенный, он сам кинулся в бой и... вынужден был отступить... Враги окружили его со всех сторон...

Не помня себя, он дал шпоры коню и погнал его с поля битвы.

Прискакал в столицу окровавленный рыцарь и упал к ногам короля.

– Не вини меня, король! – вскричал он. – Не я, а старуха Мааб – виновница гибели твоего войска... Она обманула меня, заставив надеть на руку перчатку гибели и поражения. Вели казнить ее, король, казнить жестокою, страшною смертью, какую только можно придумать!

VII

С первыми лучами солнца весь город высыпал на площадь... В этот ранний утренний час решена была казнь старухи Мааб, привезенной еще накануне из леса. Решено было сжечь Мааб на костре, чтобы впредь не морочила людей, не выдавала перчатку гибели за перчатку победы.

Привезли на площадь Мааб, сняли с колесницы, ввели на возвышение, где лежали сложенные для костра дрова...

Поставили на них Мааб и привязали веревками к столбу. Перед самым столбом стоял свирепый рыцарь и кричал со злостью в самое лицо Мааб:

– Ты обманула меня, Мааб! За это умрешь лютою смертью! И знак к казни я дам тою самою перчаткою, которая мне, по твоим словам, должна была доставить победу...

С этими словами он поднял руку, чтобы дать знак палачам зажигать костер, и вскрикнул в испуге. Рука не двигалась... Точно налитая свинцом, она безжизненно повисла вдоль те-

ла. Тогда он открыл рот, чтобы отдать приказание начинать казнь, но в тот же миг живая перчатка поднялась вместе с рукою и, тесно прижавшись к его рту, чуть не задушила его.

Обезумев от ужаса, рыцарь вскричал:

– Спаси меня, Мааб! Спаси!

Мааб медленно сошла с костра, без всякого усилия перервав веревки, и, приблизившись к рыцарю, произнесла:

– Я не солгала тебе. Живая перчатка – воистину перчатка победы. В каждом правом деле она даст тебе победу всюду и везде. И в последней неудачной битве дала бы она тебе победу, если бы ты не шел на соседнего короля с корыстными целями овладеть его богатством, а защищал своего короля, свою родину, свою честь. И тогда бы ты не потерпел поражения, сознавая себя правым в честном деле. Знай же, что живая перчатка будет служить тебе только во всех добрых и честных делах! Ведь удержала она тебя в те минуты, когда ты хотел пролить кровь невинных людей! Дала тебе победу над самим собою! Дала победу и тогда, когда на твою страну напали злые враги!.. Так будет и впредь!

И сказав это, исчезла Мааб, как тень, растаяв в воздухе.

Предсказание Мааб сбылось.

Живая перчатка помогала рыцарю во всех его правых делах, давая ему победу, и удерживая его всякий раз, когда он начинал какую-либо скверную, несправедливую затею...

И весь народ прославил его имя, и вместо свирепого ры-

царя люди прозвали его рыцарем правым и благородным.

Сказка о красоте

На высокой горе, среди снежных облаков, среди синего неба, стоит заповедный чертог. Амброй и розами благоухает он еще издалека. В золотых курильницах тихо мерцает голубое пламя, распространяя нежный аромат. Синим дымком уходит он в золотой купол. А кругом – на полу, на стенах, на потолке – розы, розы, розы... Целое море роз.

В розовом чертоге живет Красота – прекраснее роз, прекраснее заповедного чертога, прекраснее целого мира. Пять сестриц, златокудрых невольниц, охраняют каждый шаг своей царицы. Глядят, не отрываясь, ей в очи, глядят и поют.

Красота слушает целыми днями пение невольниц, любит, как выют они венки из душистых роз, гуляет по мраморным плитам своего чертога и – скучает.

Скучает Красота...

Наскучили Красоте и амбра, и розы, и пение златокудрых подруг. Хочется ей проникнуть за заповедные стены, узнать, что делается за ее чертогом, внизу, в долине. Ведь поют же златокудрые невольницы о том, что есть люди на свете, есть птицы и звери, а кто и какие они и как выглядят, не знает Красота.

Хоть на мгновение выпорхнуть бы из заповедного чертога и без докучной свиты взглянуть на мир! А златокудрые невольницы, как нарочно, поют о ярком солнце, о дивном

мире, о людских праздниках и о веселых людях, которые день и ночь мечтают увидеть ее, Красоту.

«Если мечтают, почему бы ей не показать себя бедным людям?» – подумала как-то Красота и высказала свою мысль подругам.

Те заохали, застонали, чуть ли не разлились в потоках слез.

– Что ты, что ты, царица, опомнись! Разве можно показываться людям! Да ведь они воспевают и славят тебя оттого только, что видят тебя в своем воображении красивее и могущественнее, нежели ты есть на самом деле. А раз ты покажешься им, предстанешь пред их глазами, они перестанут боготворить тебя, начнут искать в тебе разные недостатки, не будут уже признавать такой прелестной, очаровательной, перестанут восторгаться тобой. Таковы уж люди! Они любят все далекое, неизведанное, а раз это далекое, неизведанное приближается к ним, они, неблагодарные, и знать его не хотят!

Засмеялась Красота.

Как можно не восторгаться ею? Как можно пренебречь ею – красавицей вселенной? Как можно не любоваться ею – первой и единственной в мире обладательницей всех прелестей?

Взглянула в зеркало царица, и зеркало отразило ее лицо – белое, как снег, отразило алые щечки – два лепестка розы, синие глазки – две лучистые звезды, золотые кудри – снопы

солнечных лучей, пурпурный ротик – цветок мака. Так воспевали невольницы красоту царицы, и такой увидела она себя в отражении зеркала.

У прекрасной царицы возникло желание пойти к людям и сказать им:

– Смотрите на меня. Я краше всего мира. Я – Красота. Любуйтесь мною и поклоняйтесь мне. И сознайтесь, что вблизи я еще лучше, нежели издали. Я – Красота и не даром ношу это имя.

В тот вечер царица была печальна и задумчива, какой никогда еще не видели ее златокудрые рабыни. Перед сном на своем ложе, вся увитая розами и окуренная амброй, Красота долго в руках вертела драгоценный перстень. У этого перстня была чудодейственная сила. Его волшебница Истина дала Красоте при рождении. Стоило только приложить к губам драгоценный перстень, и все преграды должны были рушиться на пути Красоты, но не ранее как на семнадцатом году жизни прекрасной царицы. Сегодня как раз был канун рождения царицы, и перстень Истины мог получить волшебную силу в ее руках.

Об этом и вспомнила, ложась спать, Красота.

Сегодня ночью перстень Истины должен сослужить ей службу.

И притворилась спящей Красота, чтобы обмануть своих златокудрых невольниц.

– Уснула Красота! – прошептали те, увидав закрытые гла-

за своей царицы, и разбрелись по своим ложам.

А Красоте только того и надо.

Вскочила, огляделась и приложила перстень Истины к губам.

В тот же миг раздвинулась тяжелая стена заповедного чертога, образуя узкий проход, ведущий прямо в лес. Идет по лесу Красота и видит: висит какой-то странный фонарь между двух сосен, а чем прикреплен – не видно. Льется на дорогу молочный свет, и дрожит, и мерцает. Свет есть, а толку от него мало. Почти ничего не видно на пути.

– Вот гадкий фонарь! – рассердилась Красота и даже ножкой топнула от гнева. – Плохо же ты светишь Красоте!

– Ха-ха-ха! – рассмеялся фонарь. – Я не фонарь, а месяц. Плоха же ты, Красота, если не можешь светить сама себе. Видно, лучи твои померкли и ты потемнела. Ведь Красота должна бы светить не хуже меня и моего старшего братца – солнца.

Обиделась Красота.

– Невежа! – крикнула она и поспешила скрыться от насмешек месяца в самую чащу леса.

Идет дальше Красота.

Идет и видит: огромный бурый медведь сидит у берлоги и ревет во все горло.

Так как Красота не имела понятия о животных, то и приняла медведя за человека.

– О чем ты горюешь, бедный человек? – проговорила она

и, приблизившись к медведю, положила ему на голову свою прелестную ручку.

Медведь покосился на ручку Красоты и заревел снова, но уже значительно тише.

– Я не человек, а зверь и голоден, как никто из зверей не голоден в эту ночь. Наконец-то ты пришла. С твоим появлением я ведь могу рассчитывать на отличный ужин.

– Ах, я не умею, к сожалению, готовить и вряд ли сумею состряпать тебе ужин, – как бы извиняясь, робко произнесла Красота.

– Го-го-го-го! – расхохотался медведь во все горло. – Да мне и не надо готовить, я ведь не человек, а медведь. Ужин теперь у меня, с твоим появлением, готов: я просто съем тебя на ужин и буду сыт, по крайней мере, целую неделю.

– Послушай, – пробовала возразить Красота, – ты, вероятно, не знаешь, кто я. Я – Красота.

– Никакой Красоты я не признаю, – угрюмо произнес медведь. – Мне все равно, кто ты, лишь бы я мог утолить голод.

И медведь уже приготовился броситься на Красоту.

Дико вскрикнула Красота и шарахнулась в сторону.

К счастью, она умела быстро бегать и смогла убежать от медведя.

Вся помертвевшая от ужаса, она теперь шептала:

– К людям! К людям! К людям! Они оценят и поймут меня. Что дикому зверю и глупому месяцу в моей красоте? Пойду к людям и буду у них царицей.

И еще быстрее побежала вперед.

Лес поредел. Ночь миновала. Голубовато-молочный месяц скрылся куда-то, а на его месте разгорелся огромный, ярко сияющий шар.

Теперь уже Красота знала, что это за шар. О солнце она слышала очень много из песен своих невольниц-подруг. Она знала, что солнце по красоте соперничает с ней, и не замедлила сказать ему это.

Но солнце даже не удостоило ее ответом. Оно только засияло так ярко, что у бедной царицы зарябило в глазах. Она прибавила ходу, чтобы укрыться под навесом хижины, построенной среди поля.

Из хижины вышел человек, его жена и двое детей.

– Кто ты? – удивленно вскричали все четверо при виде приблизившейся к ним Красоты.

– Я – Красота! Я пришла к вам в долину, чтобы дать вам возможность любоваться собой, – гордо отвечала царица заповедного чертога и встала, как статуя, неподвижно перед людьми.

– Эге, – произнес человек, хозяин убогой хижины, – это, верно, новая работница, которую нам прислал кум Петр из соседней деревни. Ты пришла очень кстати, – добавил он, весело обращаясь к Красоте, – у нас теперь много работы, нам нужна усердная, сильная и здоровая работница. Оставайся у нас и сейчас же принимайся за работу: пойди-ка в лес да накоси травы для нашей Буренки. А то жене некогда

заниматься этим. Она идет в поле жать рожь.

Едва дослушав последние слова человека, Красота вспыхнула от гнева и затопала ногами.

– Прочь от меня! – вскричала она сердито. – Или вы не знаете, что не для работы и грязного труда создана Красота, а для того, чтобы вы, глупые, жалкие люди, любовались мною?!

И она пошла прочь от хижины человека, который смотрел ей вслед широко раскрытыми, изумленными глазами.

– Вот чудная-то девушка, – сказал человек, обращаясь к жене, – очень она нам нужна, если ничего не хочет и не умеет делать! Хорошо, что убирается от нас подобру-поздорову. Лентяев я не люблю.

Красота не слышала этих слов. Она была уже далеко. Она спустилась еще ниже с горы, в шумную долину, посреди которой высились громадой городские постройки.

Это был роскошный город, по-видимому, столица.

– Там живут богатые люди, – произнесла, приближаясь к городским воротам, Красота. – А богатые люди сумеют лучше оценить меня, нежели бедняки, которые слишком удручены заботами и нуждой. Им не до Красоты. Пойду к богатым.

И она вошла в ворота.

На городской площади стоял огромный дом, ярко освещенный тысячами огней. Все знатнейшие семьи города собрались сюда на праздник. Но так как на слишком много-

людных и шумных торжествах всегда бывает скучно и люди на них веселятся точно по обязанности, то гости скучали и здесь.

Танцевали нехотя. Разговаривали вяло. И поэтому все страшно обрадовались, заметив появление Красоты. Ей не надо было называть себя. Все ее сразу узнали. Все слышали о ней и восторгались ею с давних пор, с самого начала существования мира. С шумными криками восторга проводили ее на лучшее место, окружили ее и стали ей кланяться, как царице.

И все любовались ею, и мужчины и женщины, и старые и молодые, все славил Красоту. Красота торжествовала.

«Давно бы так! – думала она. – И как мне раньше не пришло в голову вырваться к этим милым, благодарным людям из моего заповедного чертога!»

Но вот прошел час, другой, третий. Все надоедает на свете. Наскучила и Красота. Людям надоело созерцать ее, неподвижную, однообразную, словно застывшую в своей великолепной позе, как мраморное изваяние на троне. И вот, сначала робко, потом все настойчивее и смелее зазвучали голоса:

– Спой нам что-нибудь, Красота! Ты так прекрасна сама, что все, что ни сделаешь, должно быть тоже прекрасно.

– Или сыграй лучше! Твои пальцы, тонкие и длинные, точно созданы для струн.

– Или расскажи нам сказку, чудесную и волшебную. Ты должна уметь сочинять сказки и стихи.

– Нет-нет! Изобрази лучше всех нас и себя на полотне в виде дивной картины. Ведь ты, наверное, владеешь кистью.

– Нет, лучше сойди с трона и станцуй нам. Ты, без сомнения, умеешь очаровательно танцевать.

Но Красота не двигалась с места. Она не умела ни петь, ни играть, ни сочинять сказки и стихи, ни писать картины, ни даже плясать. Она ничего не умела.

Ей стало горько и стыдно, потому что она была очень горда. И чем настойчивее звучали просьбы окружающих, тем бледнее и бледнее становилось ее прекрасное лицо.

– Что же это за Красота, которая ни в чем проявить себя не умеет! – крикнул чей-то дерзкий голос в толпе.

– Не надо, не надо нам такой Красоты, – подхватили другие голоса.

Вся бледная, как смерть, Красота сошла с трона и покинула зал.

На пороге дворца она сняла с пальца драгоценный перстень и, приложив его к устам, пожелала очутиться снова в своем заповедном чертоге.

В один миг Красота была перенесена туда на невидимых крыльях.

Ее встретили златокудрые рабыни и сама волшебница Истина на пороге ее жилища.

Красота упала на колени перед доброй волшебницей и вскричала, рыдая:

– Возьми, возьми мою красоту и надели меня другим да-

ром привлекать к себе людей. Сделай меня нужной и полезной, надели меня умением работать, трудиться, привлекать людей знаниями и способностями. Сделай меня нужной и полезной всему миру. Я убедилась, что одной красоты мало, чтобы заслужить на долгое время привязанность людей. Вместо всяких других достоинств – надели меня талантами.

Улыбнулась добрая волшебница. Взмахнула волшебным жезлом, и в один миг окружающие Красоту рабыни почувствовали у себя в руках кто перо, кто кисть, кто арфу, кто ноты, кто гирлянду цветов, необходимую для танца. И полились дивные звуки. Это пели, играли и плясали ее рабыни. Встали перед нею дивные образы, одни написанные в книге пером, другие нарисованные на полотне в виде картины. Каждая из рабынь обладала теперь каким-нибудь талантом.

– А мне? А мне? Что оставила ты мне, Истина? – в отчаянии прошептала сквозь слезы зависти Красота. – Ты раздала все таланты моим рабыням.

– Тебе я оставляю самое большое: власть распоряжаться твоими рабынями, вдохновлять их. Это все, чем я могу наделить тебя, – отвечала фея. – Ты – Красота. Ты могучая, властная сила – и только ты одна должна вдохновлять твоих покорных рабынь искусства. Без тебя они ничто. Ты должна направлять их. Ты будешь наделять их воображением и изяществом. А я раздвину стены твоего чертога: пусть люди входят сюда усталые, измученные жизнью и борьбой, а ты со своими искусствами будешь давать им сладкие минуты ра-

дости и забвения.

И, сказав это, Истина исчезла. А Красота и ее златокудрые рабыни остались в заповедном чертоге, чудно преобразившемся в один миг от звуков пения и музыки. И люди шли теперь в этот чертог толпами, счастливые, радостные, умиленные, благословляя Красоту, дарующую такое счастье. И они не требовали больше от нее, чтобы она сама пела, играла, сочиняла стихи, танцевала. Они знали, что Красота – царица и что по ее повелению, по ее вдохновению, по ее указанию играют, танцуют ее рабыни. А сама она, незримая, управляет каждым шагом своих рабынь.

И Красота торжествовала...

Герцог над зверями

Добр и ласков был герцог Альберт и хорошо, справедливо правил государством. Подданные горячо любили своего повелителя и супругу его, герцогиню, но не могли любить, даже ненавидели всей душой сына их, молодого герцога Ролана. Да и было за что ненавидеть его. Злая, жестокая душа была у молодого герцога, злое, жестокое сердце. Все подданные с ужасом смотрели на будущего своего повелителя. Сын и наследник герцога внушал всем страх. Ему было только десять лет, а он уже всюду успел проявить свой жестокий нрав и дурной характер. Говорили люди, будто маленький Ролан в дружбе со злым колдуном Чуром. Говорили, мол, оттого и зол, и жесток с окружающими Ролан, что колдун Чур внушает злобу его молодому сердцу.

Но вот горе-несчастье случилось в герцогской семье. Умерла герцогиня.

Горько плакал король, горько плакал народ. Не плакал один маленький Ролан. Не принесла ему особого горя кончина матери, не любил он ее, как не любил никого маленький, злой и жестокий Ролан-герцог.

А время все шло да бежало вперед. И становился с годами все злее, все жестче и безжалостнее герцог Ролан. Отец с ужасом думал о том, какой из него выйдет правитель государства.

И все печальнее и тоскливее становилось у герцога на душе от злых поступков Ролана, все тяжелее и тяжелее становилось герцогу с таким сыном. Невольно стал подумывать герцог все чаще и чаще, что хорошо бы ему найти утешение, женившись вторично, чтобы было с кем поделиться своим горем, посоветоваться, пожаловаться, посетовать на судьбу, давшую ему такого сына.

Подумал-подумал герцог и женился. Хороша, как Божий день, была молодая герцогиня, светла и радостна, как солнце, а в доброте и кротости не уступала своей умершей предшественнице.

Зажил герцог с женою душа в душу... Через год родился у герцогской четы прелестный мальчик с голубыми глазами. Герцог дал ему имя Лео.

Не могли нарадоваться на крошку-дитя отец с матерью, не нарадовалась на него свита, не нарадовался и весь народ.

Один герцог Ролан невзлюбил брата. С первого же дня его появления возненавидел всею ненавистью, всею злобою, какая имелась у него в сердце.

Стал подрастать мальчик Лео: стал хорошеть не по дням, а по часам. К десяти годам вырос и превратился в такого красавчика, что без восторга на него нельзя было смотреть. А уж о кротости и доброте Лео и говорить нечего: голубь, не мальчик, золотое сердце у него.

– Вот бы нам такого герцога, вместо злого Ролана, – стал поговаривать народ.

А Ролан тут как тут. Услыхал такие речи – света не взвидел.

– Изведу, уничтожу негодного мальчишку, – решил он в гневе и тотчас же стал обдумывать, как бы погубить маленького Лео.

Гремел гром, сверкала молния, дождь лил как из ведра. Старый герцог был на охоте, и все во дворце о нем беспокоились. Лео сидел у пылающего камина и думал о том, где теперь отец, которого он нежно любил.

И вдруг в его комнату вбежал Ролан.

– Собирайся в путь-дорогу, Лео! – вскричал он. – С отцом случилось несчастье! В него ударила молния, и он лежит весь опаленный в лесу. Поспешим же к нему, пока не поздно!

Обливаясь горькими слезами, Лео поспешно отправился за братом.

Пришли они в лес, глухой и непроходимый, дремучий и темный, темный, зги не видать.

– Где же отец? – рыдая, спросил старшего брата Лео.

А Ролан как захохочет:

– Ах ты простофиля! Простофиля ты, Лео с голубыми глазами! Поверил ты моей сказке... Да знаешь ли ты, что отец охотится не в этом лесу!.. Здесь живет злой колдун Чур, мой добрый приятель. К нему-то и привел я тебя на ужин, глупый мальчишка Лео!

Горько заплакал маленький Лео, задрожал от страха. А

Ролан так и заливается злорадным смехом, который еще больше пугал бедного Лео.

– Вот постой, сейчас явится Чур и съест тебя, – и с этими словами он исчез, точно провалился сквозь землю.

Остался Лео один в густом, дремучем лесу. Стоит и плачет. Плачет и думает: «За что меня Ролан ненавидит?.. Что я дурного ему сделал? Почему он погубить меня вздумал?»

А вокруг него все глуше и глуше, все темнее и темнее становится ночь... Даже грома не слышно за шелестом огромных деревьев-великанов, даже молнии не видно промеж листвы... Так густо разросся лес дремучий, страшный...

И вдруг услышал Лео шум крыльев над своей головой. Поднял голову, видит: огромная птица спускается на землю, а на ней сидит злой колдун Чур. Сидит верхом на птице и кричит зычным голосом:

– Отличный ужин ты приготовил мне, Ролан! Спасибо, Ролан! Спасибо!

Шарахнулся в сторону дрожащий Лео. Понял, о каком ужине говорит Чур, да не уйти ему от колдуна.

Вот спустилась птица с Чуром на землю, и Чур уже приготовился схватить своими корявыми пальцами Лео...

Замер в страхе и отчаянии чуть живой Лео. Но в это время, откуда ни возмись, огромный волк кинулся к Чуру и отнял у него маленького герцогского сына.

– Мой лес – моя добыча! – заревел он на колдуна.

В тот же миг птица-великан взвилась высоко в небо и

умчала колдуна.

Лео и волк остались одни.

– Откуда ты, мальчик? – спросил волк, оскалив зубы.

Лео рассказал волку все, что с ним случилось. Волк покачал серой головой и произнес:

– Что есть скверные люди – это я знаю давно, но про такого, как твой брат Ролан, не слыхивал. Думал я съесть тебя – да нет, жалко... Очень уж хорошие у тебя глаза... Покажу я тебя нашим зверям. Идем!

Пришли на звериную поляну. Кого, кого тут только не было: и барсы, и львы, и тигры, и волки, и лисицы, и зайки, и сурки, и полевые мыши, и обезьяны – словом, все звери, какие только существуют на свете. Ждали и слона, но он почему-то не явился.

– Вот! – сказал волк. – Смотрите, какую редкую добычу я нашел...

Все звери окружили Лео и стали разглядывать его. В этот момент луч месяца осветил его лицо, и прекрасные глаза Лео засветились двумя голубыми незабудками. Вся чистая, хрустальная, добрая и честная душа Лео отразилась в этом взоре.

И лютые тигры, и львы, и хищные волки, и гиены, и шакалы – все пали ниц под взором Лео, и все звери, как покорные рабы, улеглись у ног Лео, стали лизать ему руки, смотреть на него преданными глазами и, как собаки, готовы были последовать за ним всюду.

– Ба! – проревел лев. – Вот так глаза у мальчишки! В жизни не видал я ничего такого!

– Вы правы, лев, – подтвердила мартышка, – у него глаза точно звезды на небе...

– О-о, жаль есть такого мальчугана! Уж очень он хорош собою! – прогудел медведь.

– Очаровательный мальчик! – делая умильную рожицу, произнесла лисичка.

– Пусть остается с нами и живет среди нас, – предложил тигр.

– Да-да! Пусть живет среди нас. Пусть будет нашим другом! – закричали все звери хором и так громко, что чуть не оглушили Лео.

А когда Лео опять взглянул на зверей, они все тесной толпой окружили его и, ползая у его ног, стали просить:

– Не уходи от нас, останься жить с нами. Будь нашим герцогом, светлоглазый Лео. Мы будем подчиняться каждому твоему слову, каждому движению твоей руки, каждому твоему взгляду. Только останься с нами! Будь нашим герцогом, маленький Лео! Будь герцогом над нами, зверями, Лео!.. Ты заслужил, чтобы все мы повиновались тебе, светлый, благородный мальчик! Властвуй над нами, Лео! Мы все с радостью умрем за тебя!

Прошло много лет... Умер старый герцог, умерла герцогиня, не осушавшая слез после пропажи маленького Лео.

Стал герцогом Ролан.

О маленьком Лео мало-помалу все позабыли. А маленький Лео вырос и по-прежнему повелевал звериным царством. Звери души в нем не чаяли. Они бесконечно любили своего герцога. И было за что любить. Лео был мудрый, справедливый и кроткий правитель. Он никого не оскорблял, не наказывал и жил со своими подданными в мире и согласии.

Стоило зверям затеять какую-нибудь ссору или драку, как мгновенно появлялся Лео, смотрел на враждующих своими чудными, голубыми глазами, и все утихало, смирялось и успокаивалось в тот же миг.

Однажды пронеслась весть по всему звериному царству, что на соседнюю землю, которой правил герцог Ролан, напали страшные черные люди...

Узнал об этом звериный герцог, и стало жаль ему своего жестокого брата. Как-никак родной ведь он ему по крови... И кликнул клич своим зверям Лео:

– Пойдем, поможем герцогу Ролану одолеть его врагов!

Зная, как жестоко отнесся Ролан когда-то к Лео, удивились звери его желанию помочь злому брату, однако, привыкшие подчиняться своему доброму повелителю, покорно последовали за ним в герцогство Ролана помочь ему одолеть врагов...

А там уже бой подходил к концу. Побеждали черные люди... В пух и прах были разбиты войска Ролана... Сам Ролан лежал раненый, в крови...

Напал со своим звериным войском на черных людей Лео... Зарычали, заревели звери, покусали черных людей, одолели врагов Ролана... Выгнали их из герцогства далеко-далеко, побитых, униженных, пораженных...

Победил врагов Лео, приблизился к брату. А тот едва дышит уже. Увидел он Лео, протянул к нему руки, шепчет чуть слышно:

– Много горя причинил я тебе, Лео... Погубил тебя из зависти и злобы... А ты добром и лаской отплатил за мое зло... Простишь ли ты меня, Лео?

– Прощаю! Охотно прощаю тебе все, Ролан!

И Лео обнял брата.

Узнали подданные Ролана, что вернулся его брат Лео, которого они считали давно погибшим, и окружили его с торжественными криками:

– Наконец-то вернулся ты к нам! Наконец-то, Лео! Теперь ты будешь у нас нашим любимым повелителем! Мы окружим тебя заботой и лаской, заставим позабыть все горести и печали, которые тебе пришлось пережить в детстве... Да здравствует Лео, да здравствует наш любимый герцог!

Но Лео молчал... Печальными глазами смотрел он на людей... А за ним теснились его звери – грустные, понурые, исполненные тоски... Роняли тихие слезы львы, тигры, волки, медведи, гиены. Рыдали навзрыд маленькие лисички, зайчики, сурки, мыши...

– Не уходи от нас, герцог Лео, не уходи! – молили они

слезно.

Зазвенело что-то в сердце Лео... Зазвенело, точно порвалось, и громким голосом сказал он людям:

– Не оставлю своих зверей милых ни за что на свете... Приютили они меня в горькую минуту, дали мне радость и любовь... Останусь с ними до самой смерти!.. Вы же найдете другого герцога для себя!

Сказал и ушел снова в дремучий лес, в свое звериное герцогство, Лео с голубыми глазами. И хоть мучительно ему было расставаться с людьми, ушел от них к зверям, которые согрели его горькую жизнь любовью, послушанием, заботой и лаской...

Подарок феи

Много радости, много счастья сеял вокруг себя ласковый и мудрый король Серебряная Борода. Хорошо и привольно жилось всем подданным его королевства. Он помогал бедным, несчастным, кормил голодных, давал приют бездомным – словом, помогал всем нуждающимся в его помощи. И королевство Серебряной Бороды было самое счастливое королевство во всем мире. Так его и прозвали люди «Счастливым королевством». Здесь не слышалось ни воплей, ни стонув, не видно было слез и печали, а уж о войнах и говорить нечего. Со всеми своими соседями жил в мире и согласии мудрый, добрый и ласковый король Серебряная Борода. За то и любили его и свои и чужие подданные, и ближние и дальние соседи, и чужестранные цари, короли, герцоги, бароны...

Особенно же любили короля собственные подданные. Уж очень он был заботлив и добр, пекся об их благосостоянии, как любящий отец может печься о своих детях.

Но нет полного счастья ни у кого на земле. Не было полного счастья и у любимого короля Серебряной Бороды.

Одинок был король, ни семьи у него, ни жены любимой, ни любящих деток – никого не было...

Много лет тому назад смерть унесла единственную дочь его. Близко принял к сердцу король смерть своей любимой

цы, но думал, что в заботах о благе своих подданных забудет о своем горе. Однако не тут-то было. С каждым годом король чувствовал все больше и больше свое одиночество и с каждым же годом задумывался все чаще и чаще о том, кому оставить после своей смерти королевство.

И решил, наконец, король выбрать из дочерей своих подданных одну, которая заменила бы ему умершую королеву, стала бы приемной дочерью его, короля, которой бы он после своей смерти мог оставить и трон королевский, и богатства свои.

Обрадовались подданные такому решению короля, предвидя, что выбор его падет на достойную высокой чести девушку.

Разлетелись в разные стороны герольды, глашатаи, вестники, протрубили по всей стране, что хочет-де король-бабушка дочь себе выбрать, которая должна стать королевой, а со временем и королевою-повелительницей всего государства.

В назначенный день съехались в королевский дворец молодые девушки всего государства, все красавицы на подбор, одна другой очаровательнее, и все дочери знатных вельмож.

Смотрит старый король на красавиц и думает: «Кого выбрать? Кого предпочесть? Все они красавицы, все знатные. Одну возьмешь в дочери – обидится другая. Что тут поделаешь?»

Добрый король и тут боялся, как бы не огорчить кого да

не обидеть.

С такими мыслями удалился в свою опочивальню король Серебряная Борода и видит – стоит в углу его королевской опочивальни белая женщина, вся словно сотканная из солнечных лучей. Дивно светится лицо ее, стан, одежда... Отступил в изумлении король при виде лучезарного видения, всплеснул руками.

– Кто ты, невиданное существо? – спрашивает он лучезарную гостью.

– Я добрая фея, волшебница Рада, – отвечает она. – Я узнала о том, что ты, король, решил приискать себе дочь взамен умершей королевы. И вот я пришла, чтобы сказать тебе, что я хочу сделать тебе подарок. Ты заслужил его, король, добрым сердцем и заботою о своих подданных.

– Подарок? – спросил с удивлением король. – Что же ты, фея, намерена мне подарить?

– Я подарю тебе такую дочь, что ты будешь самым счастливым отцом в мире, я выберу тебе такую дочь, что ты сразу полюбишь ее так, как любил свою покойную королеву.

– О фея! – воскликнул король. – Скажи же, которая из девушек, явившихся во дворец, та, которую ты предназначила мне в дочери?

– Какая? Вот что, король, слушай внимательно: в числе девушек, которые завтра явятся во дворец, будет одна, на плечо которой, как только переступит она порог твоего дворца, усядется белая голубка. Вот ту, мой король, ты и сделай

своей дочерью. Только смотри, не ошибись...

Сказала и исчезла фея Рада из опочивальни короля.

Всю ночь не мог уснуть король Серебряная Борода. Все думал о той девушке, которую обещала ему в виде подарка дать в дочери фея.

Наутро встал поспешно, оделся и вышел в королевскую залу, где уже ждали его собравшиеся девушки.

Прошел король по зале раз, прошел два, смотрит на девушек, свою длинную бороду поглаживает и ничего не говорит.

Вдруг видит король в окно залы, что распахнулись ворота замка и въехала тележка в королевский двор. На тележке уголья, а тележку везет девушка лет шестнадцати: худенькая, заморенная, смуглая, некрасивая, ну, словом, совсем, совсем дурнушка. А на плече девочки сидит белая, как снег, голубка, сидит и воркует человеческим голосом:

– Вот тебе дочь, король. Бери ее и знай, что она лучше всех этих красавиц, что собрались в твоём дворце.

Рассердился король и, несмотря на всю свою доброту, упрекнул фею:

– Хорошо же ты насмеялась надо мной, Рада, вон какую дурнушку выбрала мне в дочери!

А фея или, вернее, белая голубка снова заговорила ему в ответ:

– Постой, погоди, король. То ли еще увидишь!

Делать нечего! Велел король своим слугам взять тихонько во дворец дурнушку, приказал ей нарядиться получше и

вместе со знатными девушками-красавицами ждать в парадном зале.

А сам вышел в сад, не решаясь сразу назвать своею дочерью такую невзрачную девушку.

Вышел в сад и видит: у ограды сидят двое ребятешек; на них ветхие платья, старенькие башмаки, а лица сияющие, радостные, точно в великий праздник.

– Чему вы радуетесь, детки? – обратился к ним король.

Дети никогда не видели короля вблизи и потому не узнали его.

– Мы ждем маленькую угольщицу, добрый господин, – отвечали они. – Она возит продавать уголь на королевскую кухню и всегда возвращается с полными руками всяких сладостей, которые дарит ей повар короля. И она отдает нам все до единого кусочка, добрая Мария.

– Неужели же она, такая бедная, отдает вам все? – заинтересовался король.

– Все! Она говорит, что давать во сто раз приятнее, нежели получать самой, – в один голос отвечали дети.

Король кивнул головой и пошел дальше. У ворот он увидел старую, бедно одетую женщину, которая сидела неподвижно, устремив глаза вдаль.

– Кого ты ждешь, голубушка? – обратился к ней король, очень удивленный тем, что женщина при его приближении не поднялась со своего места.

– Я жду угольщицу Марию, – отвечала та. – Она скоро

должна выйти из дворца, куда повезла уголь на продажу. Сейчас она вернется, и мы пойдем вместе купить хлеба и мяса. Она только и работает на меня с тех пор, как я ослепла.

– Так ты слепая? – изумился король, с состраданием глядя на женщину.

– Да, добрый человек, я ослепла около трех лет тому назад и с тех пор пользуюсь услугами моей Марии, которая работает за десятерых, чтобы прокормить меня.

– Это дочь твоя, конечно? – живо заинтересовался король.

– О, нет, добрый человек, Мария мне чужая. Она круглая сирота и пришла работать на меня, узнав, что собственные дети бросили меня, не желая кормить под старость свою слепую мать.

– Но почему же, если ты так нуждаешься, почему не обратилась ты к королю? – снова спросил Серебряная Борода женщину. – Ведь король, слышно, очень охотно помогает всем беднякам.

– Ах, добрый господин, я бы и обратилась к королю, да Мария не позволяет мне сделать этого, – ответила слепая. – Мария говорит, что стыдно просить тогда, когда есть еще силы работать, и что у нашего короля много таких бедных, которые вдвое несчастнее и беднее нас. Вот какова моя Мария! – с заметною гордостью заключила слепая.

Радостным чувством исполнилось сердце Серебряной Бороды: он понял, про какую добрую угольщицу говорили ему дети и эта слепая.

В ту же минуту легкий шорох заставил его обернуться.

Это шел какой-то старик, который, не узнав короля, спросил, не видал ли он маленькой угольщицы? Король не мог удержаться, чтобы не спросить старика, почему он так интересуется угольщицей.

– Умная она девушка, очень умная, – произнес старик. – Поговорить с ней для меня, старика, большое наслаждение. Все-то она знает, всем интересуется! Трудно другую такую сыскать. Жаль, бедная она и незнатного рода. А по уму и сердцу своему лучшей заслуживает доли, чем быть простой угольщицей...

В это время до короля донесся из дворца какой-то шум. Король подошел, никем не замеченный, к самому дворцу и остановился у открытого окна зала, где находились собравшиеся девушки-красавицы. Остановился и – остолбенел от изумления. Куда девались очаровательные личики красавиц? Куда исчезли нежные улыбки с их розовых уст? Куда пропал алый румянец, делавший их похожими на вешние розы?

У девушек-красавиц были позеленевшие от злости лица, сверкающие глаза, перекошенные гневом губы. Глухими голосами недавние красавицы перекрикивали друг друга и бранились.

Каждой из них так хотелось быть королевой, что, позабыв себя, они старались как можно сильнее уколоть и оскорбить друг друга. Зависть и злоба сделали безобразными их

недавно еще красивые лица.

И среди них кроткая и ласковая ходила смугленькая девушка с нежно заалевшими щеками, с кроткою ласкою в больших, добрых глазах; на плече ее сидела голубка. Девушка подходила то к той, то к другой злобствующей красавице и с кротким терпением умоляла успокоиться, не ссориться, покориться своей судьбе.

– Можно быть счастливой и полезной людям и не будучи королевой, – нежно звучал ее мелодичный голос, и недавно еще некрасивое лицо девушки теперь чудно преобразилось, сделавшись отражением ее прекрасной души.

Не вытерпел король, вошел в зал, подошел к угольщице Марии, взял ее за руку и произнес громко:

– Вот кто будет моей дочерью! Она одна достойна заменить мою покойную дочь, она одна достойна стать королевой! О фея Рада! Благодарю тебя за чудный подарок, за редкое сердце моей милой Марии!

Сказав это, низко поклонился белой голубке седой король Серебряная Борода.

И сделалась королевой маленькая угольщица. Она взяла к себе во дворец слепую и заботилась о ней, как родная дочь, окружила себя бедными детьми, учила их и придумывала для них разные занятия и развлечения, вызвала во дворец умных стариков, с которыми советовалась, как лучше помогать королю Серебряной Бороде в его добрых делах. И обо всех людях пеклась и заботилась добрая королева.

И Серебряная Борода был счастлив с нею всю свою жизнь.

Меч королевы

Три дочери было у короля Артура, три стройные, красивые и добрые принцессы. Но лучше всех была старшая, веселая да радостная такая: очи – звездочки небесные – так и искрятся, улыбка с уст не сходит, серебряный смех то и дело тишину и великолепие огромного дворца оживляет. И всем-то, глядя на веселую принцессу, весело становится. А Мира-королевна так и звенит своим колокольчиком-смехом, так и сияет звездочками-очами.

Жизнь вокруг королевны бьет ключом. Что ни вечер – то бал во дворце, что ни день – то королевская охота снаряжается. Трубят рога, лают собаки, веселый смех дам и кавалеров по лесу носится. А вечером освещаются роскошные дворцовые залы, наезжают гости и идет пляс веселый до самой утренней зари. И пуще всех пляшет, пуще всех за оленями да зайцами гоняется Мира-королевна. Для нее и охоты эти, и балы устраиваются. Тешит, балует король Артур дочку свою любимую.

Но недолог, короток девичий век. Пролетела розовая юность незаметно, пришла пора замуж выходить, и выдали принцессу Миру замуж за короля дальней страны.

Уехала Мира в царство своего мужа, и прекратились во дворце короля Артура балы, прекратилось веселье, прекратились даже охоты за оленями.

Вместе с юной королевной уехали и многие придворные сановники, которые решили служить и впредь своей королевне, в чужой, дальней стране.

Счастливо зажила Мира со своим мужем, но только счастье ее недолго продолжалось: не прошло и года, как муж ее, король, на охоте упал с лошади и убился до смерти. Овдовела Мира.

Народ чужой страны за короткое время пребывания Миры успел полюбить ее и пожелал, чтобы после смерти короля она правила страной, и стал упрашивать Миру не уезжать к отцу, а остаться на престоле.

Согласилась Мира, а только, видно, не очень хотелось ей государственными делами управлять, серьезные думы думать, скучные просьбы да жалобы народа выслушивать, суды судить да заседать с мудрейшими людьми государства. Не по душе такие дела Мире. То ли дело под лучами весеннего солнышка за быстроногим оленем гоняться, то ли дело в вихре веселой пляски по нарядным залам носиться! Жизнь беспечная, веселая, праздничная манит к себе королеву.

Недолго погоревала Мира после смерти своего мужа. Снова начались балы да охоты. А народом править поставила она двух сановников, суровых нравом да жестоких сердцем. Сановники были из другого королевства, из того самого, откуда приехала Мира. Народ им чужой, дальней страны они не любили, как править этим народом, не знали и заботились лишь о том, как бы все покрасивее в столице выглядело, где

дворец королевы стоял, а о том, что делалось в деревнях и селах, голодал ли или сыт был народ, им и знать-то не хотелось.

И стало в том королевстве все вкривь и вкось делаться, народ обеднел и стал громко роптать да жаловаться.

Но ропот и жалобы народа не доходили до королевы Меры.

Охота сменялась охотой, балы – балами. Весело жилось Мире-королеве, и не думала, не гадала она, как страдает ее народ. Спросит сановников королева, как ее подданным живет, – один ответ у ее сановников на устах:

– Все счастливы, королева, и тебя день и ночь благословляют.

И королева, довольная, радостная, продолжала веселиться и забавляться.

А народ все чаще и чаще, все громче и громче стал роптать и решил наконец, что необходимо убрать, удалить тех сановников, что всю страну ввергли в беду, в несчастье, и просить королеву на их место назначить других, и не из чужой уже страны, а из своих людей, которые народ бы любили и знали, как им править.

Было утро раннее, майское, светлое.

Солнышко грело, птицы весело чирикали, небо голубело праздничное, радостное, красивое такое. Проснулась Мира с веселым, радостным сердцем.

В этот день был веселый маскарад назначен, и заранее Мира-королева радовалась тому, как хороша, как нарядна она на нем будет.

Весело прыгнула с постели королева и видит: лица у ее свиты, фрейлин и служанок испуганные, белые, как мел, губы дрожат. В глазах ужас.

– Королева, – шепчут они в страхе, – твои мудрые сановники прискакали и желают тебя видеть. Народ не хочет им повиноваться больше, тебя зовет, шумит, кричит... Сановники не знают, что делать.

Взволновалась, встрепенулась Мира. Еще такого не было, чтобы народ шумел. Все тихо у них было, все спокойно.

Оделась Мира в королевские свои одежды и в сопровождении придворных дам и многих рыцарей, которые постоянно жили во дворце, спустилась по широкой лестнице, застланной коврами.

В нижней зале, у лестницы, уже ждут королеву два самых важных сановника.

Как только увидели они Миру, низко поклонились и сделали знак рукой. По этому знаку вышли из толпы придворных два кудрявых мальчика-пажа. Они держали в руках бархатную подушку. На подушке лежал золотой меч.

Мальчики-пажи преклонили колени и положили меч к ногам королевы.

– Что это значит? – взволнованным голосом спрашивает

Мира.

Тогда вперед с низкими поклонами выступили сановники и говорят:

– Народ шумит, безумствует, королева! Не хочет слушать нас. Мы уже собрали войска, чтобы наказать непокорных, и тебе, королева, предстоит стать во главе верных воинов с мечом в руке. Возьми его и поведи войска против непокорных.

Выслушала Мира сановников и глубоко задумалась, златокудрой головкой своей поникла, печально долу опустила затуманенные глаза, и грустно-грустно стало у нее на душе.

Хоть и чужой ей был народ, среди которого жила, она успела полюбить его. И только теперь задумалась королева, как мало заботилась она о том народе, который так доверчиво просил ее остаться царствовать в стране после смерти ее мужа. Только теперь вспомнила, что сама никогда не спрашивала у народа, счастлив ли он, доволен ли, и во всем верила своим сановникам. Неужели же ей последовать теперь советам этих сановников и идти с мечом на тех, которые ее хотели иметь своей королевой?

Нет! Нет! Никогда не быть этому! Не прольет она крови хоть и чужого, но вверившегося ее власти народа. Иначе сумеет она успокоить его. Надо только узнать, отчего волнуются, чего хотят ее подданные.

Две сестры Миры, принцессы, которые накануне приехали к ней в гости, чтобы принять участие в веселом маскараде, стали нашептывать королеве:

– Уедем, Мира, отсюда! Уедем сейчас же обратно к отцу! Умчимся в родное наше королевство! Что тебе чужой народ, Мира! Не хочет он подчиняться поставленным тобой сановникам – так уйди от него. У нашего царя-батюшки достаточно богатства, достаточно дворцов, и там ты так же весело жить будешь, как и здесь.

Улыбнулась Мира, покачала своей красивой головкой и ответила сестрам:

– Нехороший совет даете мне, сестры. Раз я стала королевой этой страны, то народ, который здесь живет, мне больше не чужой. Нет, он стал мне близким, родным, я обязана печься о нем, и теперь я прежде всего должна узнать, что стряслось, какая беда великая в моем королевстве приключилась, кто тут прав, кто виноват.

– Нет, королева, нет теперь времени разбирать, кто прав, кто виноват, – встревоженно заговорили сановники. – Народ шумит, бунтует. Войско ждет. Возьми меч, королева, и стань во главе войска, пока не поздно.

– Нет, не надо мне меча, – ответила громко королева.

И оттолкнула от себя меч ногою, поспешно спустилась со ступеней лестницы, быстрыми шагами вышла на балкон, оттуда в сад дворцовый и, приблизившись к зеленому деревцу, росшему в углу сада, сорвала небольшую веточку с него и шепнула:

– Ты – миртовое деревце, деревце мира, спокойствия и дружбы! Пусть мой народ увидит тебя в моей руке вместо

враждебного меча и поймет, что не дышит к нему ненавистью и враждой Мира-королева!

И вышла с миртовой ветвью к народу...

Затих народ.

Затих сразу, увидя свою королеву.

Надеждой и счастьем заблестали глаза. Приветственные крики огласили воздух. Восторженно, радостно звучали они.

– Да здравствует королева! – слышалось со всех сторон.

А когда многотысячная толпа увидела в руке королевы миртовую ветку, то как один человек упала на колени. Мира медленно, спокойно вошла прямо в толпу собравшегося народа.

Став в самой середине, она громко и внятно сказала, что пришла узнать, кто обидел ее любимый народ, кто виновник его несчастий и чем она может ему помочь. Тогда из толпы вышли седые старики и поведали королеве все горести и печали народа.

Все узнала Мира. Узнала и поняла. Поняла, что притесняли сановники ее народ, обижали его помимо ее воли.

И больно, и стыдно стало королеве. Стыдно за то, что развлечения да празднества столько времени драгоценного у нее отнимали, того времени, которое она должна была посвящать народу своему.

Чем больше узнавала Мира от своих подданных прав-

ду-истину, тем ярче и ярче разгоралась в ее сердце любовь к ним. И тут же дала себе слово Мира-королева бросить веселье да потехи и всю свою жизнь отдать на служение своему народу.

И сдержала свое слово свято и твердо светлая Мира-королева.